

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

not in LC
ay

НАСЕЛЕНИЕ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ОТЪ ПОЛОВИНЫ XV В. ДО ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ (1569 Г.)

Сог. М. Д. Владимірскаго-Буданова.

КИЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.
1891.

1. Russia, South-West. - Hist., 15-16th cent
2. Population - Russia, South-West.

НАСЕЛЕНИЕ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ОТЪ ПОЛОВИНЫ XV В. ДО ЛЮБЛИНСКОЙ УНІИ (1569 Г.)

Сог. М. И. Владимірскаго-Буданова.

155 156

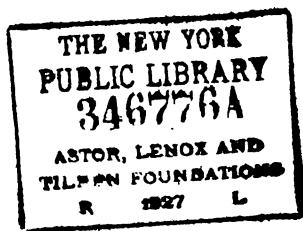
157 158

159 160

КИЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.

1881.

XXOY WEN
0167
YSAAGU

Населеніе Юго-Западной Россіи отъ второй половины XV в. до Люблинской уніи (1569 г.).

Разсказъ объ исторической судьбѣ населенія юго-западной Россіи, начатый нами три года тому назадъ (по поводу изданія Коммисіею 1-го тома актовъ о колонизаціи), былъ доведенъ тогда до второй половины XV в., т. е. именно до той эпохи, съ которой начинается главная часть дошедшихъ до насъ актовъ историко-географическаго содержанія, издаваемыхъ Коммисіею.

Тогда намѣченъ былъ нами путь дальнѣйшаго хода исторіи заселенія юго-западнаго края и обѣщано было исполненіе указанной схемы. Акты, издаваемые въ настоящемъ (2-мъ) томѣ, обнимаютъ дѣйствительно время до второй половины XVII в.; но наше объясненіе къ нимъ прервется на 1569 годѣ, т. е. на знаменитомъ актѣ Люблинской уніи; мы и теперь не можемъ перейти за эту черту самой важной и характерной эпохи въ цѣлой исторіи заселенія Украйны. Главнѣйшая причина того есть обширность предмета, постепенно возрастающая по мѣрѣ появленія новыхъ матеріаловъ для изслѣдованія его; прибавимъ къ этому продолжающіяся разно-

II.

гласія по главнымъ вопросамъ въ этой, столь важной отрасли историческихъ познаній о нашемъ отечествѣ,—разногласія, которыя заставляютъ иногда изслѣдователя развивать и документировать и такія положенія, которыя, при другомъ порядкѣ вещей, слѣдовало бы считать очевидными и не требующими доказательствъ.

I.

Вѣтшая историческая судьба населенія Южной Руси 1471—1569 г.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи населенія южной Россіи насъ будутъ интересовать главнымъ образомъ украинныя повѣты. Подъ именемъ украинскихъ нужно разумѣть повѣты, дѣйствительно граничившіе со степями; такими признаемъ: Кіевскій, Житомирскій, Каневскій, Черкассскій, Винницкій, Браславскій, Хмѣльницкій, Барскій, Каменецкій и Летичевскій). Правда, къ украиннымъ можно бы причислить Остерскій и Овручскій повѣты Кіевского воеводства; но эти послѣднія мѣстности отчасти закрывались съ юга названными выше повѣтами; населеніе ихъ не было такъ истребляемо массами и не вызывало особыхъ мѣръ для новаго заселенія.—Исчисленные 10 повѣтовъ принадлежали въ XVI в. къ двумъ государствамъ; а именно первые 6—къ Литовско-русскому вел. княжеству, а послѣдніе 4 (Барскій, Хмѣльницкій, Каменецкій и Летичевскій)—къ Польскому королевству. Это обстоятельство давало бы намъ возможность сравненія колонизаціонныхъ мѣръ въ двухъ государствахъ, но, къ сожалѣнію, нѣкоторая разновременность люстрацій и различіе положенія повѣтовъ затрудняютъ это сравненіе. Во всякомъ случаѣ нашему изслѣдованію подлежатъ какъ тѣ, такъ и другіе.

Изъ нижеслѣдующаго увидимъ, что со второй половины XV в. до пол. XVI замѣчается пониженіе успѣховъ колонизаціи южно-

русскихъ окраинъ, сравнительно со временами Витовта и Олельковичей. Такія неблагопріятныя явленія были результатомъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ событій жизни Литовскаго государства вообще и южной Руси въ особенности.

Судьба украиннаго южно-русскаго населенія тѣсно связана съ судьбою Кіевскаго княжества, ибо прежде въ составъ его входила вся южная Украина, за исключеніемъ западнаго Подолья. Въ 1471 году умеръ Кіевскій князь Семень Олельковичъ, князь на столько могущественный и любимый русскимъ населеніемъ, что въ самыя цвѣтуція времена правленія вел. князя Казимира могъ быть соперникомъ этого послѣдняго и кандидатомъ на великокняжескій престолъ. Понятно, что по смерти кн. Семена польская партія въ Литовскомъ государствѣ поспѣшила уничтожить послѣдній остатокъ политической самобытности Русской земли: кіевскій княжескій престолъ, существовавшій со временъ доисторическихъ, осѣняемый вѣковою священною памятью Владиміра св. и Владиміра Мономаха, наконецъ былъ упраздненъ навсегда. Братъ и законный преемникъ кн. Семена, Михайлъ—князь В. Новгорода, былъ не только устраненъ, но 10 лѣтъ спустя казненъ именно въ Кіевѣ предъ воротами замка. Самое Кіевское княжество было обращено въ воеводство (или правильнѣе раздроблено на повѣты). Первымъ воеводою назначенъ католикъ Мартынъ Гапшольдъ. Тщетно кіевляне воспротивились такому распоряженію; прогнанный воевода явился опять съ войскомъ и завоевалъ, такъ сказать, Кіевъ для польско-литовской партіи. Уже тогда католичество и подонизмъ отождествлялись въ умахъ и языкѣ населенія; по словамъ лѣтописи, кіевляне не принимали воеводы потому, что онъ не только не былъ князь, но главное—„ляхъ бѣ“.

Какое вліяніе на судьбу населенія южныхъ окраинъ имѣло это уничтоженіе Кіевскаго княжества? Повидимому, оно должно бы имѣть благотворное значеніе въ дѣлѣ защиты и колонизаціи степей; государство объединенное должно бы обладать большими силами и болѣе сосредоточенною властію, чѣмъ прежде, раздроб-

ленное на удѣлы. Но на дѣлѣ вышло не то. Для мѣстныхъ Кіевскихъ князей защита украины и заселеніе ея было дѣломъ жизни самого княжества, интересомъ главнѣйшимъ и преобладающимъ; для государства-же Литовскаго, съ его отдаленнымъ центромъ среди инородческой Литвы, для государства, подпавшаго подъ вліяніе католическихъ интересовъ и польской культуры, южно-русскія дѣла являлись почти чужими; со временъ Казимира всѣ помыслы литовскаго правительства направлялись къ западу; подчиняясь чужимъ интересамъ, оно истощало свои силы въ борьбѣ съ Московскимъ государствомъ, также отчасти вызванной уніею Литвы съ Польшею. Времена Ольгерда и Витовта,—времена энергической самобытности, прошли для него безвозвратно. Южная Русь должна была отбиваться отъ азіатскихъ варваровъ собственными силами, но уже лишена была необходимой для того самостоятельности и единства силъ въ лицѣ Кіевского князя. Мало того: государство Литовско-русское, благодаря личной уніи съ Польшею, мало по малу (въ теченіи XV и XVI в.в.) проникалось особенностями польскаго государственнаго строя, т. е. узко-сословною организаціею населенія, которая совсѣмъ не годилась для такого боеваго состоянія, въ какомъ жили южно-русскія окраины. Въ теченіи дальнѣйшихъ замѣтокъ уяснятся внутреннія причины неуспѣха заселенія этой страны, истекавшія изъ указанныхъ сейчасъ особенностей Литовскаго государства. Мы увидимъ, что ослабленная государственная власть даетъ недостаточныя средства для защиты страны, принижаетъ городскія общины, передавая ихъ средства, а вмѣстѣ тѣмъ и свои важныя обязанности въ неумѣлыя и большею частію своекорыстныя руки мѣстныхъ старостъ; сосредоточенныя силы государства мельчаютъ, переходя мало по малу къ частнымъ землевладѣльцамъ, которыхъ заботы о заселеніи пустынь парализовались стремленіемъ къ развитію повинностей поселенцевъ въ свою частную пользу.

Мы увидимъ наконецъ, что такое состояніе дѣла уже до Люблинской уніи вызвало внутреннюю необходимость козачины,

т. е. усилий, предпринятых самим народом колонизовать страну на свой собственный риск, даже вопреки цѣлямъ правительства и интересамъ частныхъ землевладѣльцевъ. Таковы внутреннія причины ослабленія колонизаціи южно-русскихъ украинъ въ XV и 1-й половинѣ XVI в. Но повторяемъ, онѣ уяснятся болѣе въ дальнѣйшемъ теченіи нашего разсказа, когда намъ придется говорить о способахъ колонизаціи.

Другое обстоятельство, дѣйствовавшее сразу разрушительно на успѣхъ заселенія, это—новые сильнѣйшіе удары, нанесенные южной Руси магометанскимъ востокомъ въ концѣ XV и началѣ XVI в. и недостаточно сильный отпоръ этимъ ударамъ со стороны Литовскаго государства, не смотря на союзъ его съ Польшею. Хотя татарскія нападенія простирались иногда и на внутреннія области Литовскаго государства, но главною и постоянною цѣлію набѣговъ татаръ была южная Русь, заслонявшая собою прочія провинціи государства. Опустошенія южной Руси въ XIV в., особенно погромы въ началѣ этого вѣка были страшны и губительны; но затѣмъ нападенія татаръ ограничивались преимущественно однимъ Подолемъ. Витовтъ и Кіевскіе князья могли, хотя съ трудомъ, залечивать раны, наносимыя русскому населенію варварами. То были отдаленные враги; они не могли каждый годъ, каждый мѣсяцъ съ далекихъ береговъ Волги являться подъ стѣны Кіева и Житомира. Теперь часть орды поселилась въ близкомъ сосѣдствѣ съ южною Русью—въ Крыму и на нижнемъ Днѣпрѣ. Пока этотъ новый улусъ былъ только гнѣздомъ хищниковъ, южная Русь не терпѣла отъ него слишкомъ значительныхъ бѣдъ; но въ 60-хъ годахъ XV в. произошелъ среди магометанскаго міра переворотъ, имѣющій не малое значеніе въ исторіи восточной Европы. Татарскія орды, до сихъ поръ опустошавшія Россію, какъ онѣ ни были страшны, мало по малу превращались въ простые разбойничьи шайки, наносившія населенію лишь временный вредъ. Но когда единовѣрцы ихъ--турки окончательно укрѣпились на материкѣ Европы (съ завоеваніемъ Константинополя), то преж-

ніе временные хищническіе набѣги кочевниковъ получаютъ новый смыслъ и систематическое значеніе подъ верховнымъ руководствомъ главы магометанства—турецкаго султана. Крымскій улусъ призналъ верховную власть цареградскаго падишаха въ 1478 г.; тотчасъ послѣ этого для южной Руси наступила новая эпоха татарскихъ опустошеній, эпоха, соединенная съ именемъ Менгли-Гирея, истиннаго основателя могущества Крымскаго ханства. Она лишена мрачной славы кровавыхъ погромовъ Батыя, Тамерлана или Эдигея, но зато отличается систематичностью, постоянствомъ и такъ сказать безотвязностью татарскихъ, а потомъ и турецкихъ набѣговъ. Результаты сказались тотчасъ-же. Прежнія христіанскія поселенія, уживавшіяся въ самомъ Крыму съ татарскимъ владичествомъ (генуэзская колонія Кафа), теперь падаютъ и населеніе ихъ подвергается поголовному истребленію. Въ важнѣйшихъ сопредѣльныхъ пунктахъ съ Литовскимъ государствомъ захвачены прежнія литовскія, или основаны новыя магометанскія укрѣпленія (Очаковъ въ 1492 г., Тягинь—тогда-же); южная граница государства, обозначенная писцами кн. Семена Олельковича по берегу Чернаго моря, отодвигается далеко къ сѣверу. Вообще въ дѣйствіяхъ Менгли-Гирея виденъ уже государственный смыслъ и цѣли, очевидно, подсказанныя изъ Константинополя. Съ конца XV в. начинается и непосредственное участіе турокъ въ походахъ на южную Русь, то вмѣстѣ съ татарами, то отдѣльно. Продолжаются иногда старыя набѣги и заволжскихъ татаръ; но главная роль въ опустошеніи южной Руси принадлежитъ Крымскимъ хищникамъ, которые совершали свои привычныя походы на южную Русь уже для двойной цѣли: ради временной добычи, и въ угоду турецкому султану. Опустошительныя наѣзды XV в. были памятны южно-русскому населенію еще во 2-й полов. XVI в. При самомъ Менгли-Гиреѣ они повторялись (во время борьбы Литвы съ Москвою) почти ежегодно. Уже на другой годъ послѣ того, какъ крымскій ханъ сдѣлался вассаломъ турецкаго султана, именно въ 1479 г. „пришли татары на Подолье; наши услышавши о томъ, пошли къ

нимъ на встрѣчу и татары скрылись въ Черномъ лѣсу; когда-же наши возвратились восояси, татары вышли изъ Чернаго лѣса и много зла сотворили на Подольѣ и около Браслава (Густ. лѣт.). Но это было только предвѣстіемъ знаменитаго опустошенія южной Руси въ 1482 году, со времени котораго она обратилась опять почти въ пустыню, почти въ такое же состояніе, въ какомъ была при Батыѣ. Менгли-Гирей подступилъ къ *Кіеву* изъ-за Днѣпра, конечно, опустошивши предварительно все *Задніпровье*, которое съ тѣхъ поръ представляетъ дѣйствительную пустыню и до послѣдней четверти XVI в. о немъ прекращаются почти всякія историческія свидѣтельства. Прошедши черезъ Днѣпръ, ханъ овладѣлъ Кіевомъ; воевода Кіевскій Иванъ Ходкевичъ со всѣмъ семействомъ попался въ плѣнъ (гдѣ и умеръ); тогда не было пощады ни церквямъ, ни монастырямъ, ни лицамъ духовнымъ; многіе были перебиты, многіе погибли въ пещерахъ; цѣнныя святыни изъ Св. Софіи были разграблены и потомъ отосланы въ Москву¹⁾. Къ этому же времени относится опустошеніе и правобережной части Кіевской земли, которая потомъ, въ половинѣ XVI в. не могла оправиться и жители приписывали еще тогда печальную судьбу своихъ поселеній Менгли-Гирею. Тогда, т. е. въ 1545 г. королевскій дьякъ Левъ Потѣвичъ Тышкевичъ, описывая украинныя замки, на вопросъ свой, обращенный къ житомирцамъ: кто издавна обязанъ былъ давать подводы и стаціи? услышалъ отъ землянъ и мѣщанъ слѣд.: когда въ прежніе годы городъ былъ въ цѣлости и села сидѣли на своихъ селищахъ, тогда мѣщане давали стаціи и подводы отъ нихъ ходили до Чуднова и Звягля, а въ другую сторону до Кіева; села Романовъ, Коростешовъ, Ловковъ и Крошня, которыя потомъ розданы землянамъ, помогали имъ. Но царь Менгли-Гирей

¹⁾ Въ рукописномъ помянникѣ Кіево-Печерской лавры, который начатъ вновь послѣ разоренія монастыря Менгли-Гиреемъ, стоитъ слѣдующая замѣтка: „первый уписъ (помянникъ) изгорѣлъ 6911 (1483), плѣвненіемъ киевскимъ безбожнаго царя Менкирѣя и съ погаными Агаряны; тогда и сію божественною церковь опоустиша и вся святыя книги и иконы пожгоша; мы жъ, по днехъ нѣсколькихъ, изъ ихъ поганьства изшедше, и пакы начахомъ имена писати, иже помняше, еже исперва написаны быша“.

взялъ городъ Житомиръ и опустошилъ его при королѣ Казимирѣ; тогда король, видя опустошеніе и обѣднѣніе этого города, освободилъ мѣщанъ отъ стацій и подводъ ¹⁾.—Дѣйствительно, сравнивая древнѣйшее описаніе Кіевской земли (ок. 1471 г.) съ люстраціями 1545—1552 годовъ, находимъ, что многія селенія, обозначенныя въ первой, во вторыхъ или вовсе не обозначаются, или являются пустыми селищами. Предѣлы пустыни со временъ Менгли-Гирея подвинулись далеко на сѣверъ, за Рось: украинныя замки остались среди нихъ уединенными оазисами. Пока былъ живъ старый король Казимиръ, государство употребляло хотя нѣкоторыя средства защиты и новаго заселенія страны; по крайней мѣрѣ замки были восстанавлиемы. Но окрестная страна и въ тѣ времена была опустошаема безнаказанно, что доказывается слѣд. лѣтописнымъ фактомъ, записаннымъ подъ 1486 годомъ: „татары безъ милости плѣнили *Подоліе и Русскую землю, въ теченіи трехъ годовъ*, безъ всякаго отпора“ (Густ. лѣт.). Не забудемъ, что король Казимиръ совмѣщалъ въ своихъ рукахъ скипетры Польскаго королевства и в. кн. Литовскаго и такимъ образомъ располагалъ для защиты украинъ двойными могучими средствами. Связь Литвы съ Польшею, по мнѣнію польскихъ писателей, могла оказать огромную услугу для защиты южной украины союзными силами. Но факты, которые бы могли быть приведены въ доказательство этой мысли, показываютъ только, что Польша иногда (но далеко не всегда) принимала участіе въ защитѣ *собственныхъ предѣловъ*, т. е. тогда, когда татары нападали на части Подолія и Волыни, принадлежавшія Польшѣ. Слѣдуя безпристрастію старыхъ русскихъ лѣтописцевъ, приведемъ и мы эти факты: въ 1489 г. „послѣ многихъ плѣненій нашей земли отъ татаръ, послалъ противъ нихъ Казимиръ сына своего Іоанна Альбрехта, который соединился съ Русью и съ Подолянами и пошелъ противъ татаръ въ Копершину. Увидѣвши ихъ, татары исполчились и пошли противъ нашихъ и начали стрѣлять „взгору“, такъ что и небо отъ стрѣлъ ихъ затмилось и много тогда нашихъ

¹⁾ Арх. Ю. Р. VII. Томъ I. стр. 135.

людей и коней поразили стрѣлами; но наши побѣждали къ нимъ и въ рукопашную побили ихъ до 15 тысячъ; не мало взяли въ плѣнъ живыхъ, и, покончивши съ этими, обратились на другихъ (занимавшихся грабежомъ русскаго лагеря); наши напали на нихъ нечаянно и убили изъ нихъ до 10 т., въ томъ числѣ самаго царика. Послѣ этой побѣды, татары опять собрались и пришли въ безчисленномъ множествѣ, когда была уже зима...; наши, нашедши слѣдъ, пошли за ними утоптанною дорогою и догнавши ихъ утомленныхъ въ снѣгу, легко поразили и побили ихъ“ (Густ. лѣт.). Черезъ два года послѣ того (въ 1491 г.) приходили заволжскіе татары на Волинскую землю въ числѣ 10 т.; они много зла сотворили въ *Волинской землѣ и въ Лядской*: въ Володиміръ пожгли церкви Божіи, великую церковь Пречистой мурованую (каменную) и городъ (мѣсто), а людей по городамъ, и по селамъ и по дорогамъ безъ числа посѣкли и въ полонъ побрали. Но Волинцы и Ляхи, собравшись вмѣстѣ, Божію помощію и пречистой Ёго Матери догнавши ихъ не далеко отъ Заславля, побили поганныхъ и полонъ отполонили; немногіе изъ нихъ убѣжали, и тѣ отъ холода замерли, не дошедши до своихъ улусовъ. Надъ Волинцами былъ старостою кн. Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій. Тогда видимо помогъ Богъ христіанамъ надъ погаными; нашихъ убито менѣе десяти (?), а ихъ поганцевъ 8000“ (Кіевск. лѣт.).

Такія союзныя дѣйствія двухъ большихъ славянскихъ государствъ (причемъ, однако, очевидно главная роль принадлежала южно-руссамъ) въ дѣлѣ защиты восточной Европы отъ варваровъ, именно выставлялись уже тогда, какъ главный мотивъ уніи Литвы съ Польшею (Stryik. II, 404). Въ дѣйствительности же столь отрадныя проявленія союзныхъ дѣйствій поляковъ съ русскими, и притомъ только въ защиту собственно Польскаго государства, были рѣдкими случаями. Въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ вся тяжесть борьбы падала на одну южную Русь съ нѣкоторымъ участіемъ Литвы, или безъ этого участія. Иногда собственнымъ силамъ Волини и Украины удавалось одерживать блистательныя побѣды,

но большею частію страна была безнаказанно опустошаема. Вотъ фактъ, показывающій незначительность участія Польши и печальные результаты его. Въ 1494 г. татары опустошали *Волинь* огнемъ и мечемъ; король Альбрехтъ послалъ на нихъ лишь нѣсколько жолнеровъ, которые были побиты большими полчищами татаръ *подъ Вишневецемъ* (Густ. лѣт.). А вотъ факты единичныхъ усилій южной Руси въ борьбѣ съ варварами. Въ 1495 г. „приходили татары Перекопскіе (сынъ царя Менгли-Гирея) въ *Волинскую землю* и едва не взяли гор. Корца; но кн. Семень Юрьевичъ, староста Луцкій, маршалокъ Волинскій земли, съ Литвою и съ Волинцами, поразилъ часть ихъ, а прочіе татары побѣжали отъ Корца“ (Кіев. лѣт.). Въ 1496 г. „приходили въ *Волинскую землю* сыновья Перекопскаго царя Менгли-Гирея со всею ордою Перекопскою и много зла сотворили Волинской землѣ: сожгли церковь и монастырь св. Николы въ Жидичинѣ и взяли безчисленный полонъ, а многихъ побили; они осадили въ гор. Ромномъ кн. Семена Юрьевича. Василія Хребтовича—намѣстника Володимірскаго, кн. Константина Острожскаго и всѣхъ Волинцевъ. Сначала татары начали показываться не въ большомъ числѣ; русскіе, не замѣчая множества ихъ, сказали сами себѣ: „сотворимъ нѣчто мужественное“, и выѣхали противъ нихъ изъ города и бились крѣпко съ ними и убили отъ нихъ нѣсколько. Тогда выступило множество татаръ; князь Семень, увидѣвши, что невозможно стоять противу такихъ силъ, возвратился въ городъ. А половцы (татары) городъ сожгли и, взявши небольшой окупъ съ города, со всѣмъ плѣномъ вразвратились во свояси“ (Лѣт. Кіев.). Въ 1497 г. марта 23 приходили татары и турки въ *Волинскую землю* и воевали вокругъ Кременца; они, взявши около 400 душъ плѣна, возвратились во свояси. Собрался кн. Михайло Острожскій со своими людьми и догналъ ихъ за Полоннымъ; онъ избилъ ихъ всѣхъ, плѣнъ весь возвратилъ и вернулся съ похвалою во отечество свое“. Въ томъ же году приходили Перекопскіе татары и взяли множество плѣна въ *Олешской волости* и въ *Мозырской*; догнали ихъ князь Михайло и кн. Константинъ Острожскіе съ дворянами

великаго князя въ субботу на другой недѣлѣ по великомъ дни въ землѣ Браславской на р. Сорокѣ, на Кошиловскихъ селищахъ, а другихъ догнали въ верховьяхъ Уши рѣки и могилы Пѣтуховой; избили ихъ всѣхъ до конца и плѣнъ весь отплѣнили; убили царевича Акманлу, а всѣхъ ихъ убито 340; изъ нашихъ погибъ одинъ человекъ и то изъ простыхъ (Кіев. лѣт.). Такъ южная Русь при случаѣ удачно справлялась съ татарскими полчищами сама; защищали ея предѣлы не поляки, а кн. Семень Юрьевичъ, кн. Острожскіе и „волынцы“. Въ томъ же 1497 г. встрѣчается болѣе крупный фактъ, на которомъ легко провѣрить степень дѣйствительнаго участія Польши въ дѣлѣ защиты страны отъ магометанскихъ народовъ. Со времени знаменитаго пораженія при Варнѣ 1444 г., Польша въ теченія 50 л. боялась предпринимать какое-бы-то ни было серьезное дѣйствіе противъ Турціи. Но вотъ въ 1497 г. польскій король, повидимому, рѣшился на новое большое предпріятіе, объявивъ, что цѣлю похода было возвратить отъ турокъ Бѣлгородъ и Килію; король (Альбрехтъ) склонилъ къ участію и великаго кн. Литовскаго Александра, взявъ съ него слово скрыть отъ русскихъ и литовцевъ цѣль похода. Такое странное условіе объяснилось потомъ тѣмъ, что умыселъ совсѣмъ другой былъ, а именно скрытою цѣлю похода было не завоеваніе Бѣлгорода, а захватъ Волошской земли въ пользу брата короля Сигизмунда,—захватъ христіанской сосѣдней и дружественной страны, обреченной на жертву своекорыстныхъ стремленій Ягеллоновъ. Понятно, что литовско-русское войско, дошедши со своимъ великимъ княземъ до крайнихъ предѣловъ степей за Браславль, отказалось слѣдовать дальше. Польское же ополченіе потерпѣло извѣстное постыдное пораженіе отъ Волоховъ въ Буковинѣ. Однако расплачиваться за это пришлось опять южной Руси, именно той части ея, которая непосредственно была подчинена Польшѣ: въ 1497 г. Стефанъ забралъ большой плѣнъ въ Галиціи и продалъ татарамъ и туркамъ (по сказанію Стрыйковскаго до 10 т.); затѣмъ въ іюлѣ пришли татары и также безъ милости надѣлали бѣдъ огнемъ и ме-

чемъ на *Подоль* и на *Волини*. Король Альбрехтъ повелѣлъ посполитой шляхтѣ собираться подъ Судомиромъ; она собралась и, собравшись лупила (грабила своихъ) людей, а татары, поплѣнивши землю и выведши безчисленное множество христіанъ въ плѣнъ, возвратились домой; шляхта же надѣлавши въ окрестностяхъ Судомира почти такихъ же бѣдъ, какъ татары, возвратилась во свояси“ (Густ. лѣт.). Въ такія бѣдствія вовлекало южную Русь мнимое содѣйствіе Польши въ защитѣ южно-русскихъ предѣловъ.

Съ тѣхъ поръ нападенія турокъ приводили Польшу въ паническій страхъ; такъ когда въ 1498 году послѣ татаръ, „пришли чрезъ Волошскую землю турки въ *Подоліе*, въ числѣ около 70 т.; то начавши отъ Днѣстра, они пустошили огнемъ и мечемъ страну около Галича, Жидичева, Дорогобыча и Самбора. Они еще больше зла надѣлали бы, ибо никто имъ не противился, еслибы не самъ Богъ отогналъ ихъ, напустивъ на нихъ безмѣрную зиму и снѣга, чего они не привыкли терпѣть; перемерзло у нихъ тогда 40 тысячъ людей; остатокъ же тѣхъ, которые спаслись отъ мороза, перебилъ Стефанъ, воевода Волошскій... Въ то время былъ такой страхъ и трепеть въ Польшѣ, что жители хотѣли, оставивши свою землю, уходить въ другія страны“ (Густ. лѣт.). Этотъ страхъ тѣмъ болѣе напрасенъ, что правитель маленькой страны—Валахиіи не боялся вступать въ открытую борьбу съ турками и одерживалъ надъ ними иногда побѣды.

Рядъ нападеній XV в. завершился знаменитымъ опустошеніемъ польской части южной Руси въ 1499 году, „когда Менгли-Гирей, помогая Москвѣ, послалъ сына своего Ахматъ-Гирея съ иными сыновьями и со множествомъ татаръ на *Волинь*; они поплѣнили страну около Бѣлза, Красника, Туробина, Краснаго Ставу, Люблина, Урендова; сожгли Владиміръ и Берестіе и пр.; опустошили огнемъ и мечемъ край до самой Вислы. Собрался идти на нихъ король Альбрехтъ, но не имѣлъ достаточной силы и вернулся въ Краковъ; татары же отвели весь плѣнъ въ свою землю; въ сентябрѣ они опять пришли въ Польшу и по обычаю своему поражали

огнемъ и мечемъ страну отъ Берестя до Опатова; король опять пошелъ на нихъ, но татары уже отошли съ плѣномъ въ свою землю“ (ibid). Такимъ бѣдствіямъ подвергались южно-русскія окраины самой Польши.

Если она не могла защитить свои собственные предѣлы, то Литовскому государству нечего было ожидать отъ нея себѣ помощи. Обращаясь опять къ Литвѣ, видимъ, что, не получая помощи отъ Польши, и будучи не въ состояніи защитить южныя границы своего государства, Литовскій великій князь прибѣгъ къ крайнимъ и унижительнымъ для государства средствамъ, а именно: въ 1500 г. великій князь Александръ предложилъ Менгли-Гирею поголовную дань, по 3 деньги съ cadaго челоуѣка, съ земель Кіевской и Подольской ¹⁾, чѣмъ и подалъ поводъ хану смотрѣть на южную Русь, какъ на собственный улусъ, а так. обр. возбудилъ въ татарахъ новыя притязанія и новыя мотивы къ нападеніямъ. Столь же мало удачною была попытка противопоставить одну татарскую орду другой; это нисколько не спасло страну отъ повторительныхъ опустошеній; даже болѣе: южная Русь, въ слѣдствіе того, сдѣлалась ареною междоусобной борьбы татаръ двухъ главныхъ ордъ: въ 1501 г. на поляхъ около Кіева рѣзались между собою Заволжскіе и Крымскіе татары (Шахматъ съ Менгли-Гирею); первые—союзниками польскаго короля приглашали его къ совокупному нападенію на Крымцевъ; но въ то время Александръ былъ уже избранъ королемъ Польскимъ и былъ въ Краковѣ; поляки, по случаю коронаціи его, „творили себѣ утѣшеніе“ (Густ. лѣт.). Такимъ образомъ Польша допустила полное пораженіе Крымцами своего союзника, тщетно ожидавшаго помощи, когда орда его гибла въ степи отъ голода и холода и, конечно, грабила Кіевскую страну. Несчастныи побитый союзникъ былъ схваченъ въ Кіевѣ и отправленъ въ качествѣ плѣнника въ Вильну.

¹⁾ Акты З. Р. I, № 183.

Послѣ этого, въ началѣ XVI в., набѣги Крымцевъ приняли особенно широкіе размѣры и охватывали огромный районъ, достигая до центра государства, т. е. до Вильны ¹⁾.

Само собою разумѣется, что путь татаръ въ эти отдаленныя страны шелъ чрезъ южную Русь, на которую и падали первые ихъ удары: въ 1503 г. осенью на р. Ушѣ потерпѣло пораженіе русское войско подъ предводительствомъ князей Ѳед. Ив. Ярославича, Юр. Ив. Дубровицкаго и Григорія Глинскаго, который былъ въ то время старостою Овруцкимъ и въ этой битвѣ былъ убитъ. Тогда-же и на Подольѣ пришлось мѣстнымъ украинникамъ отражать нападеніе татаръ *).

Въ такомъ положеніи засталъ дѣла новый король и великій князь Сигизмундъ; ханъ Менгли-Гирей въ торжественномъ манифестѣ (1506 г.), не боясь обличеній во лжи, объявилъ все государство Литовское, особенно-же южную Русь, своимъ исконнымъ владѣніемъ, которое лишь пожаловано его предками великимъ князьямъ Литовскимъ, подъ условіемъ дани. Новый король принужденъ былъ въ 1507 г. заключить мирный договоръ съ Менгли-Гиреемъ. Но, не смотря на то, что Крымскій ханъ уже не былъ (при Вас. Іоанновичѣ) союзникомъ Московскаго великаго князя, миръ съ Литвою не удержался даже въ теченіи одного года; набѣги продолжались до самой смерти Менгли-Гирея (1515 г.); такъ въ 1507 году приходили татары опять въ Русскую землю; въ 1508 г. когда они снова посѣтили Русь, то кн. Конст. Острожскій поразилъ ихъ и отнялъ плѣнъ. Съ тѣхъ поръ во все 40-лѣтнее царствованіе Сигизмунда не видимъ ниодного случая общихъ и рѣшительныхъ

¹⁾ Въ 1503 г. Батый-Гирей, сынъ Менгли-Гирея, пришелъ подъ Слуцкъ; татары, обложивши Слуцкъ, распустили загоны подъ Клецкъ и Несвижъ; замокъ въ Клецкѣ сожгли. Тогда же вновь татары поплѣнили землю до Новгородка (Густ. лѣт.); въ 1505 г. Менгли-Гирей добрался до Минска, загоны его доходили до Вильны (ibid.). Въ 1506 г. сыновья Менгли-Гирея поставили свой лагерь подъ Лидою и оттуда выпускали свои загоны (ibid.). Въ 1510 г. Менгли-Гирей дошелъ до Вильны и много плѣну набралъ (ibid.). Нападенія повторились въ 1512 и въ 1515 гг.

²⁾ Stryk. II, 319.

предпріятій противъ татаръ и турокъ. Все вниманіе вел. князя и всѣ силы государства были обращены на борьбу съ Москвою; татары по прежнему хозяйничали въ южной Руси. Въ 1516 г. 40 т. татаръ расположились у Бужска и распустили загоны по *Волини* и *Подолью* и отвели въ плѣнъ около 50 тыс. человекъ.

Так. обр. хотя Сигизмундъ опять соединилъ въ своихъ рукахъ скипетры Польши и Литвы; но и такой союзъ съ Польшею мало приносилъ пользы Руси и Литвѣ; даже болѣе: взаимная борьба Литвы и Польши за часть Подолья, захваченную поляками, подавала поводъ къ обоюднымъ подозрѣніямъ въ подводѣ татаръ и турокъ и измѣнѣ; такъ подъ 1519 г. Кіев. лѣтопись заноситъ слѣдующій интересный, хотя не совсѣмъ ясный фактъ: „татарѣ съ поляками зрадившись (согласившись) нашихъ (по друг. сп. Русь) подъ Сокалемъ поразили, а другихъ въ Бугѣ потопили“ ¹⁾. До нѣкоторой степени у Стрыйковского этотъ фактъ, объясняется тѣмъ, что поляки не послушались здраваго совѣта предводителя русскихъ кн. Константина Острожскаго ²⁾; русскіе легко могли увидѣть въ этомъ измѣну (можетъ быть не безъ нѣкотораго основанія). Въ награду за такое поведеніе въ 1524 т. турки и татары опустошили немилосердно земли Львовскую, Саноцкую, Бѣльзскую и Подольскую; поляки „не осмѣлились выйти къ нимъ на встрѣчу, помня Сокальское пораженіе“ ³⁾.

Памятная побѣда надъ татарами 1529 г. одержана единичными силами Руси, именно кн. Константиномъ Острожскимъ, кн. Юріемъ Семеновичемъ Слуцкимъ, Ѳеодоромъ Сангушковичемъ Владимірскимъ, кн. Иваномъ и Александромъ Вишневецкими, кн. Александромъ Чарторыйскимъ, Андреемъ Немиричемъ воеводою Кіевскимъ и Остафіемъ Дашкевичемъ старостою Черкасскимъ и Каневскимъ. Изъ литвиновъ участвовалъ только Юр. Ник. Радзивилъ, въ качествѣ старосты Гроденскаго. Ополченіе всѣхъ силъ

¹⁾ Издан. Кіев. Коммис. 1888 г., стр. 75.

²⁾ Strykow. II, 392.

³⁾ Ibid. II, 393.

русскихъ земель собралось въ Кіевѣ и гнало татаръ на 40 миль до Ольшаницы; татаръ было болѣе 34 т. Тогда отняли у нихъ плѣнниковъ 80,000 (sic) и положили на мѣстѣ (будто-бы) 24,000 ¹⁾. Тогда же другую побѣду надъ ними одержалъ кн. Юрій Слуцкій вмѣстѣ съ Евстафіемъ Дашкевичемъ у Канева и Черкасъ ²⁾. Наоборотъ, походъ, предпринятый поляками въ 1529 г. подъ Очаковъ (куда они „ходили въ козацтво“), кончился совершеннымъ пораженіемъ ихъ отъ хана татарскаго (будто бы вслѣдствіе измѣны) ³⁾. Послѣ новыхъ вторженій татаръ, наконецъ въ 1533 г. въ Константинополѣ былъ заключенъ миръ между турками, татарами и волохами съ одной стороны и Польшею и Литвою съ другой. Съ того времени начинается и идетъ на цѣлое столѣтіе то ненормальное состояніе вещей, при которомъ правительство Литовское настаиваетъ, чтобы украинные люди не задирали татаръ, а между тѣмъ татары совершали по прежнему свои опустошительные набѣги. Так. обр. положеніе украинниковъ сдѣлалось вдвойнѣ тяжкимъ: они одни продолжали защиту страны подъ угрозою со стороны собственнаго правительства; тогда настала приснопамятная дѣятельность козачины, иногда руководимая мѣстными старостами, какъ въ Литовской украинѣ, такъ и въ Польскомъ Подольѣ. Такъ въ 1534 г. татары опять опустошили *Волинь*; при этомъ одинъ загонъ ихъ разбилъ Венжигъ, „козакъ Хмельницкій“ ⁴⁾. Въ 1541 г. Бернатъ Претвичъ, староста Барскій, въ отмщеніе татарамъ за опустошеніе *Винницкихъ* волостей, вторгнулся въ Перекопъ съ Черемисами (осѣдлыми Барскими татарами), перебилъ и потопилъ татарскихъ женъ и дѣтей ⁵⁾. При такихъ обстоятельствахъ окончилось царствованіе Сигизмунда I; при немъ украинскіе замки оставались въ небреженіи, какъ засвидѣтельствовалъ люстраторъ 1545 г.; лишь въ

¹⁾ За цифры, сообщаемыя Стрыйковскимъ, конечно, нельзя ручаться.

²⁾ Strykow. II, 394.

³⁾ Ib. II, 395.

⁴⁾ Ib. II, 397.

⁵⁾ Ib. II, 399.

Польскомъ Подоліи королева Бона заботилась объ укрѣпленіи своего Бара. Предпріятія украинскихъ старостъ не встрѣчали поддержки.

Наступательное движеніе на самый центръ татарскихъ улусовъ было преждевременно, когда не доставало силъ защитить свои внутреннія страны отъ новыхъ татарскихъ опустошеній, которыя продолжались и въ началѣ царствованія Сигизмунда-Августа; такъ въ 1549 г., при новомъ нападеніи татаръ на *Волинь*, былъ набранъ ими большой плѣнъ; въ числѣ плѣнныхъ былъ и кн. Вишневецкій съ женой ¹⁾. Въ 1550 г. по Кіев. лѣт. ²⁾, или въ 1551 г. (по люстраціи ³⁾) Девлетъ-Гирей подступилъ къ *Браславу* среди перемирія, когда послы его были у короля и вели переговоры о мирѣ. Поэтому въ Браславлѣ сидѣли безопасно: люди разошлись изъ замка по пашнямъ и по пасѣлкамъ. Ханъ пришелъ со всѣмъ своимъ войскомъ, со вспомогательнымъ отрядомъ турецкихъ янычаръ и съ артиллерію; то было 2 сент. Въ городѣ заперлись женщины и дѣти, а мужчинъ было только 50 и то малопригодныхъ къ оборонѣ. Началась осада. Лѣзли на приступъ преимущественно турки, а татаръ принуждали къ тому палками. Въ Браславлѣ отличался мужествомъ землянинъ Кудряшко; онъ ободрялъ остальныхъ и тянулъ ихъ за руки на стѣны. Пальба продолжалась въ среду, четвергъ и пятницу; затѣмъ непріатели хотѣли взять городъ штурмомъ, но узнавши, что въ немъ воды нѣтъ, рѣшились взять его жаждою. Старосты въ то время не было, намѣстникомъ его оставался панъ Слупица; онъ да еще Романъ Красносельскій, Сергѣй Оратовскій, Трушенко и Митько Золотаръ рѣшили сдаться. Въ субботу ханъ прибылъ къ замку, забралъ орудія и порохъ, побралъ въ плѣнъ людей, а въ воскресенье, запаливъ замокъ и городъ, ушелъ. Тѣ люди, которые во время осады были внѣ города, также были переловлены по лѣсамъ. Осталось изъ нихъ только 200,

¹⁾ Ibid. 403.

²⁾ Изд. Кіев. Ком. 1888.

³⁾ См. № VII.

которые во время прибытія люстраторовъ въ 1552 г. сидѣли и ждали возобновленія замка, „не желая разстаться съ своими отчинами, ради великихъ тамошнихъ выгодъ“¹⁾).

Въ такомъ опустошенномъ видѣ застаютъ Украину люстраціи половины XVI в. Люстраціонные акты единогласно свидѣтельствуютъ, что важнѣйшая причина неуспѣховъ колонизаціи заключается въ продолжающейся необезпеченности Украины отъ татарскихъ набѣговъ; изъ люстраціи 1545 г. узнаемъ, что Житомирскіе крестьяне „по селищамъ не смѣютъ жить ради татаръ“, что многіе Житомирскіе земляне „сгибли отъ татаръ, не оставивши потомства“. Люстраторамъ 1552 г. повсюду (въ повѣтахъ Житомирскомъ, Каневскомъ и Черкасскомъ) жители заявляли, что въ селахъ крестьяне не живутъ, а лѣтомъ и зимою живутъ въ городахъ, или нѣкоторые зимуютъ въ городѣ, а лѣтомъ живутъ въ селѣ; напр. село Вороново (въ Канев. пов.) считаетъ у себя 15 семействъ крестьянъ, которые „зимуютъ при замкѣ и городѣ, а лѣтуютъ тамъ на островѣ“. Въ с. Тулиблѣ (тогоже пов.) 9 семей; но они „зимуютъ и лѣтуютъ при замкѣ“; тоже находимъ въ селахъ: Подсычахъ и Колтигаевѣ²⁾. Замки по прежнему остаются оазисами среди пустынь. Села и города превратились въ селища и городища, которыя лишь юридически принадлежатъ владѣльцамъ ихъ съ извѣстною группою крестьянъ. Все населеніе повѣта ютится при замкѣ и въ острогѣ.

Въ люстраціяхъ Подольскихъ не отмѣчается такого повсемѣстнаго запустѣнія, но и здѣсь въ эпоху, ближайшую предъ описаніемъ 1565 г., татарами разрушено множество селъ и мѣстечекъ; такъ въ 1558 г. татары разрушили въ староствѣ Хмельницкомъ между прочимъ села: Кумановцы, Кочановку, Кожуховъ, Гуминцы, Недвидовку, Заселово; сверхъ того мѣстечко Улановъ не могло осѣсться „потому, что его татары часто навѣщали“³⁾. Въ Каменецкомъ ста-

¹⁾ См. N VII.

²⁾ Архивъ Ю. Р. ч. VII-я Т. I. стр. 98, 99, 135.

³⁾ См. № XII стр. 156, 157, 161, 163.

роствѣ въ то-же время опустошены: м. Летичевъ, с. Криниче, Рашенцы ¹⁾); въ староствѣ Барскомъ, также въ 1558 г., „с. Щодрову, Поповцы и другія села татары разрушили до грунту и людей изъ нихъ немало въ неволю побрали“ ²⁾). „С. Кудіовцы сидитъ на татарскомъ шляху; королева Бона пожаловала его земянамъ Кудіевскимъ для заселенія; они и набрали было до 20 крестьянъ, но татары въ 1558 г. разрушили его, такъ что теперь тамъ нѣтъ ни одного человѣка, а живутъ только три землевладѣльца“. Неизвѣстно когда разрушены татарами с. Берлинцы, и Козловъ. Въ 1564 г., при управленіи Мартына Гербурта, въ староствѣ Барскомъ татары опустошили села: Маниковцы, Межировцы. Въ 1569 г. показано опустошенными отъ татаръ на Подольѣ 35 селъ. Вообще же надо имѣть въ виду, что татарскія опустошенія совершались въ разныхъ пунктахъ южной Руси ежегодно, что и Польское Подолье, несмотря на неприступныя укрѣпленія Каменца и сильный замокъ Бара, было опустошаемо не менѣе Литовской Украйны; показаніе люстрацій 1565 года о большей населенности этой страны, сравнительно съ Литовскою Украйною по люстраціямъ 1545 и 1552 г., не даетъ вѣрныхъ основаній для сравненія, ибо множество селъ въ Польскомъ Подольѣ основано, или заселено въ годы, ближайшіе предъ люстраціею; напр. за 5 лѣтъ (Яковле), за 9 (Шершеневцы), за 6 (Селяковцы) ³⁾); многія розданы только королевою Боною, Сигизмундомъ-Августомъ ⁴⁾), старостою Мартыномъ Гербуртомъ ⁵⁾). Наоборотъ многія имѣнія представляютъ пустыни, хотя пожалованы еще въ 1-й пол. XV в. Но не будемъ умножать примѣры изъ люстрацій, потому что вслѣдъ за тѣмъ именно люстраціи будутъ служить для насъ главнымъ матеріаломъ для изобра-

¹⁾ См. № XIII. стр. 181, 199. Сл. Źród. Dziejowe, XIX, 219—228.

²⁾ См. № XIV, стр. 237, 241, 264, 265, 271.

³⁾ Ibid. стр. 262, 279.

⁴⁾ Ibid. стр. 266, 267.

⁵⁾ Ibid. стр. 269.

женія состоянія Украйны въ пол. XVI в.,—состоянія поистинѣ печальнаго.

Но въ 50-хъ и 60-хъ годахъ XVI в.. т. е. во вторую половину правленія Сигизмунда-Августа, лѣтописныя извѣстія о набѣгахъ татаръ становятся гораздо рѣже, что, по всей вѣроятности, совпадаетъ съ ослабленіемъ могущества хановъ послѣ Менгли-Гирея при его дюжинныхъ преемникахъ. Отчасти имѣетъ значеніе и то, что новый король довольно энергически (въ началѣ правленія) взялся за исправленіе украинскихъ замковъ и упорядоченіе отношеній среди тамошнихъ жителей. Главнѣйшею же причиною являета усиленіе козачины въ при-днѣпровскихъ и при-бужскихъ степяхъ (о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ). Слѣдуетъ думать, что въ упомянутыя два десятилѣтія до Люблинской уніи колонизація въ украинскихъ повѣтахъ сдѣлала гораздо большіе успѣхи, что и подтверждается частными актами объ основаніи или существованіи новыхъ селъ и мѣстечекъ въ степяхъ¹⁾. Но документальнымъ подтвержденіемъ этого могли бы быть люстраціонные акты 1570—71 годовъ, которыхъ мы не имѣемъ.

Мы поставили для себя рамкою настоящаго очерка Люблинскую унію 1569 и потому не продолжаемъ разсказа объ исторической судьбѣ украиннаго населенія за этотъ предѣлъ. Намъ слѣдовало бы только подвести итоги на счетъ гипотезы о пользѣ союза Литвы съ Польшею для взаимной защиты ихъ отъ варваровъ. Въ замѣнъ этого предпочитаемъ привести фактъ, хотя и выходящій за предѣлы настоящаго этюда, но именно потому наиболѣе характерный. Въ 1569 г. Литва и Польша составили уже одно государство, а юго-западная Русь непосредственно подчинена Польшѣ. Тогда уже мы вправѣ ожидать, что беззащитность южныхъ предѣловъ миновала навсегда, что громадное сплоченное государство въ силахъ будетъ дать отпоръ Крымскимъ хищникамъ, что уже не будетъ нужды въ услугахъ степныхъ добровольцевъ-козаковъ,

¹⁾ Архивъ Ю. Р. Ч. VII-я Т. I. № XX, XXI, XXV.

что вообще наступить миръ и процвѣтаніе въ безпокойныхъ южныхъ окраинахъ. Но вотъ фактъ, относящійся къ 1575 году. Въ этомъ году заключено было перемиріе между Польшею и Турціею и татарами, но въ томъ же году татары „нанесли вредъ въ земляхъ *русскихъ, волынскихъ и подольскихъ*: кромѣ побитыхъ стариковъ и малыхъ дѣтей, тогда взято въ плѣнъ (по показанію Стрыйковского) 55,340 человѣкъ, захвачено коней 150,000, скота 500,000 и овецъ 200,000, кромѣ прочихъ вещей: золота, серебра и разнаго домашняго скарба“. Предводителями татарскаго ополченія были 7 сыновей хана съ огромными толпами (отъ 10 до 15 тысячъ каждая); сверхъ того Добруджинскими и Бѣлгородскими татарами (до 10000) предводительствовалъ Бакай; наконецъ зять хана съ 12 т. и Дерви-Мурза съ 10 т. шли позади войска. Громадныя полчища увели весь плѣнъ безнаказанно; а Литовско-польское войско не осмѣлилось вступить въ генеральную битву, а лишь „урывало, гдѣ могло“ ¹⁾. Если это сказаніе признать преувеличеннымъ, особенно въ цифрахъ плѣнниковъ, во всякомъ случаѣ набѣгъ 1575 г. напоминаетъ времена Батые, Эдигея и Менгли-Гирея; онъ показалъ русскимъ и литовцамъ, сколько пользы получили они въ замѣнъ потери ими своей политической самостоятельности въ 1569 году.

¹⁾ Stryik. II, 422.

II.

Ослабленіе успѣховъ колонизаціи въ 1-й пол. XVI в.; свойства историческихъ матеріаловъ; географическій обзоръ украинскихъ повѣтовъ.

При изложенныхъ выше обстоятельствахъ, неудивительно, что въ половинѣ XVI в. мы застаемъ южную Русь въ состояніи вторичнаго запустѣнія.

Приступая къ изложенію результатовъ колонизаціи, достигнутыхъ южною Русью до Люблинской уніи, мы должны сдѣлать невольную оговорку на счетъ пригодности для означенной цѣли того историческаго матеріала, какимъ должна довольствоваться наука.

Для сличенія населенности южной Руси XVI в. съ населенностію ея въ вѣкѣ XV-мъ и вообще для исторіи заселенія служатъ преимущественно такъ называемые люстраціонные акты¹⁾.

Люстрація есть описаніе государственныхъ имуществъ, для цѣлей финансовыхъ и военныхъ. Въ нее входитъ описаніе цент-

¹⁾ Цѣлямъ исторической статистики населенія, кромѣ люстрацій, служатъ также акты другихъ родовъ, каковы: ревизіи (т. е. спеціальныя люстраціи нѣкоторыхъ поселеній), тарифы (т. е. исчисленіе димовъ при взиманіи податей), инвентари и отчасти акты частныхъ сдѣлокъ. Важнѣйшіе изъ этихъ актовъ вошли въ т. I ч. VII-й Арх. и въ настоящій томъ. Всѣ эти источники заслуживаютъ особаго и подробнаго изслѣдованія; здѣсь касаемся вопроса о нихъ лишь мимоходомъ.

рального замка и города, состоянія его укрѣплений и выгоды, или невыгоды его естественнаго положенія, перечисленіе его матеріальныхъ боевыхъ средствъ (пушекъ, ружей, пороху), продовольственныхъ средствъ, находящихся въ замкѣ; далѣе люстрація касается обязанности „подданныхъ“ извѣстнаго округа, приписаннаго къ замку, исправлять укрѣпленія замка, давать стражу и отправлять военную службу; затѣмъ въ ней перечисляются экономическія средства замка (доходы старосты): доходы отъ промысловъ (охоты, рыболовства), торговля и судебныя пошлины и корчемные доходы. Ради послѣдней цѣли люстраціи знакомятъ съ численностью мѣстнаго городского населенія; но указанія люстрацій по этому пункту становятся тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ большими правами пользуется городъ, особенно получившій магдебургское право; тогда горожане освобождаются отъ большей части податей и повинностей и ихъ экономическій бытъ становится не интереснымъ для цѣлей люстраціи. Наконецъ люстрація перечисляетъ села, приписанныя къ замку, нерѣдко съ поименнымъ исчисленіемъ жителей.

Во времена болѣе древня Литовско - русскаго государства, когда всѣ частныя землевладѣльцы (князья, паны, земляне и бояре) получали имѣнія на условныхъ правахъ военной и другихъ службъ, люстраціи должны были касаться (и касались) и этихъ земель. Но съ полнымъ торжествомъ шляхетства (послѣ Люблинской уніи) признано было основнымъ началомъ, что люстрированье шляхетскихъ имѣній есть нарушеніе коренныхъ правъ высшаго сословія, есть какъ-бы покушеніе обратить ихъ вновь въ имущества служебныя.

Отсюда истекаетъ существенный недостатокъ люстраціонныхъ актовъ для цѣлей исторической статистики населенія: показанія ихъ обнимаютъ лишь часть населенія, которая съ теченіемъ времени (съ прогрессивнымъ уменьшеніемъ королевскихъ имѣній) становится все менѣе значительною. Въ этомъ существенно отличаются люстраціи Западной Россіи отъ писцовыхъ книгъ Московскаго государства.

Къ этому внутреннему недостатку нашего матеріала присоединяется другой внѣшній.

Главная масса люстрацій дошла до насъ лишь отъ пол. XVI в., такимъ образомъ мы вовсе были-бы лишены средствъ опредѣлить постепенное движеніе населенія за предшествующее время. Но по счастью до насъ дошелъ отрывокъ древнѣйшей описи Кіевщины, которую мы относимъ (приблизительно) къ 1471 году на нижеуказанныхъ основаніяхъ. Эта древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ люстрацій юго-западной Руси, сохранилась въ Литовской метрицѣ въ видѣ отрывка безъ означенія даты, подъ названіемъ „на Рси“. Въ ней опись Кіевскихъ городовъ и селъ начинается прямо безъ всякихъ обычныхъ предварительныхъ формъ люстраціонныхъ актовъ. Точно также и конецъ акта не снабженъ никакими заключительными формулами и подписями.

Соображенія, взятые изъ содержанія акта, не оставляютъ, по нашему мнѣнію, ни малѣйшаго сомнѣнія, что люстрація относится ко временамъ Казимира, приблизительно къ 70-мъ годамъ XV в., когда по смерти Семена Олельковича въ 1471 году Кіевское княжество обращено въ воеводство. При такомъ обращеніи княжества въ провинцію, всего необходимѣе было привести въ извѣстность имущественныя права государства въ новоприсоединенномъ удѣлѣ. Въ актѣ о князѣ Семенѣ вездѣ говорится, какъ о человѣкѣ жившемъ весьма недавно, почти современникѣ: „а князь Семень увель былъ на нихъ новину: сѣно косити, на толоку ходити, а ставъ сыпати, а того де имъ и(зъ) старины не бывало, то новина на нихъ“. Другое имя, которое постоянно вспоминаетъ актъ, есть имя великаго князя Витовта. Напр. „село Цветковъ, а въ томъ селѣ атаманъ и два человѣка: одинъ слуга, другой коланъный. А за великаго князя Витовта подымщину давали на третій годъ“. „Село Соколчо: а въ томъ селѣ 20 человѣка, а все слуги, на войну ходять, а въ ловы ходять, а подымщину давали за великаго князя Витовта на 3-й годъ... А ставу не сыпывали, то имъ князь Семень увель было новину, а болкуновщину давали на

прїѣздъ князю великому Витовту“.—Замѣтимъ, что никакихъ другихъ именъ актъ не воспоминаетъ. Если-бы опись составлена была при Александрѣ, то невѣроятно, чтобы въ ней юридическія отношенія опредѣлялись по эпохѣ великаго князя Витовта и князя Семена, минуя цѣлый періодъ великаго князя Казимира.

Рѣшительнымъ доказательствомъ принадлежности акта XV-му в. служить сличеніе этой описи съ послѣдующими люстраціями Кіевщины, т. е. опитями XVI вѣка и именно первой половины его. Такое сличеніе указываетъ ясно, что первый актъ не соответствуетъ времени короля Александра, въ которомъ относится распространеніе панскаго землевладѣнія на Украинѣ. Эпоха Александра должна быть признана рѣшительною и поворотною въ этомъ важнѣйшемъ историческомъ движеніи. Напр. въ древнѣйшей описи, при описаніи двора великаго князя Грежаного, говорится, что къ этому двору тянутъ 7 данниковъ, изъ которыхъ каждый держитъ извѣстную землю (участокъ), за которую платитъ оброкъ; въ томъ числѣ „Малафѣй держалъ Трибѣсовщину“. Въ описи 1545 года, при описаніи Житомирскаго замка, находимъ, что въ числѣ земянъ, оставшихся при этомъ замкѣ есть Презовскіе: Богданъ, Жданъ, Семенъ и Васько; у нихъ отчинное имѣніе Презовъ, а „особливое имѣніе выслуженое Богданово, што отецъ его Андрей выслужилъ, на имя Трибѣсовъ“. Точно также села Ловковъ и Крошня, стоящія въ нашей описи въ числѣ великокняжескихъ къ городу Житомиру, въ 1545 году принадлежатъ уже частнымъ лицамъ, а именно Крошня принадлежитъ Грицку Вороничу: „отецъ его Ивашко Вороничъ выслужилъ, а другое имѣнье Ловково отецъ Стецковъ (Воронича) Гневошъ выслужилъ на короли Александрѣ“. А такъ какъ великій князь Александръ былъ королемъ отъ 1501 по 1505 годъ, то наша опись, въ которой означенныя имущества принадлежатъ еще в. князю, относится ко временамъ болѣе раннимъ, т. е. въ XV вѣку¹⁾.

¹⁾ Въ архивѣ Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ сохраняется въ позднѣйшей выписи, данной при королѣ Станиславѣ Августѣ, польская транскрипція

Дальнѣйшее разсмотрѣніе содержанія акта съ цѣлю сличенія его съ люстраціями XVI в. даетъ нѣсколько новыхъ основаній для признанія за нимъ принадлежности къ XV вѣку. Такое сличеніе указываетъ, что по древнѣйшей люстраціи страна была гораздо населеннѣе, чѣмъ по люстраціямъ пол. XVI в. А именно города, упоминаемые въ этой описи, суть: Житомиръ, Чудновъ, Вѣница (Винница). Изъ нихъ Вѣница, именуемая въ XVI в. обыкновенно Винницею, въ этомъ послѣднемъ вѣкѣ уже не причисляется къ Кіевскому воеводству, но при существованіи Кіевского княжества находилась въ составѣ этого послѣдняго. Населеніе городовъ не исчисляется и не перечисляется; но по нѣкоторымъ даннымъ, сообщаемымъ въ древней люстраціи, очевидно, что населенность городовъ была несравненно большая, чѣмъ въ срединѣ XVI в. Такъ въ Житомирѣ указывается 20 корчемъ; между тѣмъ по люстраціи полов. XVI в. въ г. Житомирѣ исчисляется 52 мѣщанскихъ дома и жители говорили тогда люстраторамъ, что городъ ихъ прежде былъ въ состояніи нести повинности въ пользу замка и государства; но потомъ когда Менгли-Гирей царь при королѣ Казимирѣ взялъ городъ, то онъ пришелъ въ упадокъ „и теперь (1545 г.) мы горчаки—40 или 50 человѣкъ не только стацій и подводъ давать не можемъ, но и сами не имѣемъ чѣмъ питаться“¹⁾. При 20 корчмахъ въ городѣ нельзя предположить въ немъ 40 или 50 домовъ обывателей.

одной (послѣдней) части того-же акта. Въ выписи сказано, что упомянутая люстрація составлена при королѣ Александрѣ. Но такъ какъ при королѣ Станиславѣ Августѣ въ королевской канцеляріи книги Литовской метрики были именно въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ нынѣ хранятся, то выдававшій тогда выпись очевидно опредѣлялъ время составленія люстраціи по догадкѣ, ибо (какъ сказано) въ подлинникѣ оно не обозначено. Упомянутая выпись была напечатана (польскими буквами) въ I томѣ VI-й части Архива юго-западной Россіи, № 2), при чемъ актъ помѣченъ 1501 годомъ, вѣроятно на томъ основаніи, что великій князь Александръ избранъ польскимъ королемъ въ 1501 году. Думаемъ, что ни эта дата, ни дата, сообщенная канцелярією короли Станислава Августа, не могутъ быть признаны нами за обязательныя.

Издаемъ теперь этотъ актъ вполнѣ, т. е. съ тою его частью, которая напечатана была въ I т. VI-й части Архива юг.-зап. Россіи,—издаемъ въ томъ русскомъ (подлинномъ) текстѣ его, какой занесенъ въ Литовскую метрику.

¹⁾ Арх. Ю. Р. Ч. VII, т. I стр., 185.

Если переписчикъ актовъ Литовской метрики при канцлерѣ Сапѣгѣ не измѣнилъ цифръ, то въ Чудновѣ, гдѣ показано 53 корчмы, надо предположить почти втрое больше жителей, чѣмъ въ Житомирѣ; да и дѣйствительно древняя опись прибавляетъ: „а на месте (въ городѣ) людей полно“. Неслужилое населеніе, тянувшее къ замку (кромѣ мѣщанъ), указывается въ Чудновѣ такъ: „тѣхъ людей, которые землю пашутъ, 32 человекъ; а тѣхъ, которые еще воли не высидѣли, много“ („досыть“). Служилое населеніе изчисляется только въ Житомирѣ, а именно: „въ Житомирѣ слугъ 15 вмѣстѣ съ голтями“; замѣтимъ, что въ 1545 г. въ этомъ городѣ было 11 слугъ, а въ 1552 г.—7.

Села и *сельца* приписываются къ тому или другому городу; округъ города съ селами называется *волость* (наименованіе, впрочемъ, уцѣлѣвшее и въ 1-й пол. XVI в.). Кромѣ селъ въ описи встрѣчаются *дворы*, т. е. частныя имущества съ ховайственными заведеніями въ нихъ; въ XVI в. такіе дворы въ украинскихъ повѣтахъ Литовскаго государства уже исчезаютъ. Къ дворамъ приписаны *приселки*, напр. „къ тому-жъ двору Грежаному приселокъ Хлупинцы..., къ Грежаному приселокъ Солодирь, къ Грежанамъ приселокъ Шупковичи“.

Слѣдующія села, уже не упоминаемыя въ послѣдующихъ люстраціяхъ, показаны населенными по древней описи: Терпсеевъ, Глевака, Цвѣтковъ, Гуляльники, Водотинъ, Скочищевъ, Головчинъ, Почуйково, Ртищевъ, Иноходковцы, Евдаднєвъ, Радостовъ, Охремьовцы, Онтоновъ, Вчерашнее, Слобода. Всѣ они въ районѣ Кіевскаго повѣта. Нѣкоторые не именуются б. м. потому, что перешли къ частнымъ владѣльцамъ; но нѣкоторые несомнѣнно запустѣли. Такъ о селахъ Ходорковѣ и Сокольчѣ въ люстраціи 1545 замѣчено, что они „запустѣли отъ давнихъ лѣтъ“; между тѣмъ въ древней описи отмѣчено въ с. Сокольчѣ 20 человекъ и 5 новыхъ; въ с. Ходорковѣ 7 человекъ, 8-й—атаманъ и 5 чел. новыхъ. Точно также въ Житомирскомъ повѣтѣ по описямъ XVI в. показаны пустыми селищами: Жерденевъ, Звинячее, Котельня; а между тѣмъ

по древней описи всѣ они населены, особенно Котельня, имѣвшая 24 человѣка (хозяина). Населенность селъ повидимому опредѣляется въ описи вполне; если такъ, то села заключали въ себѣ обыкновенно небольшое число людей; напр. „село Глезаха, а въ томъ селѣ 8 человѣкъ“; „село Цвѣтковъ, а въ томъ селѣ отаманъ и два человѣка“; „село Скопищевъ, а въ томъ селѣ 7 человѣкъ“. „Село Ходорково, а въ томъ селѣ 7 чел., 8-й отаманъ“. Исключеніе составляютъ село Сокольча, въ которомъ 20 челов. и село Сопоговъ, въ которомъ 55 человѣкъ. За то нерѣдки села, въ которыхъ живетъ отаманъ самъ-третей; даже есть села, гдѣ повидимому сидитъ одинъ; напримѣръ „селище Вчерашнее, а на томъ селищѣ отаманъ сидитъ“. Но надо замѣтить, что эти люди не крестьяне послѣдующихъ временъ, владѣвшіе маленькими наделами, а хозяева, владѣвшіе каждый значительнымъ участкомъ земли; такой участокъ впоследствии могъ быть обращенъ въ цѣлое имѣніе, жалуемое королями землянину; такъ нѣкій Малафей держалъ землю Трибѣсовщину, которая впоследствии была пожалована землянину Презовскому, какъ цѣльное имѣніе. Очевидно, что поселенецъ, владѣвшій такими обширными участками, долженъ быть окруженъ немалымъ числомъ зависимыхъ отъ него людей, рабочихъ.

Что касается до сословнаго положенія населенія, то и въ этомъ отношеніи опись существенно отличается отъ послѣдующихъ люстрацій; здѣсь можетъ быть скрывается главнѣйшая причина болшихъ успѣховъ колонизаціи въ XV в. Въ описи указываются слѣдующія квалификаціи населенія: мѣщане, слуги, куничники, коланные, люди новые (не высидѣвшіе воли), бортники, данники, тяглые, голтяи, поланицы или поляники, ловцы, сочники, есачники, наконецъ челядь. Не говоря о мѣщанахъ, здѣсь различаются 3 рода классовъ: а) слуги, б) „люди“, которыхъ другое общее имя—тяглые; тѣ и другіе лица свободныя; наконецъ в) челядь—несвободные. Большинство сельскаго населенія составляютъ *слуги*. Это лица сельскаго состоянія, получающія участки подъ условіемъ военной службы и освобожденные отъ податныхъ обязанностей.

Они встрѣчаются и въ люстраціяхъ XVI в., но далеко не въ такомъ количествѣ. Иногда все населеніе села состоитъ изъ однихъ слугъ; напр. „село Гуляльники: а въ томъ селѣ 11 человекъ, а отаманъ и всѣ слуги на войну хаживали, а иного ничего не знали“... Въ Житомирской волости слугъ меньше, сравнительно съ данниками; но и здѣсь есть села, исключительно занятые слугами; напр. „къ Житомиру-жъ селище Жерденевъ, а въ томъ селищи три человекъ—все слуги“. Так. обр. государство XV в., не расточая своихъ средствъ въ пользу частнаго землевладѣнія и распоряжаясь само болѣею частію территоріи, наполняетъ села такимъ элементомъ, который приноситъ ему непосредственную пользу для защиты страны. Въ XVI-мъ же вѣкѣ сельское населеніе работаетъ уже или на землевладѣльцевъ-пановъ, или на старостъ. Съ другой стороны сами поселенцы, пользуясь льготами отъ экономическихъ повинностей, охотно шли въ эти опасныя мѣста и будучи заняты только военною службою, пріобрѣтали боевыя привычки; они не походили на тѣ беззащитныя массы безоружныхъ крестьянъ, которыхъ потомъ татары угоняли тысячами на Черноморскіе рынки для продажи. Слуги XV в. замѣняли собою послѣдующую козачину, съ тою разницею, что не состояли въ оппозиціи съ государствомъ и служили ему по общему нормальному строю. Они не требовали никакихъ сословныхъ привилегій и даже нѣкоторые изъ нихъ временно давали подымщину. И остальное—тяглое населеніе стоитъ весьма близко къ служилому: оно состоитъ изъ людей свободныхъ, занимающихъ большіе участки (какъ уже упомянуто) и владѣющихъ ими па правахъ наследственнаго пользованія, за дань, или за подымщину. Бобыли („голяки“, „поляники“) служили, наконецъ, самымъ удобнымъ элементомъ для набора изъ нихъ временныхъ военныхъ дружинъ.

Собственно экономическія выгоды государство извлекало изъ своихъ частныхъ дворовъ, населенныхъ несвободною челядью.

Не вдаваясь въ подробное изученіе столь важнаго акта, какова опись XV в., мы отмѣчаемъ только тѣ черты ея, которыми уясняются особенныя свойства колонизаціи XV в.

Нужно помнить еще, что опись 1471 года есть отрывокъ; въ ней нѣтъ описанія Черкасскаго, Каневскаго, Браславскаго повѣтовъ, а также сѣверныхъ повѣтовъ Кіевщины и наконецъ самого Кіева; поѣтому неудивительно, что въ ней не перечисляются многія мѣстности повѣтовъ Кіевскаго воеводства, упоминаемыя въ послѣдующихъ люстраціяхъ.

Дальнѣйшее движеніе люстраціоннаго дѣла въ южной Руси до 1545 г. намъ неизвѣстно; но отсюда нельзя заключать, что въ указанный промежутокъ вовсе не совершалось люстрацій: до насъ дошелъ отрывокъ люстраціи Овруцкаго повѣта 1519 года.

Въ 1545 г. была предпринята и совершена общая люстрація южной Россіи, по распоряженію молодого короля Сигизмунда-Августа и по совѣту Литовской Рады, именно съ цѣлію привести въ лучшее состояніе украинныя, Подольскіе и Волынскіе замки, „которые уже съ давняго времени нуждаются во вниманіи и заботахъ правительства“. Этотъ трудъ былъ порученъ королевскому дѣяку Льву Патѣевичу Тышковичу и совершенъ имъ съ успѣхомъ, не смотря на противодѣйствіе со стороны высшихъ классовъ Волыни и Украйны; въ іюль были описаны Волынскіе замки (Луцкъ, Владимиръ и Кременецъ), въ августѣ украинныя (Винница и Браславль), и наконецъ Житомиръ.—На общемъ Виленскомъ сеймѣ 1551 г. сеймующіе чины просили короля Сигизмунда-Августа, чтобы пограничныя замки исправлялись и содержались на счетъ казны (Просьба 7). Но король сурово отвѣчалъ, что „не радъ это слышать, какъ будто земскіе чины больше короля и Рады прилагаютъ заботливости о государствѣ; только королю и никому другому не принадлежитъ право заботиться о потребностяхъ государства и король не желаетъ впередъ слышать о такихъ вещахъ“¹⁾. Однако въ постановленіяхъ того-же сейма вопросъ объ украинныхъ замкахъ рѣшенъ такъ (пунктъ 7): „рука непріятелей усиливается, а украинныя замки пришли въ большой упадокъ и тре-

¹⁾ Ак. Зап. Рос. II, № 11 (стр. 26).

буютъ заботливаго поправленія; для этой цѣли подданные (крестьяне) свѣтскихъ и духовныхъ владѣльцевъ, которые издавна были привлечены къ повинности поправленія замковъ, мостовъ и къ сторожевой службѣ, остаются при этой повинности на вѣчныя времена; король изберетъ нѣсколько достойныхъ особъ, которыя-бы ежегодно объѣзжали замки и ревизовали состояніе ихъ“¹⁾.

Въ силу такого постановленія, совершенно новое общее описаніе южно-русскихъ земель въ 1552 г. Тогда, кромѣ выше исчисленныхъ замковъ, были описаны повѣты: Кіевскій, Черкасскій, Каневскій, Чернобыльскій, Остерскій и Мозырскій. Люстраціи 1552 года, уступая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ описямъ 1545, въ другихъ отношеніяхъ имѣютъ надъ ними преимущества; именно заключаютъ въ себѣ поименное перечисленіе городского и отчасти сельскаго населенія, съ указаніемъ—туземное оно, или пришлое, а иногда съ отмѣтками, откуда пришли переселенцы²⁾.

Для сужденія объ окончательныхъ успѣхахъ колонизаціи въ южно-русскихъ частяхъ Литовскаго государства до Люблинской уніи, всего лучше могли-бы служить люстраціонные акты 1570 г.; но они, къ сожалѣнію, остаются неопубликованными и намъ неизвѣстны. Лишь нѣкоторыми изъ нихъ пользовались частныя лица, не издавая ихъ³⁾.

Что касается до тѣхъ частей южной Руси, которыя до уніи 1569 г. входили въ составъ Польскаго королевства, то люстраціи ихъ начались со времени конституціи Піотрковскаго сейма 1562 г., которою предписано было производить описаніе королевскихъ имѣній черезъ каждые 5 лѣтъ для того, чтобы опредѣлить, увеличились-ли, или уменьшились королевскіе доходы⁴⁾. Этою цѣлію опредѣляются всѣ отличительныя свойства люстраціонныхъ актовъ

¹⁾ Ак. Зап. Рос. II № 11 (стр. 44, 45).

²⁾ Люстрація 1552 г. частію изданы въ I томѣ VII ч. Архива, частію издаются теперь.

³⁾ См. Słow. geograf. król. Polsk. passim.

⁴⁾ Volum. leg. II, 618 (18), n 35.

Польскаго Подолья, по сравненію ихъ съ Литовскими. Съ 1564 г. производилась общая люстрація коронныхъ воеводствъ, въ томъ числѣ Подольскаго. Для нашей цѣли въ особенности важны люстраціи Барскаго, Хмельницкаго и Каменецкаго староствъ ¹⁾. Люстраціи польскія превосходятъ полнотою люстраціи литовскія; они заключаютъ въ себѣ обстоятельное описаніе сель, съ указаніемъ иногда на время заселенія и судьбу села. Но есть и пункты, въ которыхъ польскія люстраціи уступаютъ литовскимъ: въ нихъ совсѣмъ нѣтъ описанія военныхъ силъ страны, т. е. нѣтъ ни описанія замковъ, ни ихъ вооруженія. Другой слабый пунктъ польскихъ люстрацій, это отсутствіе въ нихъ указаній въ составѣ городского и сельскаго населенія на количество вновь пришедшихъ поселенцевъ и мѣстъ, откуда они вышли. Эта особенность въ высшей степени понижаетъ достоинство такихъ актовъ для нашей специальной цѣли, т. е. изслѣдованія движенія колонизаціи. До нѣкоторой степени, недостатокъ этотъ восполняется тѣмъ, что, при описаніи сель, большею частію опредѣляется количество людей, сидящихъ на льготѣ, т. н. „свободныхъ“, а такими обыкновенно были новые поселенцы. Но этими указаніями опредѣляется только степень потребности въ колонизаціи, и не уясняется ни одно изъ существенныхъ свойствъ ея.

Третья особенность польскихъ люстрацій къ невыгодѣ этихъ послѣднихъ, это то, что онѣ не касаются землевладѣльческаго класса, за исключеніемъ только такихъ частныхъ владѣльцевъ, которые незадолго предъ тѣмъ получали замковыя имущества на условномъ правѣ, или такихъ, права которыхъ представлялись сомнительными и въ этомъ смыслѣ подлежали люстрированію. Нѣкоторыя литовскія люстраціи, особенно старѣйшія, касаются такъ или иначе всѣхъ владѣній повѣта.

Существенныя дополненія къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ люстраціями, даютъ *тарифы*. Но, къ сожалѣнію, акты этого рода

¹⁾ Онѣ издаются теперь въ первый разъ; см. № XI, XII, XIII, XIV, а также XV, XVI

для украинских повѣтовъ бывшаго Литовскаго государства дошли до насъ лишь отъ XVII в.; для повѣтовъ же Польскаго королевства опѣ существуютъ, начиная съ конца XV в.¹⁾ Между тѣмъ какъ въ люстраціяхъ сообщаются свѣдѣнія только о коронныхъ поселеніяхъ, въ тарифахъ перечисляется населеніе всѣхъ городовъ и сель, въ томъ числѣ и частно-владѣльческихъ, съ весьма важными указаніями на сословное раздѣленіе общества. Въ слѣдствіе этого мы можемъ сообщить несравненно болѣе полныя свѣдѣнія о Польскомъ Подольѣ, чѣмъ объ украинскихъ Литовскихъ повѣтахъ.

Представимъ сначала сводъ данныхъ для этихъ послѣднихъ въ одной общей таблицѣ по люстраціямъ 1545—1552 и затѣмъ отдѣльно въ другой таблицѣ сводъ данныхъ для Польскаго Подолья по люстраціямъ 1565 и тарифамъ 1530—1569 годовъ.

Таблица числа поселеній и населенности украинскихъ Литовскихъ повѣтовъ 1545—1552 года.

Наименованіе по- вѣтовъ.	Число посе- леній.				Ч И С Л О Д О М О В Ъ.											
	Городскихъ.	Сель- скихъ.			Военныхъ.	Земле- вла- дѣльц.		Духовенствъ.	Мѣщанъ.			Крестья- нъ.		Козаковъ.	И т о г о.	
		Сель.	Селницъ (пустыхъ).			Имѣющ.	Бѣгъ.		Общин.	Замк.	Частн.	Замковъ.	Частн.			
Кіевскій (1552) . .	1	25	15	41	76	9	5	11 *)	173	159	69	35 *)	133	—	670	
Житомирскій (1552).	1	59	—	60	7	13	—	?	52	—	—	—	226	—	298	
Каневскій (1552) .	1	21	5	27	55	3	7	?	124	—	—	—	50	—	239	
Черкасскій (1552) .	1	—	7	8	248	4	5	?	188	32	3	—	—	250	730	
Винницкій (1552). .	1	19 *)	15	35	2	33	3	8	—	359	—	4	601	—	1010	
Браславскій (1545).	1	—	36	37	—	21	14	?	229	—	160 *)	—	28	—	452	

¹⁾ См. А. Jabłonowskiego: „Polska XVI w. pod względem geograficzno-statystycznym, T. VII (Źródła dziepowe T. XIX). Warszawa. 1889.

²⁾ Свѣдѣнія о числѣ духовенства случайны.

³⁾ О 6 населенныхъ селахъ свѣдѣній нѣтъ.

⁴⁾ Люстрированы далеко не всѣ.

⁵⁾ Въясѣ съ домами духовенства.

Таковъ сводъ данныхъ, представляемыхъ люстраціями 1545—1565 гг. для всѣхъ украинскихъ повѣтовъ Литовскаго государства. Если бы признать, что люстраціи сообщаютъ полную картину населенности страны, то мы пришли бы къ такимъ неутѣшительнымъ выводамъ: обширная страна, нынѣ занятая губерніями Кіевскою, частию Подольской и Волынской, губ. Полтавскою и частию губ. Херсонской и Еваторинославской, на всемъ громадномъ пространствѣ заключаетъ въ себѣ всего 208 населенныхъ мѣстъ (изъ нихъ 6 городскихъ поселеній). Но и изъ этого незначительнаго числа около 80 поселеній суть „селища“, т. е. поселенія пустыя, не имѣющія постоянныхъ осѣдлыхъ жителей; большая часть ихъ эксплуатируется владѣльцами посредствомъ временныхъ промысловъ. Число населенія опредѣляется домами (семействами) для всей Украины въ 3399 домовъ. Если принять каждое семейство состоящимъ изъ 5 душъ, то все населеніе 6 повѣтовъ состояло бы изъ 17000 душъ обоого пола. Оговариваемся снова, что это число во всякомъ случаѣ должно быть далеко ниже дѣйствительнаго по двумъ причинамъ: а) упомянутой односторонности люстраціонныхъ актовъ и б) того обстоятельства, что Украина уже тогда наполнялась бродячимъ населеніемъ (козаками), которое не поддавалось никакимъ переписямъ. Но и увеличенная вдвое приведенная сумма остается слишкомъ ничтожною. Во всякомъ случаѣ эти общія цифры не даютъ читателю полного представленія о населеніи Украины, что принуждаетъ насъ сообщить нѣсколько деталей по повѣтамъ, оставляя подробное разсмотрѣніе видовъ поселеній и разрядовъ жителей до слѣдующей главы.

Для повѣтовъ Польскаго Подолья мы, кромѣ люстрацій, имѣемъ и другія, гораздо болѣе полныя, данныя, что тотчасъ же отражается на итогахъ, получаемыхъ нами изъ этихъ источниковъ и, во всякомъ случаѣ, не можетъ служить точнымъ показателемъ разницы колонизаціонныхъ успѣховъ въ двухъ государствахъ.

Таблица числа поселений и населенности украинских повѣтовъ
Польскаго Подолья (по тарифамъ 1530—1570 гг.).

П О В Ъ Т Ы.	Число населенныхъ мѣстъ.						Число населенія.				
	Городскихъ 1530—70 г.			Сельскихъ.			Число город. домовъ 1570— 1578 г.		Число сельскихъ лановъ ¹⁾ .		
	Корол.	Част.	Вѣт.	1530	1542	1565— 1566 ¹⁾	Корол.	Част.	1530	1542	1569 въ цѣломъ воеводствъ.
Каменецкій . . .	3	8	11	153	179		968	1002	497	517	
Межибожскій . .	1	5	6	57	68		211	718	200	205	
Летичевскій . .				17	18	406			75	75	1422
Зиньковецкій и Барскій . . .	1	—	1	62	65		371	—	151	155	
Хмельницкій . .	1	—	1	?	16		334	—	?	?	

Сопоставимъ съ этою таблицею другую, составленную на основаніи только люстрацій 1565 г. Разница данныхъ той и другой таблицы покажетъ намъ приблизительно различіе между объемомъ данныхъ, захватываемыхъ люстраціями, и дѣйствительнымъ географическимъ состояніемъ страны за извѣстную эпоху.

П О В Ъ Т Ы.	Число поселеній.			Число населенія (домовъ).				
	Город- скихъ	Сель.	Пустыхъ селянъ.	Пановъ	Мѣщанъ	Крестьянъ.		И т о г о .
						Корол.	Частныхъ.	
Хмельницкій . . .	1	25	4	15	320	182	281	798
Барскій	2	36	10	25	321	528	120	994
Каменецкій . . .	3	44	5	31	214(?)	323	619	1187

¹⁾ Со включеніемъ Червоногородскаго повѣта.

²⁾ Полагаютъ, что для вывода числа населенія число лановъ надо множить на 10, ибо ланъ занимали обыкновенно два хозяина. Но въ число хозяевъ не включаемъ ремесленниковъ и мельниковъ.

Переходимъ къ болѣе детальному разсмотрѣнію этихъ данныхъ по повѣтамъ.

Кіевскій повѣтъ, простиравшійся по обоимъ берегамъ Днѣпра, по Ирпени, среднему и нижнему Тетереву, Стугнѣ, нижней Деснѣ и Трубежу, заключалъ въ себѣ слѣд. *поселенія*: *Городъ Кіевъ* состоитъ изъ замка и мѣста; замокъ обнесенъ деревянною стѣною, состоящею изъ 133 городень (нѣкоторыя по 4 сажени) и 15 башенъ. Внутри замка помѣщаются: постройка для командующаго (въ самой стѣнѣ), три церкви русскихъ, 4-я латинская; два монастырскихъ дома (Печерскаго и Пустыннаго) и два частныхъ. Подъ замкомъ 30 домиковъ десятниковъ.

Подъ замкомъ же внизу (на Подолѣ) раскинулось „мѣсто“ (городъ); оно состоитъ изъ домовъ мѣщанъ, находящихся подъ городскимъ магдебургскимъ управленіемъ (такихъ 173), изъ домовъ мѣщанъ, состоящихъ подъ замковымъ управленіемъ (159); изъ домовъ мѣщанъ частновладѣльческихъ: бискупскихъ (16), Печерскаго монастыря (9), Софійскаго (3), Пустыннаго (4); изъ домовъ самихъ земянъ и мѣщанъ земянскихъ (37); домовъ жолнерскихъ (42); поповскихъ (11). Если присоединить сюда 30 домовъ десятниковъ подъ замкомъ и 3 дома внутри замка, то количество всѣхъ домовъ въ городѣ будетъ 486¹⁾. По этому числу домовъ трудно опредѣлить число жителей въ Кіевѣ, особенно со включеніемъ приплагаго населенія—жолнеровъ, которыхъ конечно было не 42, судя по числу десятниковъ. Церквей въ городѣ (вмѣстѣ съ замковыми) было 13, (православныхъ—11, католическая—1, армянская—1); при церквахъ были „шпитали“ (богадѣльни) русскіе, лядскіе и армянскіе (судя по числу церквей ихъ было 13). Все это группировалось на Подолѣ; на горахъ помѣщались лишь монастыри: Печерскій, Софійскій и Пустынный; около нихъ можно предположить кое-какія поселенія людей, служащихъ монастырю, но во всякомъ

¹⁾ Надо полагать, что всѣ эти разряды домовъ помѣщались въ раздѣльных мѣстахъ, потому что при перечисленіи напр. мѣщанъ замковыхъ упоминается армянскаго попа домъ; очевидно изчисленіе домовъ совершается подрядъ въ извѣстной мѣстности.

случаѣ незначительныя: когда (въ 80-хъ годахъ XVII в.) воевода Кіевскій кн. Конст. Острожскій заводилъ отъ королевскаго имени новую слободу на верхнемъ Кіевѣ, то это поселеніе основалось около самаго Софійскаго монастыря¹⁾.

Кіевскій *повѣтъ*, очевидно, опустошенъ съ юга и запада; населенныя части его простираются болѣе по лѣвую сторону Днѣпра, чѣмъ по правую. Люстрація Кіевскаго повѣта (1552) принадлежитъ къ числу наименѣе удовлетворительныхъ по полнотѣ и точности данныхъ: въ ней, при изчисленіи поселеній, на ряду съ селами Кіевскаго повѣта, именуются поселенія, принадлежавшія Кіевскому замку и Печерскому монастырю въ другихъ повѣтахъ и даже воеводствахъ. Находимъ возможность извлечь изъ нея лишь слѣд. скудныя данныя.

Замку принадлежать села:

Демидовцы: въ немъ домовъ	7		
Петровцы	16		
Лутава на р. Деснѣ въ 1 верстѣ отъ Остра ²⁾	12		
Незводичи	} на Днѣпрѣ	Свѣдѣній нѣтъ.	
Погребы			
Милославцы			
Заушане—въ Овруц. волости ³⁾			
Борщовцы	} на Трубежѣ		
Иванковцы			

Другую половину замковыхъ имуществъ составляютъ села (замковыя) *опустѣвшія*, а именно: Куликовъ, Попадичи, Рославичи, Янковичи, Юрьевичи, Невоселово, Иванковичи (изъ нихъ прежде выходило 146 панцырныхъ слугъ; въ 1552 г. всѣ онѣ пусты), села: Кривое, Ходорково и Соколча запустѣли отъ давнихъ лѣтъ¹⁾. Уже изъ этого примѣра можно видѣть степень запустѣнія повѣта.

¹⁾ Арх. Ю. З. VII, I, № XXXV.

²⁾ Это село едва ли относится къ Кіевскому повѣту.

³⁾ Первые два въ 1554 г. отданы воеводою Кіевскимъ, княземъ Пронскимъ Кіевскому боярину Федору Тышѣ.

Изъ поселеній незамковыхъ люстрація даетъ свѣдѣнія лишь о селахъ Печерскаго монастыря и митрополичьихъ; а именно: села Печерскаго монастыря:

Навозъ, въ немъ „человѣкъ“ (семей)	44
Мнево	6
Кгденъ	3
Сороковичи. ,	10
Глубово	11
Ошитковичи	7
Новоселки ,	2
Таросовичи.	6
Сваремле	7
Деряжичи	8
Сѣрки	2
Осарынчи	2
Вышевичи } Шибеное } на Тетеревѣ (опустошены татарами). Забудчи }	
Слободка—на Деснѣ	14
Дубечна „ „	7
Погребы „ „	4

Всего въ Печерск. селахъ. . . 133

Остальныя села Печерскаго монастыря лежатъ внѣ предѣловъ Кіевскаго повѣта. Сель митрополичьихъ было только три: Багриновъ (въ немъ прежде было 15 службъ; въ 1552 г. оно было пусто); Раховская пустовщина, отданная митрополитомъ за службу Панкевичу, и Михалчики (гдѣ была одна служба), отданное слугѣ церковному Мильковичу. Всего пустыхъ сель (монастырскихъ и замковыхъ) 15 (на 25 населенныхъ). Сверхъ того въ повѣтѣ находились три монастыря: Гнилецкій, Зарубскій и Выдубицкій. Люстрація не упоминаетъ ни объ одномъ поселеніи повѣта, принадлежащемъ частнымъ свѣтскимъ владѣльцамъ. Отсюда, однако, нельзя

заключать, что такихъ въ немъ вовсе не было; съ одной стороны есть несомнѣнныя указанія на частновладѣльческія имѣнія въ другихъ актахъ 1-й пол. XVI в., помимо люстрацій ¹⁾, съ другой— въ самой люстраціи 1552 года перечисляются панскія и боярскія фамиліи, которыя не могли не имѣть владѣній въ своемъ повѣтѣ. Именно въ числѣ домовладѣльцевъ Кіева упоминается 9 слѣд. панскихъ фамилій: Горностая, п. Коташовой, кн. Сенскихъ, Тиши, Дублянской, Вилковича (Волковича?), Суриновича, Проскуриной и Павши, и сверхъ того пять боярскихъ домовъ; думать надобно, что это полное число ихъ, потому что каждый панъ и бояринъ или жилъ въ городѣ, или имѣлъ по крайней мѣрѣ тамъ домъ, опасаясь нападеній въ селахъ.

Граница между повѣтами Кіевскимъ и Житомирскимъ представляетъ наиболѣе опустошенную мѣстность. Здѣсь именно пролегало продолженіе Чернаго татарскаго шляха, который южнѣе отдѣлялъ широкою полосою пустынь Винницкій и Браславскій повѣты отъ Каневского и Черкаскаго. Уже нѣтъ упоминаній о поселеніяхъ по верхней Роси и по Стугнѣ; Бѣло-церковскій замокъ заложенъ около 1550 года ²⁾ воев. Кіевскимъ кн. Фридр. Пронскимъ; наши акты указываютъ въ первый разъ Бѣлоцерковскій замокъ подъ 1565 годомъ ³⁾. Кіевскій повѣтъ сходилъ съ Житомирскимъ лишь въ одномъ пунктѣ, именно въ м. Ивницѣ, половина которой тянула къ Кіевскому замку, а половина къ Житомиру. Со стороны Житомирскаго повѣта пограничныя поселенія въ 1545 и 1552 г. лежатъ въ развалинахъ и составляютъ городища или селища, каковы: Жерденевъ, Звиняче, Хворошня и др. не смотря на то, что первыя два еще задолго передъ тѣмъ были пожалованы дворянину Луцкому Лозовицкому ⁴⁾. Пустуетъ Котельня,

¹⁾ Изъ нихъ узнаемъ о существованіи селъ: Триполья, Бышева, Гостомля, Вятчева, Хабнаго, Хотова, Глѣбова, и др.

²⁾ Słown. geogr. kr. Polsk. I, 174.

³⁾ Акты Юж. и Западн. Рос. Т. II.

⁴⁾ Ар. Ю. З. VII. I. № XII.

о которой люстраторы 1545 г. писали, что это „городище, сказываютъ, вельми доброе, мало не такъ какъ Житомирское“ ¹⁾).

Прочіе предѣлы повѣта, примыкающіе къ повѣтамъ Хмельницкому, Луцкому и Овруцкому были болѣе безопасны и менѣе опустошены. По этимъ предѣламъ и около Житомирскаго замка тѣснились всѣ поселенія повѣта. Другимъ центромъ поселеній былъ замокъ Чудновскій, попавшій уже въ частное владѣніе.

Немногочисленныя поселенія этого повѣта состоятъ изъ гор. Житомира, нижеуказанныхъ селищъ, тянувшихъ къ нему, изъ м. Романова и его волости, которая, однако, попавши въ частное владѣніе кн. Острожскихъ, тянула къ Чуднову; а Чудновъ въ свою очередь, прежде входившій въ составъ Кіевской земли (по люстраціи 1471), теперь, какъ владѣніе кн. Острожскихъ, примыкалъ къ Волини.

Хотя Житомирскій замокъ и найденъ люстраторами 1545 и 1552 гг. далеко не въ томъ состояніи, чтобы давать надлежащую защиту окрестному населенію, однако подъ его стѣнами—въ городѣ тѣснилось все населеніе цѣлаго повѣта; здѣсь не только постоянно проживали паны и земяне цѣлаго повѣта, но и всѣ крестьяне ихъ, которые не смѣли жить по своимъ селамъ изъ страха предъ татарами.

Со включеніемъ этого временнаго, сельскаго населенія, городъ Житомиръ заключалъ въ себѣ слѣд. классы жителей (числа указаны въ дымахъ, т. е. хозяйствахъ, а для пановъ—въ фамиліяхъ, т. е.—семействахъ).

	Число дымовъ или фамилій.	
	1545	1552
Пановъ и земянъ	22	13
Людей ихъ (крестьянъ).	104	226
Мѣщанъ	49	52
Стрѣльцовъ и слугъ замковыхъ . . .	11	7
	186	298

¹⁾ Ibid. № ХVІІ.

Полагая на домъ 5 лицъ об. пола, получимъ слѣдующее поголовное число жителей почти всего повѣта:

	Число дымовъ или фамилій.	
	1545	1552
Пановъ и землянъ	110	65
Мѣщанъ	245	260
Слугъ замковыхъ	55	35
Крестьянъ	520	1130
	930	1400

Таково, говоримъ, приблизительное населеніе всего повѣта, ибо крестьяне почти всѣхъ селъ временно проживали въ городѣ. Отдѣляя отъ этихъ итоговъ число крестьянъ, получимъ для города собственно такія числа: дымовъ и семействъ въ 1545 году—82; въ 1552—72; жителей въ 1545 г.—410; въ 1552—360.

Таково скромное число населенія города единственнаго въ повѣтѣ и весьма важнаго какъ для цѣлой Украины, такъ и для Волыни, для которой онъ служилъ передовымъ защитнымъ пунктомъ. И это не удивительно; хотя послѣ Менгли-Гирея замокъ ни разу не былъ взятъ татарами, но опустошенія окрестной страны были постоянны и мѣшали городу поправиться. Небольшое количество жителей должно было нести на своихъ плечахъ всю тяжесть ремонта и защиты замка. Мѣстные старосты, не имѣя сами почти никакихъ доходовъ, притѣсняли мѣщанъ мытами за въѣздъ и выѣздъ изъ города для торговыхъ цѣлей. Мѣщане заявляли люстраторамъ, что если имъ не дадутъ льготъ, то они всѣ разбредутся по другимъ сторонамъ.

Сель, приписанныхъ къ замку вовсе нѣтъ, а есть лишь 10 селищъ (пустыхъ селъ), которыя также принадлежали прежде земьянамъ, но владѣльцы ихъ погибли отъ татаръ, не оставивши наслѣдниковъ, а потому и опустѣвшія села ихъ, какъ выморочныя, перешли опять во власть вел. князя и въ держаніе мѣстнаго старосты. Таковы:

Голечищевъ, Звинячее, Жердненевъ, Чавчино, Хворошня, Иляшовъ, Олубѣсовщина, Котельня, Ивница, Поповичи.

Села частныхъ владѣльцевъ (также только селища), были слѣдующія: 1545 1552

<i>Тышкевича:</i>	Слободище: въ немъ хозяевъ		
	Бердичевъ	}	?
	Рудники		
	Селець Дужій		
	Чартолѣсцы (нын. Пулины)		
	Берновка (нын. Бѣлополье)		
	Кодня		
	Озеране		
<i>Кмитича:</i>	Коростышовъ	8	10
<i>Кн. Сенскихъ:</i>	Ставокъ		
<i>Олизара Волковича:</i>	Топорище		10
	Волынцы	9	0
	Волосовъ		
<i>Гарас. Андреевича Халецкаго:</i>	Колодыево		4
	Ивановичи	15	9
	Вильско		5
	Хотеничи.		
<i>Стрибиля:</i>	Пилиповичи	10	
	Студена Вода		
	Сторосельцы		
	Злебенинцы		
<i>Вороничей:</i>	Трояновцы		3
	Мократица	24	2
	Крошня		7
	Ловковъ		10
<i>Немирича:</i>	Чернеховъ	11	3
<i>Презовскихъ:</i>	Презовъ		3
	Трибѣсовъ	2	
	Скоморохи		

	1545	1552
<i>Корчевскихъ:</i> Корчовъ: въ немъ хозяевъ	4	10
Миниковичи		
<i>Мошковицей:</i> Жезловъ	?	?
Хомутовъ		
<i>Щеневскихъ:</i> Щеневъ	0	0

Сверхъ упомянутыхъ здѣсь селъ, въ 1552 г. отмѣчается нѣ-
сколько другихъ, а именно:

<i>Олиз. Волковича:</i> Шершевичи: въ немъ „людей“	2
Городищско	9
Солдыри	5
Старовичи	4
Татаровичи	3
Глышкевичи	4

Стрибыля:

Кичеровское	} селища	8
Ворлоковское		
Ворсицкое		
Новосельское		
<i>Тыши</i> (село не поименов.)		5
<i>Гнъвошевичей</i> (также).		13
<i>Горностая:</i> с. Тулинское		12
<i>Стецка Филиповскаго</i>		2
<i>Вороны:</i> сел. Ивановцы		?
Сел. Шумскъ (неизвѣстно чье).		7

Принадлежавшую прежде къ Житомиру волость *Романовскую* (съ м. Романовомъ) выпросилъ себѣ бывший староста Житомирскій Дмитрій Кмита; но потомъ жена его сына Богуфала продала ее кн. Константину Острожскому; въ 1545 г. держала эту волость вдова кн. Ильи Острожскаго; тогда волость заключала въ себѣ 80 службъ людей. Въ люстраціи 1552 г. Романовъ опять показанъ за Дм. Кмитю и заключалъ въ себѣ 50 дымовъ.

Каневскій повѣтъ въ XVI в., захватывая на правомъ берегу Днѣпра нижнее теченіе Роси, а на востокѣ всю страну до Путивльскихъ границъ Московск. госуд. по рр. Удою, Сулѣ, Пслу и Хоролу, на сѣв. примыкалъ къ Кіевскому повѣту (около Телехтемирова), а на югѣ къ Черкасскому въ Мошнахъ; по ни на в., ни на зап. не имѣлъ опредѣленныхъ границъ. Всѣ поселенія его боязливо тѣсняты около Каневского замка по Днѣпру и Роси. Поселенія эти слѣдующія:

Г. Каневъ. Замокъ этого города, вновь отстроенный при Евстафіѣ Дашкевичѣ около 1535 года, въ ширину на 45½ саж., а въ длину на 18, состоялъ изъ 23 городенъ и 6 башенъ. Въ замкѣ помѣщались: церковь св. Спаса, ветхій домъ старосты, избы пушкарскія и помѣщенія для драбовъ въ стѣнѣ съ необходимыми хозяйственными постройками, но все это очень ветхо. Замокъ стоитъ на высокой горѣ надъ Днѣпромъ. Въ городѣ (мѣстѣ) помѣщаются дома бояръ (7), слугъ замковыхъ старыхъ (13), слугъ замковыхъ новыхъ (34), мѣщанъ (124), тѣхъ изъ драбовъ, которые живутъ осѣдло (7) и частновладѣльческихъ людей (40). Всего въ городѣ тогда было 225 домовъ.

Села Каневского пов. исчисляются такъ: 1) замковыя:

<i>Вороново</i> на Днѣпрѣ въ немъ семей	15
<i>Осетровъ</i>	0
<i>Царево</i>	} ?
<i>Валы</i>	
<i>Терпсеевъ</i> на Роси	
<i>Пеховъ</i> } на Медвѣнцѣ	
<i>Репеховъ</i> }	
<i>Городище</i>	

Телехтемирово, пожалованное Евстафію Дашкевичу, отъ него записаное Печерскому монастырю, отъ котораго вымѣнено королемъ къ Кіевскому замку 9

2) Частновладѣльческія (земянскія):

<i>Ходорово</i> на Днѣпрѣ (въ 1552 держалъ его кіевлянинъ Онковичъ)	0
<i>Дердева</i> (держалъ Морозовъ)	0
<i>Каменка</i> —Балакиря (покинуто на церковь Телехтемировскую)	0
<i>Григорово</i> —Богуща Морозовича	0
<i>Подсычи</i> —пана Служки	6
<i>Тумбле</i> —внягини Путивльской	6
<i>Ярилово</i> на Роси, бывшее замковое, но доставшееся монаст. Пустынному	?
<i>Колтыяево</i> , также бывшее замковое, но по смерти Евст. Дашкевича перешедшее въ Пустынному мон. ¹⁾	6
Кромѣ указанныхъ были еще „селища“, т. е. запустѣвшія села, а именно:	

Бувковъ — Балакиря, *Мошны*, половину которыхъ держалъ Морозовичъ, *Черленковъ*—монастыря Пустыннаго, *Кононче*—пожаловано тому-же монастырю отъ князя Корецкаго, *Товарово*—княженъ Глинскихъ, *Совинъ* на Роси—монастыря Пустыннаго, отданное ему п. Бабинскимъ, *Ождилово*—бывшее замковое, отдано зем. Ельцу, а отъ него держалъ зем. Канев. Драбъ, *Саркланово*, бывшее замковое, отдано Евстаф. Дашкевичемъ мон. Пустынному, и наконецъ *Арапеевъ*—Печерскаго монастыря. Всего на правой сторонѣ Днѣпра селищъ 26. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ (шести) приписаны жители, но они всѣ „зимуютъ и лѣтуютъ“ при замкѣ. Повидимому эти жители не обрабатываютъ землѣ своего селища даже находомъ; они тянутъ вмѣстѣ съ мѣщанами; постоянные жители есть только въ Телехтемировѣ. Каждая группа частновладельческихъ крестьянъ, не смотря на малочисленность, имѣетъ своего отамана. Въ остальныхъ селищахъ совсѣмъ нѣтъ населенія, владѣльцы сдаютъ уходникамъ земли этихъ селищъ для рыболовства, бобровыхъ гоновъ и для пасѣкъ (съ рыбы пану 6—8 часть,

¹⁾ Ар. Ю. Р. Ч. VII, т. I, № XI.

отъ бобровъ $\frac{1}{2}$; за пасѣку 12—8 грошей); но и пасѣки многія пустыя. На замковыхъ селищахъ люди замковые за пасѣки не платятъ ничего. О земледѣліи упоминается, и то условно, только относительно селища Кононча („а з пашни, *кды пашиутъ*, десятина“).

Огромная часть повѣта лежитъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, по р. Сулѣ, Удою, Снепородку, Пслу и Хоролу до Путивльской границы (Москов. госуд.). Здѣсь вовсе нѣтъ поселеній, а только „уходы“. Значительная часть ихъ принадлежала городу, какъ общинѣ, и мѣщанамъ, какъ частымъ лицамъ въ отдѣльности. Люстраторы объясняютъ эту зависимость заднѣпровщины отъ Канева тѣмъ, что в. кн. Литовскій—Гедиминъ, будто бы завоевавшій Кафу, весь Перекопъ и Пятигорскихъ Черкасъ, часть послѣднихъ съ княгинею ихъ привелъ съ собою и посадилъ на Снепородѣ и на Днѣпрѣ, гдѣ теперь городъ Черкасы; послѣ и Снепородскіе Черкасы поселены на Днѣпрѣ-же близъ Канева; но они и потомъ не перестали владѣть своими отчизными угодьями по рѣкамъ „Сѣверскимъ“. Не смотря на такую мнимую древность правъ горожанъ на уходы, многіе изъ нихъ присвоены то старостою (отъ устья Сулы до Переволочны), то землянами, которые выпросили ихъ у короля, какъ ничьи („за пусто“). Остальныя принадлежатъ замку (земля Лубны и др.), слугамъ замковымъ, боярамъ (Пирятинская земля принадлежитъ боярину Чайкѣ; на Пслѣ всѣ уходы занялъ бояринъ Драбъ) и церквамъ (двумъ Каневскимъ и Зарубской). Уходниками были мѣстные козаки, которые, впрочемъ, не всегда спрашивались у владѣльца, а „тамъ живутъ на мясѣ, на рыбѣ, на меду, зъ пасекъ, зъ свепетовъ, и сытять тамъ себе медъ, яко дома“. Староста сдаетъ замковые уходы большей частью чужегородцамъ—Кіянамъ, Могилевцамъ. Вся эта мѣстность, однако, наполнена „городищами“ и „селищами“, которыя свидѣтельствовали о прежней заселенности края и приманивали къ себѣ хищниковъ—кладоискателей, „копачей“. Этимъ ремесломъ занимались преимущественно драбы (постоянное войско, составлявшее гарнизонъ Ка-

нева). Они, бродя по той обширной пустынь, раскапывали могилы (курганы), ища тамъ обручей и перстней, выкидывали „мощи погребенныхъ, навлекая мщеніе за то на живыхъ и невинныхъ“. Не вполнѣ исчезнувшее населеніе этой страны есть *Съверская Русь*, сохранившая свое древнее названіе у тогдашняго поколѣнія: рѣки той пустыни именуются „Севирскими“, уходы—„Сиверскими“.

Староста лично производитъ ежегодные ловы въ продолженіи 3-хъ дней на Супоѣ; здѣсь право охоты принадлежитъ ему вмѣстѣ съ мѣщанами и боярами какъ Каневцами, такъ и Телехтемировцами и Колтягьевцами, которые отправляются вмѣстѣ съ нимъ и даютъ ему на этотъ случай подъемное содержаніе (стацію), за что потомъ, послѣ старостинскихъ лововъ, они имѣли право ловить тамъ безпошлинно („безъ выти“). Но староста въ 1552 г. и эту мѣстность сдавалъ уже чужегородцамъ.

Населенность Каневского повѣта такова:

<i>Князья и паны:</i> княгиня Путивльская, п. Служка, кн.	
Капуста	3
<i>Бояре</i> въ городѣ (Богущъ Некрашевичъ, Чайка, Кристи- ная (?), Андрей Богдановичъ, Микита Драбъ, Богущъ Моро- зовичъ, Проскурина)	
	7
<i>Слуги</i> замковые въ городѣ старые (13) и слуги новые (34)	47
Пушкаръ	1
Мѣщанъ	124
Драбовъ, имѣющихъ дома.	7
Крестьянъ живущихъ въ городѣ	50
Итого семействъ	239

Таково все постоянное населеніе повѣта.

Сверхъ того бываютъ въ Каневѣ люди прихожіе, козаки нео-сѣлые, въ неодинаковомъ количествѣ каждый годъ. Эти козаки раз-дѣляются на два вида: одни изъ нихъ, не отходя „въ козацтво“ на поле или рѣкою внизъ, служатъ „въ городахъ“ по найму у бояръ или мѣщанъ; они не обязаны давать старостѣ ничего. Про-

чіе (которые отправляются въ козацтво) даютъ старостѣ колядки, и сѣна косятъ ему по два дни на лѣто толоками. Ни тѣ, ни другіе не имѣютъ собственной оспѣлости въ городѣ. Козакъ и здѣсь, какъ на сѣверѣ (напр. въ вотчинахъ Соловецкаго монастыря), — батракъ, человѣкъ бездомный, бобыль. Они не считаются въ числѣ мѣстнаго населенія и противоплагаются ему; напр., „когда случится *Каневцамъ или козакамъ* достать непріятельскихъ „языковъ“ (плѣнныхъ), коней и проч., то изъ этого старостѣ что-нибудь одно лучшее: конь, збура, языкъ“.

Мѣщане занимаются земледѣліемъ по полю, около города, гдѣ хотятъ; лишь незадолго предъ 1552 г. кн. Владиміръ Путивльскій, вышедши изъ Москвы, началъ съ этихъ мѣщанскихъ пашень брать десятину. Но пашня эта весьма незначительна: въ 1552 г. въ десятину поступило только 10 копѣ жита и 10 копѣ ярины; стало быть всего урожая во всемъ городѣ было лишь по 100 копѣ того и другаго.

Черкасскій повѣтъ простирается по бассейнамъ рр. Тясмина, Ворсклы, Орели, Самары и обоихъ Ингуловъ, и по Днѣпру со включеніемъ пороговъ.

Поселенія этого повѣта таковы: *Г. Черкасы* состоятъ изъ замка, на горѣ, надъ Днѣпромъ, весьма не объемистаго, именно длиною 30 саж., шир. 17 саж., съ 4 башнями. Около 1550 г. начатъ былъ на другомъ болѣе удобномъ мѣстѣ новый замокъ изъ земляныхъ укрѣпленій и выведенъ въ вышину на 7 локтей, толщиной 7½; но черкасцы не захотѣли переселяться туда изъ стараго замка, находя, что тамъ жить не безопасно. Въ замкѣ находится церковь св. Николая; одна черная изба, да помѣщеніе для военныхъ снарядовъ.

Городъ („мѣсто“) окруженъ острогомъ, построеннымъ изъ дубоваго дерева и кольевъ толстыхъ и частыхъ; острогъ простирается въ ширину на 360 саж., а въ длину на 420 саж.; въ немъ продѣлано только двое воротъ: нагорный и надольный и 1 фортка.

Въ острогѣ помѣщаются дома пановъ (4), бояръ (5), городовыхъ слугъ (23), мѣщанъ (188), мѣщанъ, заложившихся за старосту (32) и заложившихся за частныхъ владѣльцевъ (3). Всего въ городѣ съ домою старосты 256 домовъ.

Селѣ къ замку нѣтъ; за землевладѣльцами состоятъ слѣд. села: за Домонтомъ *Мошны*—пустое селище ¹⁾, за Келбовскимъ *Лебединъ*, за Грибуновичемъ *Глинскъ* (на Ворсклѣ), за Зубрикомъ въ Звенигородщинѣ селища: *Михлеево*, *Личинцы*, *Горловцы* и на Тясминѣ *Радивоновцы*. Это село (Радивоново, нынѣ Жаботинъ) пожаловали Ѳеодору Глинскому кн. Олелько и кн. Семенъ, а за тѣмъ когда жалованная грамота сгорѣла въ Кіевѣ при нашествіи татаръ, то права на Радивоново подтверждены Богдану Глинскому ²⁾ в. княземъ Александромъ въ 1495 г. При Глинскомъ несомнѣнно было населеніе въ его Черкасскихъ владѣніяхъ, ибо въ 1495 году в. кн. Александръ приказывалъ черкасскому намѣстнику Кмитѣ, чтобы онъ не судилъ людей кн. Глинскаго ³⁾. Но въ полов. XVI в. ни въ одномъ изъ селъ постоянныхъ жителей нѣтъ: селищами пользуется или самъ владѣлецъ для охоты (ходить „въ ловы“), или сдаетъ ихъ пришлымъ людямъ—„уходникамъ“, т. е. людямъ промышляющимъ рыболовствомъ, пчеловодствомъ и охотою. Всего чаще уходники становятся въ степяхъ пасѣками; за пасѣку они обыкновенно платятъ 12 грошей въ годъ. Владѣніе пасѣками не означало, впрочемъ, лишь временной, одногодичной эксплуатаціи; подъ пасѣкою разумѣлись б. ч. громадныя хутора, гдѣ владѣлецъ иногда имѣлъ обширныя пашни, необозримыя луга, занимался скотоводствомъ и пр.—Участки для рыболовства обыкновенно сдаются „съ выти“, т. е. за извѣстную часть улова. За право охоты или едино-временно платятъ 5—6 грошей, или на цѣлый годъ—12 грошей.--

¹⁾ Очевидно Мошны составляли границу между Черкасскимъ и Каневскимъ повѣтами, ибо половину ихъ держалъ бояринъ Морозовичъ къ Каневскому замку.

²⁾ Ак. Зап. Рос. I, № 129 и 158.

³⁾ Ibid. № 130.

Кромѣ упомянутыхъ селищъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра къ Черкасамъ принадлежитъ огромная полоса степей по рр. Ворсклѣ, Орели и Самарѣ, а на правой степь по р. Тясмину и обоимъ Ингуламъ. Здѣсь Черкасцы пользуются уходами для ловли рыбъ и бобровъ. Всѣхъ такихъ уходовъ 28. Въ число ихъ входятъ и пороги Волнечъ и Ненасытець и кромѣ того: уходъ Кременчугскій, уходъ на Тавани, Бозовлукъ. Нѣкоторые изъ нихъ громадны, напр. Тясминскій уходъ обнимаетъ весь бассейнъ этой рѣки отъ истоковъ до устья. Вообще Черкасскими уходами заняты были всѣ сѣверныя части нынѣшнихъ губ. Екатеринославской и Херсонской и южная часть Полтавской губ. Нѣкоторые уходы именуются въ то же время и *станами*: уходъ и станъ Еланскій, уходъ и станъ Воловскій. Изъ всего числа уходовъ прежде старостѣ принадлежали только 5 (Дубослей, Еланскій, Протолчъ, Ненасытець и Волнечъ); всѣ прочіе принадлежали Черкашанамъ-болрамъ и мѣщанамъ, которые съ лововъ своихъ давали старостѣ только поклонъ (по 30 рыбъ отъ ватаги, и по 1 бобру отъ бобровой ловли). Но староста Ив. Хрщоновичъ, при которомъ происходила люстрація 1552 г., завладѣлъ всѣми уходами и сдавалъ ихъ Кіевлянамъ, Чернобыльцамъ, Мозырцамъ, Петриковцамъ, Быховцамъ, Могилевцамъ; онъ бралъ съ нихъ, кромѣ поклону предъ отправленіемъ на добычу, опредѣленную часть добычи (именно 8-ю) при возвращеніи уходниковъ домой—вверхъ Днѣпра. Такихъ уходниковъ набиралось во всѣхъ уходахъ до 300 человекъ.

Среди этихъ огромныхъ степей помѣщаются довольно многочисленные уходы *частныхъ владѣльцевъ*, именно: на Днѣпрѣ—кн. Домонта (Мошны), кн. Путивльскаго (Беловець), монастыря Пустыннаго (три стана въ Бѣлобережѣ, на у. Сулы и въ Пивовѣ), монастыря Печерскаго (на у. Самары и одинъ на Тясминѣ); боярина Черкаскаго Зубрика, купленный у кн. Путивльскаго (на Тясминѣ). Нигдѣ въ этихъ обширныхъ степяхъ нѣтъ слѣдовъ постоянныхъ поселеній, даже нѣтъ селищъ (кромѣ одного селища Бузыковского на Тясминѣ). При общемъ господствѣ охотничьихъ

промысловъ, земледѣліе, однако, существуетъ, но безъ всякаго права поземельной собственности: „пахутъ мѣщане и бояре на полѣ, гдѣ кто хочетъ“.

Населенность Черкаскаго повѣта въ 1552 г. можетъ быть приведена къ слѣд. цифрамъ:

Князей и пановъ (князь Василій Домонтъ, Иванъ Зубрикъ, Михайло Грибуновичъ, Янъ Келбовскій (изъ В. Польши)	4
Бояръ (изъ нихъ 4 брата Потаповича)	5
Слугъ городовыхъ	25
Пушкарей	2
Мѣщанъ подлежащихъ повинностямъ (тяглыхъ) 188. Мѣщанъ городовыхъ (не тяглыхъ, подчиненныхъ старостѣ) 32.	
Мѣщанъ заложившихся за частныхъ владѣльцевъ 3; всего	223
<i>Населеніе непостоянное:</i>	
Козаковъ—„прихожихъ“ на зиму около	250
Рота драговъ вновь прибывшихъ	100
Рота („почотъ“) драговъ давнѣйшихъ	60
Служебниковъ старосты „пріѣзжихъ молодцевъ“	50
Мѣстныхъ (Черкасцовъ и Каневцевъ).	11
Итого въ городѣ	730

Изъ этого числа постоянныхъ жителей (семействъ) 257

Къ западу отъ Каневского и Черкаскаго повѣтовъ къ Винницкому и Браславскому простирается обширная пустыня, занимающая весь водораздѣлъ между Днѣпромъ и Бугомъ. Пустыня состояла изъ двухъ половинъ: восточной—Звенигородской и западной—Уманской. Въ первой прежде стоялъ Звенигородскій замокъ, окруженный сельскими поселеніями, но разоренный татарами и потомъ долго не возобновлявшійся.

Винницкій повѣтъ, наиболѣе укрытый изъ всѣхъ украинскихъ повѣтовъ, былъ защищенъ съ юга Браславскимъ, а съ зап. Хмельницкимъ повѣтами. Сосѣдство съ Польскимъ Подолемъ не было, однако, вполне безопасно; такъ посессоръ почти единственнаго

зѣмковаго села (Вонючина) жаловался люстраторамъ, что это село терпитъ постоянные убытки отъ зѣмка и волости Хмельницкой, откуда совершаются наѣзды, поджоги и грабежи.—Съ востока повѣтъ имѣлъ вполне необезпеченную границу: по этой границѣ проходилъ знаменитый Черный шляхъ татарскій—дорога черной и грозной памяти. Такому опасному положенію отнюдь не соответствовало достоинство укрѣпленій замка Винницы: онъ въ 1545 г. находился почти въ развалинахъ и нѣсколько исправленъ къ люстраціи 1552 года. Онъ состоялъ изъ 30 городень и 5 башенъ, простираясь на 24 сажени въ длину и 23½ въ ширину. Внутри такого тѣснаго пространства стояла церковь Покрова Богородицы, нѣсколько помѣщеній въ башняхъ и 20 погребовъ землянскихъ и мѣщанскихъ для сохраненія пожитковъ ихъ во время осады.—Городъ („мѣсто“) окруженъ острогомъ, который обязаны исправлять всѣ вмѣстѣ, т. е. мѣщане и волощане.

Въ городѣ („мѣстѣ“) находилось домовъ:

	Число домовъ.	
	1545 г. 1552 г	
Боярскихъ	21	33
Мѣщанскихъ (со слугами).	140	359
Крестьянъ боярскихъ и поповскихъ	112	31
Поповскихъ домовъ		6
Итого.	273	429

Села въ повѣтѣ: королевскія:

	Число хозяйствъ	
Вонючино и Новоселица	50	
Межиково	70	4

Частновладельческія:

Гущинцы Ив. Горностая	25	
Лѣтино (Литинъ) Сем. Кмитича	100	141
Полтевцы (Полтава) его-же	20	10
Петничаны } Мизка Степановича.	110	53
Демидовцы }		47

1545 г. 1552 г.

Махновцы (Михна Якубовича)		60	
Микулинцы	} Микулинскихъ	60	80 ¹⁾
Почапинцы		20	19
Овдеевцы			1
Стрижовка	} Кошины, потомъ Аксака	90	80
Яново			16
Супруновъ Микулинскаго въ заставѣ у Бабинскаго		40	40
Каменогоры Дубицкой		30	30
Ятковцы два села Куницкаго.		20	
Черленковъ вдовы Александра Дмитровича			
Якушинцы Бориса Коцуба.		60	80(?)
Гумовцы и Байкувъ		0	0
Дешковцы Вас. Дешковского		40	
Новоселки Микулинскаго въ заставѣ у Дим. Красносельскаго		10	
Новоселица Михна Якубовича		15	

Итого въ 22 селахъ всѣхъ крестьянъ. . . 850 601

Но этотъ списокъ далеко не полонъ; люстрація прибавляетъ въ концѣ: „прочія села не позволили себя описывать, по отсутствію пановъ и урядниковъ, въ особенности же главнаго урядника—замковаго старосты“ (см. перечисленіе селищъ, лежавшихъ на границѣ съ Кіев. воеводствомъ въ актѣ 1570 г. въ ч. VII, т. I. Арх. ю.-з. Р. № XXV). Въ перечисленіи селъ обязанныхъ постройкою замка, упоминаются сверхъ того села: Семаково, Демидово, Цвѣтковъ, Предуровцы, Погребище, Святковцы, Яневцы, Турбовъ, Цаборовъ, Коморовъ, Перхуновичи (Тыши Быковского), Повторцы (Семена Клитича). Села эти несомнѣнно лежали въ повѣтѣ Винницкомъ. Къ этому списку акты XVII в. присоединяютъ еще нѣсколько названій, напр. Пиковъ, Глинскъ и др. (см. Słown. geogr. król. Polsk. подъ словомъ—Korosteszow.“) Жители состоятъ

¹⁾ Вместе съ другими двумя селами Боровомъ и Новоселицей.

во перв. изъ временныхъ поселенцевъ, живущихъ въ городѣ ради защиты его и управленія; таковы староста, и люди „понежные“ (состоящіе на жалованьѣ): 2 пушкваря, которые дѣлають порохъ изъ готовой селитры. Во вторыхъ—изъ бояръ или землянъ; таковы: Сем. Кмитичъ, Ив. Горностай, Ив. и Андрей Луцичи, Мизко Степановичъ, Ив. Вороновицкій, Кордышъ Скобейковичъ, Вас. Дешковскій, Борисъ Кодубъ Якушинскій, Петръ Таборовскій съ братією, Лавринъ и Иванъ Яцковскіе, Дубицкіе, Сасины - Микулинскіе, Михно съ братомъ Губинскіе, Семакъ Постоловскій, Ив. Матейковскій, Куницкіе, Дм. Красносельскій, Михно Якубовичъ. Всего 19 фамилій. Въ 1552 г. упоминаются сверхъ того: Онацкевичи, Комаръ, Байбуза-Кутецкій, Зяловскій, Шандыревскіе, Гомончики, Кощичи, Аксаковы-Стрыжевскіе, Бокіи, Поповичъ, Мокрейскій, Коморовскій, Путъ, вдова Мацѣйшина; и того 14 фамилій, а всѣхъ вмѣстѣ съ предыдущими 31 фамилія. Нѣкоторые изъ нихъ въ повѣтѣ не живутъ, занимая должности въ другихъ повѣтахъ; такъ Михно Якубовичъ держитъ Рогачевъ отъ королевы (Боны). Бояре обязаны, кромѣ военной службы, давать подымщину со своихъ крестьянъ на наемъ сторожей для замка, отъ cadaго человека по 2¹/₂ гроша; всего выходитъ 25 копъ грошей; иногда больше „когда люди осядутъ, а когда люди разойдутся, то меньше“. Сверхъ того они обязаны исправлять каждый свою городню въ замкѣ, а башни всѣ вмѣстѣ складчиною. Отъ cadaго села они обязаны давать подводы „чехрою“ (поочереды) до Браславля, но не далѣе.

Городское—мѣщанское населеніе, очевидно, живетъ здѣсь въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ на Днѣпрѣ, что доказывается необыкновеннымъ увеличеніемъ его отъ 1545 до 1552 года; въ этомъ послѣднемъ году мѣщанскаго населенія оказалось болѣе, чѣмъ въ Кіевѣ (не считая мѣщанъ частно-владѣльческихъ), именно (при 359 домахъ) по крайней мѣрѣ 1725 душъ. Городская община сохранила здѣсь главное колонизаціонное значеніе, всасывая въ себѣ бродячіе козацкіе элементы. Козаки живутъ осѣдло въ городѣ, смѣшиваясь съ мѣщанами, такъ что выдѣлить ихъ изъ общей массы городского

населенія можно только по прозваніямъ; такъ среди мѣщанъ находимъ здѣсь: Сашка Федоровича козака, Низоваго Петрушу козака, Конона Кузменка—козака богатаго и козака Семена Криво-пуста.—Этимъ, однако, не исключалась возможность существованія и козацкаго населенія въ собственномъ смыслѣ: здѣсь, какъ и на Днѣпрѣ, т. е. обвѣстки отъ козаковъ составляютъ особый доходъ старосты: „когда какой козакъ пріѣдетъ въ Винницу, то даетъ подстаростѣ обвѣстки 3 гроша“. Очевидно, это—бродячее, степовое населеніе, промышлявшее рыболовствомъ и охотою. Несомнѣнная примѣсь козацкаго элемента видна и въ крестьянскомъ населеніи землевладѣльческихъ селъ; на это указываетъ сравнительно огромное число крестьянъ въ повѣтѣ; указывая на эту особенность повѣта, сами землевладѣльцы оговариваются, что число это—лишь мнимое, ибо-де крестьяне отличаются бродяжничествомъ и ничего не даютъ въ пользу владѣльцевъ, готовы каждую минуту сняться и уйти прочь. Всѣхъ крестьянъ (сельскихъ и городскихъ) 962 хозяина, или 4810 душъ.

Самый южный изъ Литовскихъ и вообще украинныѣ повѣтовъ—*Браславскій*, примыкалъ на сѣверѣ къ Винницкому, а на западѣ къ Барскому повѣту, граница съ которымъ шла по р. Мурафѣ, т. е. приблизительно по нынѣшней границѣ Ямпольскаго уѣзда съ Могилевскимъ; на юго-западѣ Браславскій повѣтъ отдѣлялся отъ Молдавіи р. Днѣстромъ на всемъ протяженіи отъ устья Мурафы до Ягорлыка; но ни на югѣ, ни на востокѣ не имѣлъ опредѣленныхъ границъ, будучи такъ образомъ весь открытъ со стороны степей и кочевьевъ Очаковской орды и отчасти чрезъ Днѣстръ со стороны Молдавіи.

Замокъ Браславскій, до его разоренія Девлетъ-Гиреемъ въ 1551 году, былъ столь малъ, что едва могъ вмѣстить въ себѣ (во время осады) третью часть жителей; люстраторъ проэктировалъ увеличить его, пристроивши небольшое пространство между ярами, идущими съ одной стороны отъ Буга, съ другой отъ Буевки. Городъ заключалъ въ себѣ (по люстраціи 1545 года) 389 однихъ

мѣщанскихъ домовъ (государств. и частновладѣльческихъ¹⁾); часть его была поселена за рѣчкою Пучевкою (Пуцовкою), чрезъ которую въ 1545 г. не было моста къ замку, такъ что мѣщанамъ былъ весьма труденъ доступъ въ замокъ пѣшкомъ, а копеймъ и возомъ вовсе нельзя было проѣхать; воду въ замокъ должны были возить кругомъ на цѣлую $\frac{1}{4}$ мили,—такъ что „при внезапномъ наступленіи непріятеля мѣщане никакъ не могутъ поспѣшно укрыться въ замокъ и должны достаться въ руки врага“ (предсказаніе, исполнившееся вскорѣ—въ 1551 г.).—*Села* (исключительно частно-владѣльческія) расположены на рѣкахъ: Бугѣ,—каковы: Сковушинъ, Облинъ, Собранъ (Совранъ) при устьѣ Саврани въ Бугѣ; на Собѣ: Айсынъ (Гайсинъ), Зейденевцы, Зятковцы, Кузминцы, Рахновъ, Карповцы; на Угорскомъ Тыкатѣ и вообще въ Звенигородщинѣ: Романовцы, Даньковцы, Якубовцы, Мошуровъ, Соколовъ, Митковцы; по правую сторону отъ Буга,—на Мурахвѣ: Корачовцы, Носковцы; на Каменицѣ: Хруцовая; на Днѣстрѣ: Калауръ; и сверхъ того: Бобровъ, Ночкишинъ, Войтовцы, Яры (мож. быть Яруга на Днѣстрѣ); Удинское устье Черное, Телиловцы, Ориничи, Ермолинцы, Михалковцы, Копестыринъ, Щуровцы, Дровное, Кощинцы. Къ этому списку Винницкая люстрація присоединяетъ слѣд. селища пустыя п. Кошичей, лежація въ Браสลавскомъ повѣтѣ: Пальчиковъ, Чозовъ, Плисковъ, Хановъ, Осипковъ, Воробьевцы, Хвальковъ, Черемонны, Иголковъ, Игнатовцы, Шпековъ. Деремчинцы, Кобылюю; а также село Дубицкаго: Жарновица (съ 3 челов.). Всѣ эти села, однако, по показанію ихъ владѣльцевъ, суть пустыя селища. Если такъ, то все населеніе Браславскаго повѣта заключалось въ городѣ и состояло изъ семей:

Боярскихъ	33
Людей ихъ (бояръ) и семействъ поповскихъ . . .	160
Семействъ мѣщанскихъ	229

Всего: 422

¹⁾ По люстраціи 1552 г., городъ, до разоренія его въ 1551 г., заключалъ въ себѣ до 730 домовъ, церквей греч. 7 и 1 латинскую.

Въ составѣ боярскаго класса различаются, во перв., *старшіе земляне* (т. е. несомнѣнные бояре); ихъ было 21 семья (18 фамилій), а именно (въ 1545 г.): Ив. Кошка съ братомъ Андреемъ, Исая Жабокрицкій и сынъ его Василій, Романъ Красносельскій, Сергѣй Оратовскій, Богд. Слуница, Шандырельскій, Клечовскій, Ив. Ильговскій, Юхно-Красносельскій, Петръ Братковичъ, Прачко-Бупинскій, Юха Копевскій, Дмитръ Бупинскій, Василій Романовичъ, Митко Лѣтковичъ, землянка Ульяна Скундыриха, Жіяловскій, Куницкій, Остафей Шепковичъ, землянка Милка, Федора Семашковна. Но, кромѣ этихъ, многіе, не будучи „уроженными“ боярами—шляхтою и неизвѣстно откуда пришедшіе, называются боярами, держатъ подъ собою селища безъ пожалованія государскаго, и за эти селища иногда не несутъ никакой службы. Старшіе бояре братьею ихъ не называютъ. Такихъ „подлѣйшихъ“ бояръ 14, а дворищъ подъ ними 28. Дѣйствительно, фамиліи ихъ далеко не аристократическія, какова: Кудренко, Мишка Хортъ, Митко Золотаръ, Комаръ, Козаръ, Дмитръ Звиноградецъ и т. д. Многіе изъ нихъ носятъ названія отъ селищъ, которыми владѣютъ на Собѣ, на Мурафѣ, на Днѣстрѣ, на Бугѣ, Саврани, на Угорскомъ Тыкичѣ, т. е. въ мѣстахъ открытыхъ и опасныхъ; это, очевидно, особый видъ козаковъ, осѣвшихъ на мѣстѣ и овладѣвшихъ большими участками въ частную собственность. Чтобы объяснить возможность такого оригинальнаго класса, какъ „подлѣйшіе бояре“, надо имѣть въ виду слѣдующее. Къ югу и востоку отъ Браславля простирается пустыня; дорога относительно безопасная лежитъ только до Винницы; прежде шелъ прямой путь къ Черкасамъ, Каневу и Кіеву; но на вопросъ ревизора объ этой дорогѣ мѣстные люди отвѣчали, что начиная отъ Браславля всѣ села, по которымъ проходилъ прежній путь, запустѣли „отъ поганства“; теперь нигдѣ нельзя ѣздить, кромѣ какъ на Винницу; но что если отстроить замокъ Звенигоронскій и снабдить замки людьми пененными, которые бы жили тамъ постоянно зимою и лѣтомъ, тогда отъ татаръ сдѣлается безопаснѣе, села могутъ вновь осѣсть и староста будетъ обезпеченъ отъ здѣшнихъ „противниковъ“ (т. е. козаковъ).

Когда именно былъ разоренъ Звенигородъ, сказать трудно; кн. Константинъ Острожскій, получившій въ пожалованіе замки *Звенигородскій, Винницкій и Браславскій*, въ 1516 г., съ согласія короля, уступилъ ихъ своему племяннику кн. Сангушкѣ. Если это не было „in partibus“, то (Звенигородъ существовалъ еще въ 1516 г. и запустѣніе его относится ко времени 1516—1545 г. Во всякомъ случаѣ въ половинѣ XVI в. было прекращено прямое сообщеніе между Черкасами и Каневомъ съ одн. стор. и Винницею и Браславлемъ—съ другой. Въ этихъ пустыняхъ (Звенигородщинѣ и Уманщинѣ), въ замѣнъ правительственной колонизаціи, началось новое заселеніе путемъ частной инициативы и предприимчивости. Предпринимателями явились *козаки-землевладельцы*,—классъ, съ которымъ мы здѣсь въ первый разъ сталкиваемся подъ его собственнымъ именемъ, между тѣмъ какъ несомнѣнно, что въ Каневскомъ и Черкасскомъ повѣтахъ владѣльцы громаднхъ Заднѣпровскихъ пустынь первоначально были такіе же козаки. Здѣсь—въ Звенигородщинѣ первыми осадниками явились Базановичи: въ 1542 г. владѣль здѣсь селищами Романовкою и Дымковцами, по привилегіи Сигизмунда I, „земенинъ Браславскій звенигородецъ“ Стефанъ Базановичъ съ братомъ своимъ Ѳеодоромъ; въ 1545 г. его имущества принадлежали уже п. Козару. Другой Базановичъ Дмитрій „козакъ Звенигородскій“, еще до 1545 г. владѣль селеніями: Соколковымъ, Мытковцами и Мошуровымъ. Впослѣдствіи его потомками населены здѣсь *Буки*, какъ со всею справедливостію слѣдуетъ заключить изъ запутанной тяжбы объ этихъ имѣніяхъ между Бѣлоцерковскимъ староствомъ съ одн. стор. и Калиновскими п. Потоцкими (наслѣдовавшими эти имѣнія отъ Базановичей)—съ другой¹⁾. Потомки козака Звенигородскаго Дмитрія: его сынъ Богданъ и внуки Ѳеодоръ Богдановичъ, Михайлъ Богдановичъ, дочь Ѳеодора Елена и сынъ Михаила Гордѣй,—владѣли несомнѣнно обширною частію Звенигородщины, которую и уступили въ 1592 г. Струсю (отъ котораго

¹⁾ Ар. Ю. Р., VII, т. I., № XX.

она досталась въ 1604 г. Калиновскому). М. Буки „заведено“ именно Ѳедоромъ. Не смотря на такія обширныя владѣнія, владѣльцы ихъ (предшественники магнатовъ Калиновскихъ и Потоцкихъ) продолжали именоваться „козаками“.

Вообще на этой далекой окраинѣ границы классовъ общества смѣшивались: козаки входили и въ составъ мѣщанъ, но за то сами мѣщане, будучи богатыми землевладѣльцами, несли боярскую службу: „прежде, при князѣ Константинѣ Острожскомъ, бояре обязаны были являться на службу со всѣми своими людьми, а мѣщане, которые держатъ пасѣки, должны были становиться о дву-конь въ сброѣ; а теперь все это смѣшалось: не только у мѣщанъ, но и у иного боярина на службу государскую коня нѣтъ и поистинѣ даромъ живутъ при замкѣ“.

Изъ *людей пенежныхъ* (на жалованьѣ) было въ Браславлѣ только 3 пушкаря; но, по мнѣнію люстратора, требовалось еще 3. Эти пушкарни вездѣ иностранцы, но въ Браславлѣ русскіе. „Не мѣшало бы (говорить ревизоръ), что-бы между этихъ русскихъ пушкарей одинъ былъ ляхъ или чехъ, ученый пушкаръ, для лучшей справы и стрѣльбы“. Вскорѣ послѣ люстраціи Браславль снабженъ былъ сильнымъ гарнизономъ. Что касается до *сельскаго населенія*, то всѣ селища за землянами, а потому „не разберешь, гдѣ государственное, а гдѣ землянское; какія бы выгоды владѣльцы не получали съ этихъ селищъ, все показываютъ „въ пустѣ“ и службы къ замку никакой не хотятъ исполнять“. Если вѣрить показаніямъ землевладѣльцевъ, то крестьянскаго населенія въ цѣломъ повѣтѣ совсѣмъ нѣтъ, въ чемъ, какъ видно, люстраторъ сильно сомнѣвался. Правда ревизія указываетъ за самозванными боярами 28 дворищъ, но въ городѣ ли эти дворища, или по селамъ—не показано. Если по селамъ, то эти 28 дворищъ приходятся на 26 селищъ.

Несомнѣнно, что частныя владѣнія приносили доходы владѣльцамъ и потому заключали въ себѣ немалое населеніе, хотя временное. Это временное населеніе—*козаки*, присутствіе которыхъ, по мнѣнію люстратора, не приноситъ пользы повѣту; ихъ нельзя

было бы вовсе унять, еслибы не люди пенежные. Они особенно наполняют опустѣвшую Звенигородщину. Возстановленіе Звенигородскаго замка проектировалось какъ для защиты отъ татаръ, такъ и отъ козаковъ: тогда „козаки не посмѣютъ входить въ турецкую землю и дѣлать зацепки“. Трудно угадать былъ-ли такой взглядъ на козаковъ мнѣніемъ мѣстныхъ жителей, или такъ рассуждалъ лишь чиновникъ.

Во всякомъ случаѣ на Бугѣ козачество развито было не менѣе, чѣмъ на Днѣпрѣ. Занятіемъ козаковъ, какъ и вездѣ, было здѣсь пасѣдничество, рыболовство и охота. Для этого козаки снимали „уходы“ или на казенныхъ (старостинскихъ) земляхъ, или у частныхъ владѣльцевъ. Особенное, специальное названіе ихъ въ этихъ мѣстахъ было *Болоховим* ¹⁾,—названіе, обращенное какъ бы въ нарицательное. Этимъ именемъ обозначаются тѣ украинники, предшественники козаковъ, которыхъ поселенія извѣстны были подъ именемъ „Болоховской земли“ въ до-татарское время.

Польское Подолье состояло изъ нѣсколькихъ повѣтовъ, которые въ теченіи XVI ст. не разъ мѣняли свои имена, число и границы: въ половинѣ XVI в. въ немъ различались повѣты Каменецкій, Межибожскій, Летичевскій, Хмельницкій, Зиньковскій (съ 1542 г.—Барскій) и Червоногородскій ¹⁾. Но изъ нихъ Межибожскій и Летичевскій слились въ одинъ, а Червоногородскій нельзя признать за украинный и потому онъ не входитъ въ наше разсмотрѣніе.

Взятое въ цѣломъ Польское Подолье помѣщается между Бугомъ (отдѣляясь отъ него на востокъ довольно узкою полоскою),

¹⁾ Арх. Ю. Р., ч. VII, т. I., № LXXXIV.

²⁾ Въ послѣдствіи, въ концѣ XVI в., установилось раздѣленіе Подолья на три повѣта: Каменецкій, Летичевскій и Червоногородскій. Причина неясности вопроса о числѣ повѣтовъ заключается въ неточности отношеній староствъ къ повѣтамъ; когда староства окончательно превратились въ имущества частно-правныя, тогда только возникъ споръ, признавать-ли напр. Барскій повѣтъ повѣтомъ, или староствомъ. До появленія карты г. Яблоновскаго не беремся опредѣлять границы повѣтовъ съ точностію.

и среднимъ теченіемъ Днѣстра. Съ востока оно совершенно закрыто отъ степей Винницкимъ, а съ ю. в Браславскимъ повѣтамъ; ни одна орда не могла достигнуть этого угла, не пройдя напередъ во всю длину упомянутые повѣты Литовской Украины. Съ з. эта часть Подолья примыкала къ населеннымъ внутреннимъ предѣламъ Галиціи. Лишь съ юга Днѣстръ отдѣлялъ ее отъ Волошской земли, чрезъ которую и вторгались турецкія полчища. Такая укромность Подолья хотя не спасала его отъ жестокихъ опустошеній (какъ мы видѣли выше), но во всякомъ случаѣ была важнымъ условіемъ большаго успѣха колонизаціи этой страны: ежеминутныхъ вторженій мелкихъ ордъ (что дѣйствовало особенно разрушительно на государственный бытъ Украины) съ этой стороны не было. Но вообще Подолье правильно раздѣляютъ по условіямъ положенія и защиты на двѣ части: Подиѣстровье и Побужье. Первое, въ которомъ лежалъ *Каменецкій повѣтъ*, было заселено и укрѣплено съ глубокой древности: населенность и культура, возстановленная здѣсь Коріатовичами и Витовтомъ, пустили уже глубокіе корни. Здѣсь стоялъ Каменецъ: это *antemurale Christianitatis*, по тогдашнему выраженію, представляло неприступную твердыню, равной которой не было тогда на всей территоріи Польши. Вообще Каменецкій повѣтъ можно-бы не включать въ число украинскихъ, благодаря именно его древнему заселенію и защитѣ Каменца, также основаннаго при Коріатовичахъ.

Къ концу XVI в. твердыни Каменца собрали вокругъ себя значительное населеніе; въ 1570 году въ городѣ было 645 домовъ. Другой городъ того-же повѣта—Смотричъ и въ 70-хъ годахъ былъ не очень виднымъ поселеніемъ (91 домъ). Частновладѣльческіе города (мѣстечки) этого повѣта, отличавшіяся впослѣдствіи (въ 70-хъ годахъ) числомъ и величиною, каковы (Гродекъ имѣвшій въ 1570 году 196 домовъ), Чемеровцы (185), Кудринцы (168), Сатановъ (135), Чернокозинцы (112),—по описи 1530—42 года представляютъ еще незначительныя селенія. Обширныя частновладѣльческія волости по среднему Днѣстру и Смотричу заклю-

чаютъ въ себѣ довольно большое количество и сельскихъ поселеній, именно въ волостяхъ Гродецкой и Чернокозинской. Но чѣмъ ниже по Днѣстру, тѣмъ дѣло измѣняется къ худшему; такъ Дунаевецкая волость уже напоминаетъ украинныя пустыни; находящіеся здѣсь древніе города Бакота и Ушица лежатъ въ развалинахъ.

Приводимъ общій перечень поселеній Каменецкаго повѣта (съ указаніемъ количества плуговъ) по тарифамъ 1530—42 гг. ¹⁾.

Число плуговъ 1530 г.

Лысечь	2	Устье Чвиклеёвское	3
Жванецъ	3	Соколъ	6
Дунаёвцы	4	Мокша	2
Зеленцы	deserta	Панёвцы	4 ^{1/2}
Балина и Новоселка	5	Зобровцы	3
Тарнава	5	Кобачовцы	4
Вирбка	4	Татары	1 ^{1/2}
Стушницы	1	Островчичи	9
Игуменцы	6	Подгродье	2
Княже	2	Гавриловцы	7
Борисковцы	4	Ходоровцы	7
Колчеёвцы	6	Княгининъ	11
Калинье	2 ^{1/2}	Кадеёвцы	4
Безносковцы	5 ^{1/2}	Новосельцы	10
Супронковцы	2	Нагоржаны	6
Уробіёвцы	(1542—vast.)	Крогудецъ	1
Богавыча	5	Рѣпинцы	2
Колибаёвцы	2	Вѣла	1 ^{1/2}
Чвиклеёвцы село	2	Фредровцы	3
Чвиклеёвцы нѣм. права	2	Ласковица	6

¹⁾ См. Яблоновскаго: „Polska XVI w.“ (Źródła dziejowe, XIX). За болѣе раннее время тотъ-же писатель, имѣвшій въ рукахъ „registreum fomalium“ 1493 и „resignatio castrorum“ 1494 г. (см. Podole u schyłku XV w.“ въ Ateneum 1880, т. II и III), изъ этихъ актовъ сообщаетъ только, что въ 1493 году во всемъ Подольѣ было 216 селъ и въ нихъ 2354 дыма (стр. 535). Дальнѣйшее движеніе населенія Подолья опредѣляется податными реестрами 1565—66, 1569 г., алфавитнымъ реестромъ селъ воеводства Подольскаго 1578 и 1583 гг. (все эти акты изданы въ указанномъ томѣ Źródła dziejowe), а также люстраціями 1565 г., издаваемыми нами.

Должекъ	12	Бабинцы	—
Хромотова	1	Прослятковъ	1
Руда	4	Калужъ (1542 deserta)	2
Пудловцы (1542 deserta)	2	Студеница (deserta)	
Зинковцы	5	Глясечна	3
Чюлковцы	1	Кулавы	8
Голосковъ	1	Чернавода	2
Киптинцы	2	Лутниковцы	2 ¹ / ₂
Ориямъ	¹ / ₂	Яриозинцы	5
Вини́евецъ	4	Лосковцы	2
Гричковъ	3	Копытъ	3
Кудеринцы	4	Скепцы	3
Лояновцы	7	Олексинцы	3
Зилинцы	1 ¹ / ₂	Сѣкиринцы	8
Мельница	11	Харзовцы (Chargowcze)	1
Ольховецъ	9	Шлатовцы	2
Устье	10	Чернокозинцы	7
Подфилипые	¹ / ₂	Загуковые	2
Залу́че	1	Глѣбовъ (deserta)	1
Поклаки (1542 denuo locata)	1	Ушица	8
Цыганы	5	Тышковъ	1
Милевцы	2	Кривцы (Krzywce) deser.	
Ходзи́евцы	3	Бакота	3
Ягельница	2	Триховцы	3
Смайниковцы	6	Солонковцы	5
Мизковъ	1 ¹ / ₂	Соколовцы	1 ¹ / ₂
Залѣсье	1 ¹ / ₂	Косовцы (1542—deserta)	1
Миколаѣвцы	2	Гроссова	3 ¹ / ₂
Лостовцы	5	Чистовцы	2
Лестковцы (deserta).		Майниковцы	3
Войтковцы	} 6	Тыщеловцы	2
Борисковцы		Криковъ	5
Пищанинцы	7	Ничиня	1 ¹ / ₂
Паниовцы	4	Каралчевъ } (1542 noviter locat).	
Ходниковцы	1	Роговцы } (1542 noviter locat).	
Залѣсье (друг.)	4	Фурмановцы (deserta).	
Звиняче (noviter locatum).		Залѣсье	4
Голенищовъ	4	Нефедовцы	1
Свирчовцы	1	Ячковцы deser.	
Маскятковцы	10	Кривцы (другое)	—
Васильковцы или Берлинцы	2 ¹ / ₂	Блищенѣвцы	1 ¹ / ₂

Голозубинцы	(deserta).	Колодрода	9
Черны (Чериче)	7	Зезолинцы	2
Смотричъ	3	Михалковцы	2
Чирна	—	Вирбка	2
Потеремцы	4	Гродекъ Бехриховъ	4 ¹ / ₂
Касперовцы } (peste desertata).		Яромирка	1
Горигляды }		Сисковцы (noviter locata).	
Печерно	3	Остапковцы	—
Ольховецъ	6	Завалье	7
Усатинъ	2	Квятковъ (?)	1
Вахновцы	2	Стрѣва (1542 deserta)	} 5 ¹ / ₂
Превроче	3	Иванчиковцы	
Милеевцы	9	Борцовъ (1542 — deserta).	
Пятничаны	2	Сатановъ	1
Домановъ	4	Борцовка	1
Синковъ	6		

Сверхъ того въ 1542 году:

Плуги 1542 года:

Андрониковцы	1	Мышковъ	(deserta).
Борзаконцы	1	Нивра	2
Брезаны	2	Олешковцы	1
Бучая	deserta.	Подчапинцы	1
Чинкова	1	Савицы	2
Деревяна	—	Сапоговъ } deserta.	
Ярославъ	1 ¹ / ₂	Стрѣлковцы }	
Карапчевъ другой	1 ¹ / ₂	Сугай	1
Кохаевцы	1	Теремцы	1
Комановъ	1	Толсте	1
Козминъ	} ?	Волковцы	1
Кошковцы			
Лехновцы			
Михалковъ			

Итакъ, въ Каменецкомъ повѣтѣ находимъ 179 поселеній (изъ нихъ въ 1542 г. 15 были пустыми), а въ нихъ 517 плуговъ.

Остальные три повѣта Подолья (Межибожско-Летичевскій, Барскій и Хмельницкій) можно отнести уже къ Побужью, хотя южные предѣлы Барскаго повѣта спускаются до Поднѣстровья.

Изъ нихъ самый закрытый и, подобно Каменецкому, болѣе обезпеченный, повѣтъ Летичевскій (вмѣстѣ съ Межибожскимъ) представляетъ довольно густо населенную часть Подолья. Въ гор. Летичевѣ послѣ татарскаго опустошенія въ 1558 г. вновь осыло 156 человекъ.

Населенность прочихъ городовъ въ 1530—1569 г. не опредѣляется; въ 1570—78 гг. было: въ Летичевѣ 211 домовъ, въ Межибожѣ 273; Плоскировъ (Проскуровъ) имѣетъ въ 1530 г. 10 плуговъ, а въ 1578 г.—23 дома; Черный Островъ, имѣвшій въ 1530 г. лишь 5 плуговъ, въ 1578 г. имѣетъ уже 84 дома; Зиньковъ (который въ 70-хъ годахъ уже причислялся къ этому повѣту) имѣлъ тогда 275 домовъ.—Прочія населенныя мѣста въ 1530—42 г. исчисляются такъ ¹⁾:

a) Въ Межибожскомъ повѣтѣ:

П л у г и 1 5 3 0 г о д а :

Голосковъ	9	Западинцы	3
Масовцы	8	Лесановцы	2
Пироговцы	9	Иккава	?
Пархановцы	4	Ильятка	4
Глезновъ	6	Плоскировъ	10
Копистинъ	10	Черноостровъ	5
Гринѣвцы	3 ¹ / ₂	Голишинъ	6
Климашовцы	1	Грузовица	deser.
Думшинцы	1	Коржовцы	6
Печища	1	Ярославка	7
Моломолинцы	2 ¹ / ₂	Яниковцы	4
Ходковцы	2	Богдановцы	6
Редиминцы	2	Прелука	1
Микитинцы	3	Русановцы	3
Трцзенуецъ(?)	8	Головчинцы	3
Спичинцы	1 ¹ / ₂	Пилявцы	deser.
Митковцы	4	Волосовцы	1
Терешовцы	3	Колибане	3 ¹ / ₂
Речинцы	1 ¹ / ₂	Давидковцы	3
Игнатовцы	4	Ивнотинцы (?)	¹ / ₂
Десковцы	1	Рожична (sic.)	3

¹⁾ Źródła Dziejowe, XIX, 166—168.

Судковцы	5 ¹ / ₂	Засятковцы	} deserta.
Ступинцы	3	Пашковцы	
Аркадіёвцы	3	Клитлена	
Булгаковцы	(1542 des) 1	Пархановцы Напольные	} 1542 года.
Ходаковцы	1	Грабовцы	
Перегинка	2	Матиневцы	
Васильковцы	1	Мелешовцы	
Свинна, иначе Монастырь	3 ¹ / ₂	Плоска, ин. Климовцы	
Przeadrowcze (?)	2	Весденка	
Тыравинцы	1	Жоравлинцы	desert.
Бахматовцы	1		

Итого, Межибожскій повѣтъ въ 1542 г. заключалъ въ себѣ 63 поселенія (изъ которыхъ 8 были пустыми) и въ нихъ 205 плуговъ.

б) Въ Летичевскомъ повѣтѣ:

Плуги 1530 года:

Вирбка	11	Радзеевцы	2
Багриновцы	9	Волковинцы	2
Голенищовъ	2 ¹ / ₂	Свѣчна	¹ / ₂
Поповцы	8	Бухновцы	3
Дзяковцы	11	Чесь	10
Гарбашовъ	4	Станиславъ	} deserta.
Снитовка	4 ¹ / ₂	Марковцы	
Щодрова	5	Кердановцы	
Сусловцы	3		

Так. обр., въ Летичевскомъ повѣтѣ находимъ 17 поселеній (изъ нихъ три пустыхъ), а въ нихъ 75¹/₂ плуговъ.

Средину между Поднѣстровьемъ и Побужьемъ занимаетъ повѣтъ, главнымъ городомъ котораго былъ *Зиньковъ*; но когда древній *Рѳъ* возстановленъ былъ изъ развалинъ корол. Боною, то во главѣ повѣта сталъ *Баръ* (новое имя Рва). Повѣтъ спускался къ Днѣстру полоскою между Калюсомъ и Мурафою и принадлежалъ къ числу наименѣе обезпеченныхъ со стороны степей, хотя и закрытъ былъ Браславскимъ повѣтомъ. Это тотчасъ сказалось въ спискахъ его поселеній 1530—1542 г. роковыми отмѣтками: „deserta“, и незначительностію прочихъ поселеній, кромѣ Слободки, Деражни и

Ивановцевъ. Рѣзкій характеръ пустыни имѣеть особенно область Ладавы.

Поселенія этого повѣта въ тарифахъ 1530—1542 ¹⁾ перечисляются такъ:

П л у г и 1 5 8 0 г о д а :

Нетечинцы	3	Вербовецъ	} deserta.	
Мукаровъ	6	Ольховецъ		
Мукаровъ (др.)	1	Хрептіѣвъ		1
Деражня Юрковича	13	Куриловцы		4
„ Друнковича	5	Плепелинцы (sic) deserta.		
„ Почешинной	9	Кузелова	} deserta.	
Заницы	4	Миньковцы		
Новосельце	8	Чюлковцы		1
Охримовцы	2	Бябехи		3
Мокутинцы	9 ¹ / ₂	Крутибородинцы		1 ¹ / ₂
Зынечковцы	4	Сухотинцы	} deserta.	
Малеѣвцы	2 ¹ / ₂	Голузинцы		
Пискова Лука	2	Масныки		2 ¹ / ₂
Слободка	21	Долиняны		deser.
Ровъ (въ 1542 г. Баръ)	(deser.)	Заницы		5
Іолтушковъ	(deser.)	Губаровъ		deser.
Лнецъ	1 ¹ / ₂	Соколецъ		2
Карычинцы	3 ¹ / ₂	Поповцы		deser.
Вѣликовцы	3	Вояковцы		4
Ивановцы	9	Капуцинцы		deser.
Коморовцы	1	Гринечка		5
Бозуковцы	5	Галчинцы	} deserta.	
Дашковцы	deserta.	Крушковцы		
Карачеевцы	1	Вокутинцы (sic.)		
Ладава	deserta.	Нестеровцы		
Ильшовцы		Лучинцы		
Верещатинцы		Лоѣвцы		
Конышовъ		Карычинцы		8
Струга	} deserta.	Глушковцы		5
Владеѣвцы		Заниковцы		3
Козловъ		Армаки		1
Берлинцы		Севередіѣвцы		deser.
Немня				1542 годъ.

¹⁾ Źródła Dziejowe, XIX, 169—170.

Итакъ, въ Зиньковскомъ (Барскомъ) повѣтѣ въ 1530 году заключалось 65 поселеній (изъ нихъ 30, т. е. около половины пустыхъ), а въ нихъ 155 плуговъ.

Наконецъ *Хмельницкій повѣтъ* занимаетъ сѣверо-восточный уголь Подолья и хотя представляется закрытымъ со всѣхъ сторонъ, однако населенъ не болѣе Барскаго: по тарифамъ 1530—42 годовъ въ немъ только 16 поселеній; но по люстраціи 1565 г. здѣсь уже до 30 населенныхъ мѣстъ. Для сличенія съ этою послѣднею (напечатанною нами) приводитъ списокъ поселеній за 1530—42 годы ¹⁾:

Іовче, Трибуховцы, Винниковцы, Лысогорцы, Зиновцы, Куликовъ, Жоравно, Дубова, Крутневъ, Брезни (Березна?), Юладовцы, Кожуховъ, Квириловцы, Задраниковцы, Игуменцы, Черленевцы.

Так. обр., Хмельницкій повѣтъ не можетъ быть введенъ въ общую систему исчисленій населенности въ 1530—42 годы, по отсутствію указаній числа плуговъ; они не указаны потому, что въ то время всѣ доходы Хмельницкаго повѣта были отданы на постройку новаго замка (Хмельника). Во всякомъ случаѣ число поселеній въ немъ самое незначительное, именно 16.

Беря общія цифры для 5 повѣтовъ, находимъ въ Польскомъ Подольѣ (говоря точнѣе—въ Каменецкомъ и Межибожскомъ повѣтахъ) большое количество поселеній, сравнительно съ Литовскими повѣтами. Но не говоря о томъ, что различіе источниковъ (тарифъ и люстрацій) даетъ для сравненія несоизмѣримыя величины, цифры даютъ не совсѣмъ вѣрное впечатлѣніе. Прежде всего надо имѣть въ виду, что почти половина поселеній дышетъ эфемерною жизнію, заключаая въ себѣ отъ 1 до 5 поселенцевъ; даже въ 1569 г. на Каменецкій повѣтъ приходилось 78 такихъ селъ, въ которыхъ насчитывалось отъ $\frac{1}{2}$ до 3 плуговъ. Так. обр., переходъ единственнаго поселенца грозитъ прервать каждую минуту жизнь такого села. Дѣйствительно, уловить традицію поселеній на пространствѣ даже полустолѣтія, трудно: нынѣ это село, завтра—пустыня, съ

¹⁾ Źródła Dziejowe, XIX, 171.

тѣмъ чтобы послѣзавтра, давъ пріютъ какому-нибудь переселенцу, снова начать невѣрное существованіе.

Какъ естественное послѣдствіе предыдущаго, является значительное количество совсѣмъ пустыхъ поселеній, въ которыхъ или нѣтъ крестьянъ, но сохраняется дворъ владѣльца, или вообще нѣтъ никакой осѣлости (истребленной врагами), или такихъ, которыя заводятся вновь, но еще не получили поселенцевъ. Такихъ селъ въ 1530—1542 г. было:

въ Каменецкомъ пов.	15,	т. е.	8%.
„ Межибожскомъ „	8,	„	12%.
„ Летичевскомъ „	3,	„	17%.
„ Зиньковскомъ „	30,	„	48%.
„ Хмельниц. (1565) „	4,	„	18%.

Такое неблагоприятное состояніе дѣлъ мало измѣнилось и потомъ; въ 60-хъ годахъ XVI в. поселенія находятся въ состояніи хроническаго разоренія. Вотъ для примѣра списокъ селъ за 1569 г. по цѣлому Подольскому воеводству, которыя, хотя и значатся населенными, но съ отмѣткою *desertata Tartagorum* (sic), а именно: Куриловцы, Струга, Лоевцы, Гринечка, Блищеновцы, Михалковцы, Соколовцы, Жоравинцы, Лехновцы, Жучковцы, Зягловка, Монастырь, Бебехи, Зинковцы, Нетечинцы, Рожична, Волковцы, Корытна, Унаровъ, Павликовцы, Калюсъ Нижній, Голозубинцы, Немеринцы, Доброгоща, Олексинцы, Куровка, Охримовцы, Базуковцы, Лопковцы, Бубиовка, Мартинковцы, Пустоловка, Мартинковцы (др.), Мордина. Итого, 35 на 336 селеній, т. е. одна десятая часть.

Во всякомъ случаѣ, любопытно было-бы объяснить фактъ множества и подробности поселеній, составляющей характерную черту Подолья. Объясненіе, по нашему мнѣнію, самое достовѣрное, дается характеромъ и источниками мѣстнаго землевладѣнія, котораго коснемся ниже, а здѣсь отмѣтимъ лишь слѣдующее. Утверждаютъ, что на Подольѣ было меньше мелкаго шляхетства, чѣмъ на Волини; можетъ быть это и такъ; но, сравнительно съ украинскими повѣтами Литовскаго государства, здѣсь, на Подольѣ, не-

сравненно больше мелких частных владѣльцевъ. Въ тарифахъ и люстраціяхъ пол. XVI в. приводится до 176 фамилій по Подольскому воеводству, при чемъ каждая фамилія могла состоять и состояла изъ нѣсколькихъ отдѣльных владѣльцевъ. Полагая по меньшей мѣрѣ два владѣльца на одну фамилію, получимъ, 352 владѣльца на 336 поселеній воеводства (въ 1569 г.). Слѣдуетъ однако помнить, что здѣсь были и церковныя владѣнія, напр. обширныя владѣнія католическаго епископа (до 10 селъ), мон. св. Николая, нѣкоторыхъ правосл. церквей (протопопа Каменецкаго). Нужно также имѣть въ виду, что западное Подоліе, не менѣе Волыни, было страной обширныхъ магнатскихъ владѣній: западныя части его (которыя именно намъ слѣдуетъ выдѣлить изъ итоговъ нашего изслѣдованія, какъ не относящіяся къ украиннымъ мѣстностямъ) заняты владѣніями такихъ „можновладцевъ“, какъ Язловецкіе (владѣвшіе болѣе чѣмъ 30 поселеніями). Почти все западное Подоліе относится къ магнатскимъ имуществамъ. Так. обр. мелкія владѣнія сосредоточиваются въ среднихъ и восточныхъ—собственно украинныхъ повѣтахъ. Здѣсь иногда цѣлая многочисленная фамилія владѣетъ 1 или двумя плугами; а часто остается со всѣмъ безъ крестьянъ.—Всѣ они, однако (изъ цѣлей политическихъ болѣе, чѣмъ культурныхъ) получили участки земли для заселенія и поневолѣ держатся на мѣстахъ, не имѣя другаго выхода.

Населенность Подолья не можетъ быть выведена съ полною точностію, не смотря на кажущуюся полноту относящихся сюда данныхъ, ибо нельзя установить точнаго метода для вычисленія, не имѣя твердыхъ основаній для опредѣленія отношенія числа „плуговъ“ къ числу жителей. Въ источникахъ иногда два крестьянина (хозяина) соотвѣтствуютъ одному плугу; напр. въ 1565 г. въ Деражнѣ считается 7 плуговъ, „1—отсутствуетъ, потому что 2 человека убѣжали“¹⁾; иногда даже 3 крестьянина полагаются въ 1

¹⁾ Źródła Dziejowe, XIX, стр. 195.

плугъ; напр. въ Лукѣ тогда же 1 плугъ пустуетъ, потому что „tres smetones fugam dederunt“¹⁾; иногда же напротивъ 1 плугъ занимаетъ 1 крестьянинъ; такъ тогда же въ Гавриловцахъ „три плуга пустуютъ, потому что три крестьянина убѣжали въ Валахію“²⁾).

До какой степени шатко это основаніе для счисленія населенія, показывается слѣд. примѣръ: въ 1565 г. въ с. Нагоржанахъ: „два плуга уничтожились, потому что въ предшествующемъ году въ этомъ селѣ была моровая язва, отъ которой умерло около 60 (sic) человекъ“³⁾.

Болѣе точности надо было бы ожидать отъ сличенія цифръ тарифъ и люстрацій за одинъ и тотъ-же годъ (когда такое совпаденіе есть). Такъ у насъ есть люстраціи и тарифы 1565; въ первыхъ изчисляются поименно жители коронныхъ селъ; во вторыхъ указывается въ тѣхъ же селахъ число плуговъ. Однако и здѣсь мы находимъ большое разнообразіе. Возьмемъ примѣры: с. Щодрова по люстраціи имѣетъ 16 „господаровъ“, по тарифъ—7 плуговъ; Карачинцы Римовы—19—7; Глѣбовъ—15—8; Крутибородинцы—6—3; Новосельце—21—10.

Полагая среднимъ числомъ по 2 хозяина на 1 плугъ, считаемъ возможнымъ положить на 1 плугъ десять душъ об. пола.— При такомъ разсчетѣ было бы сельскихъ жителей въ 1530—1542 гг.

въ Каменецкомъ пов. 5170 душъ.

„ Межибожскомъ „ 2050 „

„ Летичевскомъ „ 750 „

„ Зиньковскомъ „ 1550 „

въ Хмельницкомъ (по люстраціи 1565 г.) (463 хоз.) 2315.

Городское населеніе за указанные годы не можетъ быть опредѣлено по недостатку данныхъ; въ 1570 г. находимъ въ городахъ:

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. стр. 194. См. еще стр. 191 (Клишковцы).

³⁾ Ibid. стр. 192.

Каменцѣ . . .	(645 домовъ)	3225	душъ.
Смотричѣ . . .	(91) „	455	„
Летичевѣ . . .	(211) ¹⁾ „	1055	„
Межибожьѣ . .	(273) „	1365	„
Барѣ	(371) „	1855	„
Хмельникѣ . .	(334) „	1670	„

Въ 1565 г. (по люстраціи) было:

въ Хмельникѣ (270 дом.)—1350 душъ.

„ Барѣ . . (290 дом.)—1450 „

Выдѣляя одни собственно-украинные повѣты (Летичевскій, Зиньковско-Барскій и Хмельницкій), получаемъ такія общія цифры населенія ихъ за 1530—1565 г.:

Летичевскій. . 1530 душъ.

Зиньковскій. . 3000 „

Хмельницкій . 3985 „

Всего. . 8515 душъ.

Сравнивая однородные повѣты Польскіе и Литовскіе, напр. Хмельницкій и Винницкій находимъ, что въ послѣднемъ въ 1545 г. было крестьянъ 4250 (а съ городскими крестьянами 4810) и городскихъ жителей 1365 (въ 1552 г. 2145), а всего 5615, что значительно превосходитъ населеніе Хмельницкаго повѣта (3985) и приближается къ населенію Каменецкаго. Другихъ, болѣе полныхъ, данныхъ для сравненія относительно Литовскихъ повѣтовъ мы не имѣемъ.

Болѣе обильныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ для исторіи заселенія Подолья, позволяютъ намъ привести нѣсколько данныхъ для опредѣленія *постепеннаго движенія устьховъ заселенія* за 100 лѣтъ. А именно число сельскихъ и крестьянскихъ участковъ цѣлаго воеводства выражается въ слѣд. цифрахъ:

¹⁾ Въ 1558 г. (см. выше) въ немъ было 156 домовъ, т. е. 780 душъ.

Г О Д Ы.	Число селъ.	Число дымовъ, плуговъ, или лановъ.
1493	216	2354 дымовъ
1530—1542	374	1090 плуговъ
1563	—	2440 лановъ
1565—66	406	?
1569	336	1422 „
1576	—	1424 „
1578	650	? „
1583	421	2021 „
1588	—	2112 „

Представленныя цифры во всякомъ случаѣ не даютъ твердыхъ оснований для выводовъ, однако съ нѣкоторою вѣроятностію указываютъ:

а) Что въ теченіи ста лѣтъ какъ число селеній, такъ и обработанныхъ участковъ возрасло почти въ два раза (если принимать дымъ за хозяйство одного крестьянина, а плугъ и ланъ за два хозяйства).

б) Что увеличеніе числа селеній не всегда сопровождается увеличеніемъ числа народонаселенія (напр. 1530—42 г.), чѣмъ и подтверждается наша мысль объ искусственномъ увеличеніи поселковъ чрезъ раздачу земель польскимъ шляхтичамъ.

III.

Способы заселенія.

Недостаточность успѣховъ колонизаціи объясняется несоотвѣтствіемъ мѣръ и способовъ колонизаціи съ силою опустошеній. Что касается до Литовской украины, то со времени уничтоженія Кіевского княжества здѣсь ослабляются правительственныя мѣры для защиты страны (разумѣемъ постройку и исправное содержаніе замковъ); ослабляются городскія общины чрезъ разложеніе ихъ личныхъ и имущественныхъ средствъ; искусственно развивается землевладѣльческій классъ въ ущербъ городскимъ общинамъ и государственныхъ средствъ; наконецъ сюда надо присоединить невниманіе къ частной свободной колонизаціи, такъ называемой козацкой. Въ нижеслѣдующихъ страницахъ мы должны точнѣе и подробнѣе обозначить указанные способы колонизаціи.

Правительственная колонизація. Замки. Служилое населеніе. Постройка и надлежащее содержаніе замковъ было важнѣйшимъ условіемъ успѣховъ колонизаціи. Замокъ и примыкающій къ нему городъ (острогъ) были не только главными, но часто единственными постоянными поселеніями повѣта; при нашествіи враговъ все окрестное населеніе, оставляя свои жилища на произволъ судьбы, сбѣгалось въ острогъ и замокъ; послѣ опустошительнаго набѣга замокъ, выдержавшій осаду, оставался одинокимъ оазисомъ среди пустыни. Мѣстные жители ставятъ постройку замковъ въ тѣснѣйшую связь съ возникновеніемъ селъ: „еслибы замокъ Звенигород-

скій былъ опять восстановленъ (говорили Браславляне въ 1545 г.), то и села могутъ осѣсть“. Съ паденіемъ Звенигородскаго замка всѣ села отъ Браславскихъ границъ до Черкасъ были уничтожены. Поэтому главнѣйшею задачею правительства должно было служить укрѣпленіе степныхъ границъ постройкою замковъ, или какъ говорили на сѣврѣ, острожковъ, и снабженіе ихъ постоянными гарнизонами. Дѣятельность этого рода не только начата была, но и велась довольно успѣшно еще въ древнѣйшія времена при первыхъ князьяхъ Рюриковичахъ, которые уже опоясали южную границу укрѣпленіями по Сулѣ, Роси, Деснѣ и Трубежу. Затѣмъ тоже было задачею дѣятельности Ольгерда и Витовта (какъ указано уже нами въ своемъ мѣстѣ), причемъ кольцо укрѣплений было даже раздвинуто далѣе къ югу (до береговъ Чернаго моря). Въ такомъ же состояніи поддерживались укрѣпленныя мѣста и при кievскихъ князьяхъ Олельковичахъ.

Но съ паденіемъ кievскаго княжества указанная дѣятельность государства, видимо, ослабѣла: не только отдаленныя укрѣпленія Черноморскія (Очаковъ и др.) были завоеваны татарами и остались въ ихъ рукахъ, но и болѣе внутреннія замки или совершенно упали и были уничтожены, или поддерживались плохо. Виленское правительство смотрѣло на Русь и Волинь какъ бы на чуждыя страны; оно выходило изъ апатіи лишь тогда, когда чрезъ нихъ врагъ вторгался во внутреннія литовскія области. Исправленіе замковъ и защита ихъ были предоставлены собственнымъ средствамъ мѣстнаго населенія, съ весьма незначительнымъ и случайнымъ участіемъ центральнаго правительства. Въ этомъ отношеніи оно далеко уступаетъ Московскому правительству, которое признало защиту границъ отъ татаръ самою жизненною своею задачею; а задача тамъ была еще труднѣе: приходилось защищать огромное пространство отъ Волги до Днѣпра.

Въ Литовскомъ государствѣ отъ временъ кievскихъ князей Рюриковичей и первыхъ Литовскихъ уцѣлѣли три линіи замковъ: сѣверная—по Деснѣ, Днѣпру и Припети; другая средняя—отъ

устьевъ Десны въ глубь страны къ верховьямъ Роси и Тетерева; третья южная—отъ нижняго Днѣпра чрезъ верхній Бугъ до Днѣстра. Линія по Сулѣ, т. е. на лѣвой сторонѣ Днѣпра, была совершенно оставлена. На первой изъ упомянутыхъ находились замки: Любечъ, Мозырь, Овручъ; на второй: Остеръ, Кіевъ и Житомиръ; на третьей: Каневъ, Черкассы, Звенигородъ, Винница и Браславль (линія заканчивалась въ Польскомъ Подольѣ Баромъ и Каменцемъ).

Вотъ все, чтó уцѣлѣло изъ прежнихъ укрѣпленій древне-Кіевского и древне-Литовскаго періода. Но и указанные линіи въ XVI в. уже были прорваны во многихъ мѣстахъ широкими брешами; такъ въ средней линіи прежніе города—Бѣлгородъ, Василевъ, Котельня, Гуляльники, Раставица существуютъ или въ видѣ пустыхъ городищъ, т. е. остатковъ насыпей, по которымъ люди XVI в. удивлялись ихъ прежней величинѣ и значительности, или въ видѣ селищъ, или наконецъ въ видѣ открытыхъ селъ ¹⁾).

На третьей линіи, какъ сказано, вовсе нѣтъ укрѣпленій по Сулѣ; а на правомъ берегу Днѣпра уже нѣтъ Звенигорода, о чемъ съ такимъ сожалѣніемъ говорятъ жители Браслава люстраторамъ 1545 года, указывая, что чрезъ такой прорывъ прекращается непосредственное сообщеніе при-Бужскихъ замковъ съ Черкасами и Каневомъ, и что возстановить Звенигородскій замокъ совершенно необходимо. Но и уцѣлѣвшіе замки содержались довольно небрежно.

Общій типъ замка представлялъ зданіе весьма немудрой и необширной постройки; онъ состоялъ изъ стѣнъ дубовыхъ или сосновыхъ, раздѣленныхъ на участки или городни, въ разныхъ городахъ различной высоты и не одинаковой длины (до 4 сажень, какъ въ Кіевскомъ замкѣ). Стѣны обмазывались снаружи глиною; иногда замокъ строился въ двѣ стѣны, между которыми набивалась глина. Углы замка состояли изъ „вежъ“, т. е. башенъ, число которыхъ соразмѣрялось съ обширностію замка (5, 6, въ Кіевѣ даже 15). Башни были 6-ти-угольными и 4-хъ-угольными. „Стрѣльба“

¹⁾ Арх. Ю. Р. Ч. VII, т. I. № XVII.

въ нихъ (т. е. амбразуры) устраивалась въ три линіи: внизу, въ серединѣ и вверху башни. Вообще замокъ представлялъ разширенный типъ жилого двора.

Внутри замка находились помѣщенія для храненія оружія и пороха (шпихлеры); около стѣнъ пристраивались два-три жилища (свѣтлицы и коморы) для постоянныхъ служилыхъ людей; затѣмъ церкви—одна или нѣсколько (въ Кіевѣ 4), погреба для имущества сбѣжавшихся въ осаду, а въ большихъ замкахъ даже нѣсколько домовъ для служилыхъ людей и особо важныхъ лицъ повѣта (въ Кіевѣ 4 дома). Необходимою принадлежностью внутренности замка былъ колодезь, ибо осажденные могли рассчитывать только на воду внутри укрѣпленія; но во многихъ замкахъ не могли добраться до почвенной воды и колодезей или вовсе не было, или они не давали достаточно воды. Существенною принадлежностью замка составляетъ подъѣздной подъемный мостъ, ведущій черезъ ровъ къ воротамъ замка.

Вооруженіе замка состояло изъ орудій („дѣлъ“), гаковницъ, кіевъ желѣзныхъ, „изъ которыхъ стрѣляютъ“, и пуль къ нимъ. Въ каждомъ замкѣ сохранялся запасъ желѣза, свинцу, селитры, сѣры, камня и бревенъ (для удара по взлѣзающему непріятелю). Въ „свирнѣ“ хранился провіантъ, т. е. правильнѣе долженъ бы храниться. Но и въ самомъ исправнѣйшемъ, т. е. Кіевскомъ замкѣ ревизоры 1552 г. нашли сваленную громаду „мяса свиного, сгнившего, что и собаки не ѣдятъ“.

Новая постройка замка должна была совершаться на правительственныя средства, а поправка на средства мѣстнаго староства и всего окрестнаго населенія. Но центральное правительство лишь изрѣдка заботилось объ этомъ серьезно.

Наибольшее вниманіе было обращено на *Кіевскій замокъ*; послѣ разрушенія его Менгли-Гиреемъ въ 1482 г. Казимиръ IV прислалъ сюда Богдана Андреевича, бывшаго воеводу Троцкаго съ 40 тысячнымъ войскомъ. Тогда начато было возстановленіе замка посредствомъ наряда рабочихъ изъ Полѣсскихъ волостей

поднѣпровскихъ и задесенскихъ, откуда было пригнано 20 тысячъ топоровъ. Окончаніе работъ совершено при воеводѣ Юріѣ Путятичѣ, подѣ надзоромъ Богдана Шепелевича, который „Кіевъ выше поднялъ, хорошо застроилъ и на мѣрѣ его поставилъ“. Новопостроенный зѣмокъ успѣлъ сгнить въ 1-й половинѣ XVI в., когда вообще украинныя мѣста оставались въ небреженіи. „Есть (говорить Михалонъ) знаменитый городъ и крѣпость Кіевъ, который, впрочемъ, пренебрегается, какъ и другіе“.—При воеводѣ князѣ Пронскомъ въ 1541 г. опять приступлено было къ его перестройкѣ и опять посредствомъ натуральныхъ работъ при-днѣпровскихъ (Бѣлорусскихъ) волостей, что возбуждало въ тамошнихъ жителяхъ ропотъ и непослушаніе; жители Свислоцкой волости, сгоняемые на работу, явились въ Кіевъ только въ половинномъ числѣ (35 вмѣсто 60), и не пригнали по Днѣпру требуемыхъ матеріаловъ: и самъ державца Свислоцкій не явился съ ними. Прибывшіе, срубивъ 15 городень, разбѣжались и оставили невыстроенными остальные 23. Потомъ зѣмокъ кое-какъ оконченъ и предсталъ предъ люстраторами въ половинѣ XVI в. новенькимъ и довольно исправнымъ (см. „Słown. geogr. kroł. Polsk.“, слово Kiów). Тѣмъ не менѣе уже люстрація 1552 г. отмѣчаетъ, при описаніи этого зѣмка, нѣсколько существенныхъ неисправностей.

Житомирскій зѣмокъ пришелъ въ совершенный упадокъ съ того времени, когда „Менгли-Гирей царь взялъ городъ и опустошилъ при Казимирѣ королѣ“¹⁾. Но при великомъ князѣ Александрѣ зѣмокъ, повидимому, былъ, уже въ довольно исправномъ состояніи: въ немъ были уже тогда такія большія пушки, что „ребята малые, влезая въ нихъ, играли тамъ въ бабки“²⁾. Великій князь Александръ, отправляясь съ войскомъ къ Браславу, повѣсилъ на башнѣ огромный колоколъ ратный, выше роста человеческого; очевидно никакихъ другихъ, болѣе существенныхъ улуч-

¹⁾ Арх. Ю. Р. ч. VII, т. I. стр. 135.

²⁾ Ibid.

шеній замокъ не требовалъ тогда. При Сигизмундѣ I, во время управленія Житомиромъ старосты Дмитрія Александровича Кмиты, замокъ сгорѣлъ отъ случайной причины; оставшееся имущество, именно металлъ отъ колоколовъ и пушекъ, иконы и прочее разобрали сосѣдніе владѣльцы; болѣе всѣхъ воспользовался князь Константинъ Острожскій, забравши уцѣлѣвшія вещи въ свой Полонскій замокъ: всего онъ отвезъ 20 возовъ вещей изъ Житомира. Возстановленіе замка начато бискупомъ Познанскимъ Янушемъ и княземъ Пронскимъ. При старостѣ князь Богущъ Ѳеодоровичъ Корецкомъ въ 1544—45 году новая отстройка замка была окончена; она произведена на счетъ государственной казны; распоряженіе постройкою было поручено пану Семену Бабинскому.

Такимъ образомъ замокъ, вновь отстроенный предъ самой люстраціей 1545 года, однако найденъ люстраторами въ состояніи весьма неудовлетворительномъ: крыши на башняхъ дырavyя; вездѣ протекаетъ дождь; „покрытіе на всѣхъ обланкахъ весьма худо, только по одному гвоздю прибито въ доскѣ и еще году нѣтъ..., а дыры есть и на многихъ мѣстахъ каплетъ“. Пушекъ на башни уставить нельзя, а обращаться съ ними пушкарямъ крайне неудобно. „Глины положено мало; всей глины едва будетъ на ладонь“. При добываніи ея вся замковая гора попорчена въ трехъ мѣстахъ глубокими ямами, гдѣ можетъ скрыться нѣсколько человекъ и оттуда штурмовать замокъ. Объемъ замка умаленъ такъ, что между отвесомъ горы и стѣною замка оставлено свободное пространство, которымъ можетъ воспользоваться непріятель, а когда осажденные, станутъ обороняться камнями и колодками, то „это все останется тутъ-же подъ стѣною и не можетъ скатиться съ горы“.

На башняхъ и обланкахъ нѣтъ никакихъ матеріаловъ для обороны, ни камня, ни кола, ни колодокъ; „такъ просто замокъ начерно выстроенъ и брошенъ“. Жители рассказывали люстраторамъ, что часто когда находятъ вѣтеръ, то сдираетъ верхи. Новоотстроенный замокъ остался безъ подъѣзднаго моста, потому что Бабинскій перенесъ воротную башню на другое мѣсто и поставилъ

ее выше; так. обр. приходилось ставить новый мостъ выше прежняго на ростъ человѣка; и его уже нельзя было установить на простыхъ столбахъ, а слѣдовало строить на фундаментѣ; отъ постройки такого моста рѣшительно отказались мѣстные бояре и мѣщане по своему убожеству; тѣ и другіе представили королевскія грамоты, освобождающія ихъ отъ мостовой работы. При постройкѣ замка было рѣшено и мостъ строить на казенный счетъ; и уже были приготовлены столбы для него и договорены рабочіе (за 30 копѣ грошей); но затѣмъ староста кн. Корецкій представилъ вел. князю, что мостъ долженъ быть выстроенъ работою землянъ и мѣщанъ; все, что было уже приготовлено для моста, пропало. Мѣщане дѣйствительно приступили было къ постройкѣ моста и даже совсѣмъ окончили свою половину, но намѣстникъ князя-старосты все сдѣланное ими порубилъ и пожогъ. При люстраторахъ въ 1545 г. нельзя было не только возомъ проѣхать въ замокъ, но и пѣшій долженъ пробираться ползкомъ; „при нашествіи непріятеля окрестные обыватели, не имѣя возможности пробраться въ замокъ, должны будутъ со своимъ имуществомъ утекать до лѣсу“. Воды въ замкѣ нѣтъ; правда, подъ замкомъ есть рѣчка Каменка, но спускъ къ ней съ высокой горы весьма труденъ и небезопасенъ отъ непріятеля; строитель-бискупъ провелъ было въ замокъ воду изъ рѣчки Рудавки, но для этого ровъ около замка отъ города очень малъ.—Провіанту въ замкѣ нѣтъ ни зерна; мѣщане отозвались, что у нихъ у самихъ ничего нѣтъ; они сами ѣздятъ покупать продукты на Волинь и на Подолье, за что съ нихъ берутъ мыта непомѣрныя; староста также заявилъ, что ему не только не съ чѣмъ запереться въ замкѣ отъ непріятеля, но нечего ѣсть и въ мирное время. Доходовъ у замка никакихъ, кромѣ двухъ мельницъ: на Тетеревѣ и на Каменицѣ. Мѣщане ничего не даютъ на замокъ, кромѣ того что сѣно косить одинъ день въ году.—Вооруженіе замка состояло въ 1545 году изъ одной небольшой пушечки, которая стояла на башнѣ, двухъ сарпатинъ желѣзныхъ некованныхъ, которые стояли на землѣ, и 3-го, который хранился въ за-

пасѣ, 27 гаковницъ, годныхъ къ стрѣльбѣ, и 11 гаковницъ обгорѣлыхъ негодныхъ, изъ старосвѣтскаго кія, негоднаго для стрѣльбы и 17 ручницъ обгорѣлыхъ и непоправленныхъ. Пороху всего въ-сомъ около 3 камней, а ручного пороху нѣтъ ни зерна, между тѣмъ какъ въ немъ-то была особенная надобность, потому что всѣ земляне и мѣщане имѣютъ свои ручницы и хорошо умѣютъ стрѣлять, а пороху не имѣютъ. Олова нѣтъ ни куска. Пушкаръ одинъ, да и тотъ отказывается служить за такое жалованье, какое онъ получалъ (6 копъ гр.). Замокъ слишкомъ великъ для такого малаго числа людей, которые его окружаютъ, и которые не могутъ его оборонить въ часъ осады.

Въ 1552 году замокъ предсталъ предъ новыми люстраторами далеко не въ лучшемъ и не въ исправнѣйшемъ видѣ: около замка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, „дыры подъ стѣною, такъ что кошки или даже пѣсь подъ стѣну можетъ пролѣзть“; кое-гдѣ глина поотпадала на пядь, а въ другихъ мѣстахъ и на двѣ пяди отъ земли. По прежнему не было въ замкѣ ни воды, ни колодезя. Единственная пушечка пришла въ окончательную негодность: въ ней двѣ дыры. Только новый вѣздной мостъ, построенный на государственныи счетъ, составляетъ замѣтное улучшеніе.

Замокъ Браславскій, сожженный воеводою Волопскимъ (по другимъ свѣдѣніямъ самими мѣстными жителями), былъ вновь укрѣпленъ великимъ княземъ Александромъ, въ 1497 году, при личномъ присутствіи его, когда онъ пріѣзжалъ сюда со всею землею Литовскою, отправляясь въ походъ по тайному договору со своимъ братомъ королемъ Польскимъ. Съ тѣхъ поръ онъ стоялъ безъ исправленій около 50 лѣтъ, когда, наконецъ, при управленіи князя Ильи Константиновича Острожскаго, вел. князь (Сигизмундъ I) приказалъ вновь перестроить замокъ на свой счетъ, выдавши для того 700 копъ грошей изъ государственнаго казначейства. Староста, получивши эти деньги, построилъ двѣ части замка своими людьми, а третью часть принудилъ дѣлать насильственно мѣстныхъ землянъ и мѣщанъ. Укрѣпленіе въ 1545 году состояло изъ 26

деревянныхъ городень и 6 башень (изъ нихъ 11 городень, и двѣ башни построены землянами и мѣщанами „за мученіемъ князя Ильи“). Работу князя Ильи додѣлывалъ князь Пронскій. Результаты такого строительства были печальны. Башни лишены помостовъ, городни дверей, кое-гдѣ недостаетъ крыши, такъ что „дождь протекаетъ и зданіе гніетъ“. Замокъ не имѣлъ ни сторожей, ни кликуновъ, ибо издавна сторожовщина шла съ нѣкоторыхъ селъ, которые запустѣли; подстароста нанималъ только двухъ слугъ, которые смотрѣли за воротами. Воды въ замкѣ нѣтъ; стали копать колодезь, да не докопались. Нуженъ былъ мостъ черезъ рѣку Пуцовку, ибо мѣщанамъ, которые живутъ за Пуцовкою, пѣшимъ трудно взобраться на замковую гору, а возомъ и конемъ взѣхать совсѣмъ нельзя.—Замокъ былъ очень малъ по количеству жителей; не только половина ихъ, но и 3-я часть не могла помѣститься въ немъ со своимъ имуществомъ въ случаѣ нападенія. Староста предлагалъ для расширенія замка замѣнить деревянные городни плетневыми; лишь бы потолще ихъ обмазать глиною: „тогда досыть твердости будетъ“... Замокъ былъ вооруженъ двумя пушками большими, четырьмя полевыми и 28 гаковницами; нѣкоторыя пушки дыравы; колеса у нихъ плохи и шины пораспадались; ручницъ нѣтъ ни одной, а только кѣи старосвѣтскіе. „Провіанту нѣтъ ни зерна, и никто не знаетъ, откуда его достать“.

Такое состояніе замка и было причиною взятія его Девлетъ-Гиреемъ въ 1551 году: колодезя въ замкѣ не было и тогда; „безводье“ принудило къ сдачѣ немногочисленныхъ защитниковъ замка; оружіе было забрано ханомъ, а самый замокъ и городъ сожжены, такъ что люстраторамъ 1552 года нечего было описывать въ немъ¹⁾. Впрочемъ, въ томъ же 1552 году Сигизмундъ Августъ исправилъ замокъ и снабдилъ его сильнымъ гарнизономъ²⁾.

Замокъ Вьница на рѣкѣ Бугѣ, вновь построенный въ 1512 г., окруженъ былъ, по обычаю, деревянною стѣною, состоящею изъ

¹⁾ См. № VII.

²⁾ Słown geogr. król. Polsk. I, 363.

30 городень и 3 башень (въ 1552 году ихъ было уже 5). О состояніи замка въ 1545 году ревизоръ отзывается такъ: „Я радъ бы описать, какая городня хороша, и какая худа, и что слѣдуетъ исправить, но и во всемъ замѣѣ нечего похвалить: онъ весь опалъ и погнилъ, обмазка вся поопала; всходовъ и дверей нѣтъ. Къ тому же онъ очень малъ и сдѣланъ изъ тонкаго дерева. Не только людямъ во время прихода непріятеля негдѣ запереться, но и скотъ страшно запереть; я (говоритъ ревизоръ) съ начала жизни не видывалъ такого простаго и слабаго замка украиннаго“.

Ревизоръ усмотрѣлъ другое, гораздо удобнѣйшее, мѣсто для новаго замка, недалеко отъ стараго; тамъ рѣка Бугъ образуетъ луку, обтекаемую почти со всѣхъ сторонъ рѣкою; но земляне и мѣщане заявили, что не въ состояніи строить вновь или перестраивать замокъ; „што можемъ людьми своими уробити, того ся не одмовляемъ, а на прибавленіе того замку и твердѣйшую а мощнѣйшую роботу не будетъ ли ласки и помощи господарскіе“. Въ 1558 г. новый замокъ былъ, дѣйствительно, построенъ и мѣщанамъ приказано было переселяться къ нему ¹⁾.

Въ 1545 г. городъ былъ вооруженъ двумя пушками небольшими литыми. Изъ одной можно стрѣлять, хотя у ней конецъ оторвался и заправленъ желѣзомъ; она стоитъ на мосту; а другая пушка на башнѣ; изъ нея не безопасно стрѣлять. Кромѣ пушекъ есть 26 желѣзныхъ гаковницъ. Къ этимъ орудіямъ пулъ каменныхъ, облитыхъ желѣзомъ, было 19, а для гаковницъ 40. Что касается до провіанта въ крѣпости, то староста заявилъ люстраторамъ 1545 года, что не задолго передъ тѣмъ онъ привезъ изъ своихъ имѣній нѣсколько десятковъ возовъ живности, муки, гороху, крупы, мяса и пшена, а болѣе не знаетъ—откуда взять; нѣтъ при замкѣ ни пашни, ни огородовъ; есть двѣ мельницы, но онѣ „когда великая вода,—не мелютъ; а когда вода высохнетъ, тогда опять молотъ не могутъ“. Земляне заявили ревизору, что „когда насту-

¹⁾ А. Ю. и З. Р. II, № 132.

питъ опасность, то каждый для себя привезетъ провизію въ замокъ, а теперь, когда нѣтъ надобности, то никто ничего не держитъ“.

Замокъ Каневскій былъ вновь отстроенъ при Евст. Дашкевичѣ „добродержавцами“, т. е. жителями Полѣскихъ при-днѣпровскихъ волостей, въ 1535 году. Однако черезъ 17 лѣтъ, т. е. къ 1552 г. онъ пришелъ уже въ ветхость: дерево погнило и поопало; по бланкамъ нельзя ходить; „что не попадало, то отъ вѣтру колышется“. Изъ волостей при-днѣпровскихъ было пригнано сверху Днѣпра дерево на исправленіе замка, но оно покидано на берегу недалеко отъ воды; часть его уже снесла внешняя вода; остальная часть погнила отъ воды, а остальное разобрано жителями и сожжено. Староста отозвался, что онъ не имѣетъ средствъ прибрать это дерево. Около замка гора, съ которой легко непріятелю обстрѣливать его внутренность; на этой горѣ валы; то было „стародавнее городище“, въ 1552 г. уже покинутое и не защищаемое.

Наконецъ Черкасскій замокъ, наиболѣе важный по своему боевому положенію внутри степей, въ XV в. содержался съ большею исправностію; по крайней мѣрѣ въ эпоху повсемѣстнаго опустошенія Украины Менгли-Гиреемъ въ 1482 году, онъ не только уцѣлѣлъ, но Черкашине, подъ предводительствомъ Матвѣя Кмиты, разбили татаръ. Замокъ поддерживался и въ началѣ XVI в. при Ев. Дашкевичѣ, который „исправилъ Черкасскій замокъ, приспособилъ его къ долговременной оборонѣ, установилъ конную стражу, которая производила разѣзды въ степяхъ“¹⁾. Но при преемникахъ Дашкевича и этотъ замокъ подвергся одинаковой участи съ прочими украинскими замками. Около 1549 г. пришлось перестраивать его вновь обыкновеннымъ способомъ обязательнаго труда „добродеревцевъ“, т. е. жителей верхнихъ поднѣпровскихъ волостей, подъ руководствомъ Могилевскаго державцы Федора Баки. Однако поправка оказалась далеко не вполне удовлетворительною: двѣ

¹⁾ Słown. geogr. Król. Polsk. I, str. 804.

городни не накрыты; все зданіе зѣмка понижено, такъ что челобѣкъ, стоящій на землѣ, можетъ палкою достать до бланкованья. Мостъ передъ зѣмкомъ утлый, наклонился и долженъ быть перенесенъ на другую сторону. Гора подъ зѣмкомъ начала обваливаться; съ другой стороны — отъ степей ровное мѣсто, незащищенное ровомъ.—Ревизоры 1552 г. нашли, что староста на свои личныя потребности забралъ значительную часть свинцу, селитры и сѣры. Равн. обр. онъ забралъ все хранившееся въ зѣмкѣ жито частію въ свою пользу, частію роздалъ въ долгъ. Въ люстраціи все это отмѣчается какъ дѣло обыкновенное и только возлагается обязанность на старосту вернуть взятая вещи какъ можно скорѣе.

При такомъ состояніи дѣла укрѣпленія границъ въ Литовскомъ государствѣ, неудивительно, что Московское правительство сочло необходимымъ вмѣшаться въ него, ради собственной защиты отъ общаго врага. Но это, разумѣется, возбудило лишь соперничество въ Литовскомъ правительствѣ. Въ 1556 году князь Дмитрій Вишневецкій, отъ имени Московскаго правительства, основалъ укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ. Вслѣдъ затѣмъ знаменитый князь — козакъ вошелъ въ сношеніе и съ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, обѣщая держать этотъ зѣмокъ отъ его руки, лишь бы ему скорѣе прислали военную помощь людьми и оружіемъ. Король призналъ важность этого зѣмка въ порогахъ, впрочемъ лишь для того, „чтобы усмирить вредныхъ лихихъ людей и успокоить государство“, то-есть не для защиты отъ татаръ, а отъ своихъ же козаковъ. Однако, ни людей, ни оружія въ помощь Вишневецкому дано не было, и его зѣмокъ былъ взятъ татарами. Непостоянный князь авантюристъ, вѣроятно раздраженный этимъ, захватилъ было Черкасы и Каневъ на имя Московскаго царя, но возвратилъ по приказанію Московскаго правительства. Изъ письма короля Сигизмунда-Августа къ Вишневецкому узнаемъ „объ умыслѣ великаго князя Московскаго строить города на нашемъ (Литовскомъ) грунтѣ“¹⁾. Мысль эта не была оставлена и въ 1559 году, когда король

¹⁾ Ак. Юж. и Зап. Рос., II, № 130.

письмомъ изъ Кракова спѣшилъ увѣдомить свою Виленскую Раду, что, по извѣстіямъ изъ Кіева, великій князь Московскій собирается строить замокъ на урочищѣ Монастырищахъ между Черкасами и островомъ Хортицею. Подтвержденія этихъ слуховъ приходили и непосредственно изъ Москвы отъ бывшихъ тамъ Литовскихъ пословъ. Король требуетъ отъ пановъ совѣта, что дѣлать, если Московскій царь дѣйствительно приступитъ къ постройкѣ замка „на нашемъ грунтѣ“ ¹⁾).

Такъ уже въ половинѣ XVI вѣка Московское правительство стремилось взять въ свои руки дѣло защиты и заселенія Днѣпровскихъ пустынь. Какъ извѣстно, борьба за Ливонію, а потомъ смутное время надолго оставили эту мысль безъ исполненія.

Обращаемся къ Польскому Подолью. Здѣсь люстраторы не оставили намъ свѣдѣній о состояніи тамошнихъ замковъ. Извѣстно, что государственныхъ укрѣпленій было въ тѣхъ мѣстахъ немного, именно: Каменецъ, Баръ и Хмельникъ. *Каменецъ* былъ для цѣлой Польши первокласною крѣпостью, и единственнымъ каменнымъ укрѣпленіемъ во всей южно-русской Украинѣ. Но для надлежащей оцѣнки участія въ этомъ дѣлѣ польскаго правительства, надо припомнить то, что было сказано нами о первоначальномъ основаніи этого города Коріатовичами; равнымъ образомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что Польша заботливо поддерживала укрѣпленія этого города не ради защиты южной Украины отъ татаръ и турокъ, но преимущественно для предупрежденія попытокъ Литвы возвратить себѣ Каменецъ. Равнымъ образомъ и колонизація этой части Украины совершалась подъ явнымъ вліяніемъ политической тенденціи. Намъ нѣтъ нужды говорить здѣсь о Каменцѣ и его укрѣпленіи, какъ предметѣ довольно извѣстномъ.

Что касается до *Бара*, то начало его подъ этимъ именемъ относится лишь къ 1537 году. Нѣкогда на томъ же мѣстѣ былъ

¹⁾ Ак. Юж. и Зап. Рос. II, № 134.

замокъ *Ровъ*, который былъ сожженъ татарами въ 1452 году, причемъ мѣстный староста Сбигнѣвъ Рей и множество жителей взяты въ плѣнъ. Опустѣвшая мѣстность, носившая по старой памяти тоже имя Ровъ, была отдана въ „заставу“ (залогъ) и подвергалась безнаказанно новымъ опустошеніямъ татаръ, пока наконецъ въ 1537 году не была выкуплена изъ залога королемъ Сигизмундомъ и подарена женѣ его Бонѣ Сфорца. Она „воздвигла здѣсь замокъ и городъ, укрѣпила его, по обычаю той страны, деревянными стѣнами, и дала ему имя по названію своего отечественнаго (итальянскаго) города Бара“; такъ гласила надпись на доскѣ, вложенной въ стѣну; надпись прибавляетъ, что королева „наполнила жителями страну опустошенную и совершенно пустынную“. Дѣйствительно, Бона привела свое любимое владѣніе, свою вторую Италію, въ возможный порядокъ, ири помощи четырехъ щедрыхъ привилегій (1538—40 г.), данныхъ ея супругомъ-королемъ Сигизмундомъ. Но щедрость короля и королевы были не равны для всѣхъ новыхъ поселенцевъ Бара: заводя настоящій Баръ—центральный, названный потомъ Польскимъ, король даетъ поселенцамъ свободу отъ всякихъ податей на 15 лѣтъ, даетъ имъ магдебургское право, три ярмарки и ежегодныя торги, право собирать мостовщину, выкопать прудъ и завести село и т. д. Въ этотъ главный Баръ были призваны польскіе поселенцы. Впрочемъ, едвали бы и эти привилегіи привлекли сюда колонистовъ изъ Польши, если-бы не было слѣдующихъ фактовъ: Бона на свой счетъ наняла нѣсколько сотъ пѣшихъ и конныхъ жолнеровъ и столько-же работниковъ. Этотъ наемный людъ, конечно, составилъ зерно будущаго польскаго поселенія центрального Бара.—Когда потомъ рядомъ заводили другой русскій Баръ, то дана была новая привилегія, но гораздо менѣе щедрая, а именно: жители стараго Рова, бѣжавшіе отъ татаръ и скрывшіеся въ сосѣднія села Іолтушковъ и Зинковъ, но желающіе возвратиться на старое мѣсто въ городъ, освобождаются отъ податей только на 6 лѣтъ, а прочіе новые поселенцы изъ русскихъ, армянъ и жидовъ — на 12 лѣтъ. Такія же умаленныя привилегіи даны

были и третьему Бару, такъ называемому Горнему, или Черемисскому ¹⁾).

Что касается до замка, построеннаго Боною, то онъ, очевидно, не отличался особою прочностью, потому что успѣлъ сгнить въ теченіи 28 лѣтъ. Въ 1565 г. воздвигался новый замокъ въ Барѣ при помощи обязательнаго труда крестьянъ, изъ селъ принадлежащихъ старосту. Такой тяжкій трудъ заставилъ разбѣжаться значительную часть крестьянъ этихъ селъ въ сосѣднія страны: „ideo (говорить поборца 1565 г.) aratra de prefatis villis minuantur—eo, quod nova arx Barenis extrugitur (sic) et homines ob magnam oppressionem fugantur“ ²⁾).

Замокъ *Хмельникъ*, сыгравшій видную историческую роль при Предславѣ Ляндскоронскомъ, но затѣмъ пришедшій въ упадокъ, былъ исправленъ въ 1534 г. при Янѣ Тарновскомъ, который и „мѣсто“ (городъ) окружилъ валомъ.

Вотъ все, что сдѣлано было правительствами двухъ государствъ по части укрѣпленія своихъ южныхъ степныхъ границъ. Изъ представленнаго очерка и единогласнаго свидѣтельства современниковъ видно, что дѣятельность польско-литовскихъ властей въ этомъ отношеніи была весьма недостаточна.

Для управленія замками и для защиты ихъ и окрестнаго населенія правительство должно было имѣть въ нихъ и содержать *служилыхъ лицъ*, а слѣдов. непосредственно участвовать въ увеличеніи населенія края.—Какъ въ древнюю (Рюриковскую) эпоху безопасность и заселеніе страны поддерживались отчасти князьями и ихъ посадниками, которые являлись съ своими дружинами, такъ теперь древнія дружины должны были замѣняться тѣми служилыми лицами, которыхъ помѣщало государство въ мѣстныхъ замкахъ. Однако, размѣры и польза этихъ однородныхъ явленій въ двѣ различныя эпохи совершенно неодинаковы. Государство, со времени

¹⁾ Staroż. Polska, Baliń. i Lipinsk. T. II, str. 1033—1035.

²⁾ Źródła Dziejów, XIX, стр. 197.

уничтоженія удѣловъ, сосредоточиваетъ всѣ свои силы въ центрѣ и удѣляетъ очень мало вниманія окраинамъ.

Въ украинскихъ замкахъ XVI в. служилыя лица раздѣляются на пришлыхъ людей и мѣстныхъ слугъ (изъ постоянныхъ жителей повѣта).

Къ числу первыхъ принадлежатъ: а) старосты, ихъ замѣстители и ихъ личные слуги; б) пушкарѣ и войска на жалованьѣ, временно пребывающіе въ томъ или въ другомъ замкѣ (жолнеры и драбы).

Что касается до *старостъ*, то эта должность жалуема была заслуженнымъ лицамъ въ видѣ награды. Сначала они именовались намѣстниками, затѣмъ повсемѣстно старостами. Лишь въ Кіевѣ обязанности мѣстнаго старосты принадлежали воеводѣ. Въ большихъ замкахъ, кромѣ старосты и его намѣстника, были *городничіе* завѣдывавшіе ремонтомъ и охраненіемъ замка. Все это были кормленщики, и выборъ ихъ сообразовался не всегда съ военными качествами украиннаго коменданта, а часто съ прежними заслугами—дѣйствительными или мнимыми.

Это та же система кормленія, какую мы одновременно встречаемъ и въ Московскомъ государствѣ; но форма ея здѣсь гораздо отяготительнѣе для населенія, чѣмъ въ Москвѣ; здѣсь она вполне приближается къ частному, хозяйственному пользованію повѣтомъ и его жителями. Отсюда понятно, что иногда старосты не только не были собирателями населенія, колонизаторами, но были причиною запустѣнія повѣтовъ: жители заявляли, что разбѣгутся всѣ врозь отъ притѣсненій старосты.

Доходы, ради которыхъ выпрашивалось кормленіе, могутъ быть раздѣлены на экономическіе, судебные и административные. Первые состояли въ пользованіи замковыми государственными имѣніями частію на нужды замка, частью въ личную пользу, въ полученіи извѣстной доли отъ промысловъ населенія, каковыми были мельницы, а въ Черкасахъ и Каневѣ преимущественно такъ на-

зываемые „уходы.“ Здѣсь, въ особенности, возможны были злоупотребленія: Каневскіе и Черкасскіе старосты большую часть уходовъ отняли въ свою пользу и начали сдавать имъ чужегороднымъ промышленникамъ. — Къ промысламъ приравнивается всякая случайная добыча, полученная кѣмъ либо изъ мѣстныхъ жителей; такъ чужегородецъ, вернувшійся изъ татарскаго плѣна въ Черкасы на конѣ, котораго онъ конечно стащилъ въ ордѣ, обязанъ отдать этого коня старостѣ, за что этотъ послѣдній долженъ одѣть и обути бѣглеца. Изъ добычи, полученной черкашениномъ у татаръ (коней, сбруи или „языковъ“, то есть плѣнниковъ), лучшая вещь поступаетъ въ пользу старосты. Пригнавшій изъ степи заблудившихся коней, даетъ старостѣ по 12 грошей отъ каждого коня, самъ же получаетъ съ хозяина коней по 30 грошей. Второй разрядъ экономическихъ доходовъ старосты составляютъ пошлыны: „мытъ, об(в)ѣстка“, помѣрное и „караванъ.“ Первые берутся отъ каждого торговца, пріѣзжающаго въ Черкасы для продажи товара; помѣрное берется съ продажи хлѣба внутри города (между мѣстными жителями); караванъ есть таксированные подарки отъ мимоидущихъ каравановъ въ орду и изъ орды. Это такъ сказать транзитная пошлина. Третій видъ экономическихъ доходовъ старосты есть исключительное право на извѣстные промыслы, а именно: корчмы и право охоты („ловы“) въ извѣстныхъ мѣстахъ и въ извѣстное время съ помощію отъ населенія.

Доходы судебные состоятъ въ „пересудахъ“, то есть пошлынахъ отъ каждого судебного дѣла и „з мирской куницы“, то есть пошлыны отъ дѣлъ, по которымъ послѣдовало примиреніе до суда.

Изъ административныхъ доходовъ отмѣчаются свадебныя „куницы“, при выходѣ замужъ дѣвицы или вдовы. Въ украинскихъ повѣтахъ Польскаго Подолья сюда относятся пошлыны отъ невѣнчанныхъ браковъ и „безбожныя разводы“, то есть пошлыны отъ добровольнаго прекращенія брачнаго сожителства. Тѣ и другія уже встрѣчали порицаніе отъ люстраторовъ XVI в. Къ тому же разряду относится и „повежное:“ староста получаетъ повежнаго

12 грошей отъ каждаго, заключаемаго имъ въ тюрьму „хотя бы и невинно.“

Есть нѣсколько разрядовъ другихъ доходовъ, которые не упоминаются въ люстраціяхъ, но наиболѣе важны и отяготительны, напримѣръ — полученіе старостою наслѣдства отъ каждаго умершаго, хотя бы и остались наслѣдники.

Управленіе литовскихъ украинныхъ замковъ, обыкновенно, вручалось магнатамъ Волынской, отчасти Кіевской земли, которые лишь въ рѣдкихъ случаяхъ жили въ управляемомъ замкѣ, а обыкновенно они замѣняли себя *намістниками* или *подстаростами* изъ своихъ личныхъ слугъ; так. обр., государственный характеръ управленія уже совершенно утрачивался.

Кромѣ Волынскихъ князей и пановъ, въ украинскіе, особенно Днѣпровскіе, замки нерѣдко назначаемы были выходцы изъ Москвы; таковы: кн. Пронскій въ Кіевѣ, другой кн. Пронскій — въ Черкасахъ, кн. Путивльскій — въ Каневѣ. Старосты этого втораго разряда были полезнѣе первыхъ; принадлежа, подобно первымъ, къ одной вѣрѣ и національности съ управляемымъ населеніемъ, они не имѣли, какъ тѣ, никакихъ стороннихъ личныхъ интересовъ въ новомъ отечествѣ, помимо ножадованнаго имъ замка.

Совсѣмъ другія послѣдствія являлись тогда, когда въ XVI в. ополяченные Ягеллоны начали назначать въ украинные замки поляковъ, литвиновъ-католиковъ и выходцевъ изъ западно-европейскихъ странъ. Такъ въ 1552 г. Черкасами и Каневомъ управлялъ нѣкто Хрщоновичъ; ранѣе того Черкасскимъ старостою былъ Янъ Пенько. Кіевляне, по уничтоженіи Кіевского княжества, получили намістника въ лицѣ ополяченнаго литвина и возмущились особенно тѣмъ, „яко ляхъ бѣ.“ Дѣлами Житомир. замка одно время управлялъ бискупъ Познанскій. Нечего и говорить о старостахъ въ замкахъ польскаго Подолья; всѣ они почти безъ исключенія были поляки и католики. Совершенно чуждые мѣстному населенію, они приводили съ собою въ южно-русскіе замки своихъ земляковъ и

так. обр. были первыми проводниками чужероднаго населенія въ русской окраинѣ.

Старосты управляли не всегда каждый однимъ замкомъ; часто по два и болѣе замковъ одновременно поручались одному лицу, что дѣлало рѣшительно невозможнымъ дѣйствительное личное управленіе ими; правители довольствовались полученіемъ дохода съ нихъ, проживая въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ. Обыкновенно соединялись для управленія Браславъ и Винница, Черкасы и Каневъ.

Продолжительность управленія старостъ сообразовалась не съ достоинствомъ ихъ управленія на мѣстѣ, а съ личностью старосты: его родовитостью, значеніемъ и богатствомъ. Вообще въ этомъ отношеніи дѣйствовали двѣ противоположныя системы: безсрочность (или пожизненность) владѣнія и крайняя краткосрочность его; обѣ системы, одинаково вредныя для интересовъ защиты и заселенія украинъ. При первой жители отдавались въ безконтрольную власть „владѣльца,“ при второй правитель не успѣвалъ сдѣлать ничего прочнаго для края. Важнѣйшіе замки украинъ, поступавшіе въ безсрочное владѣніе магнатовъ могли быть передаваемы владѣльцами въ пользу третьихъ лицъ по частнымъ сдѣлкамъ и изъ цѣлей частныхъ; великій князь лишь утверждаетъ эти сдѣлки, какъ утверждаетъ переходъ и частныхъ вотчинъ. Такъ великій князь Александръ пожаловалъ „за службу“ князю Константину Острожскому замки Браславъ, Винницу и Звенигородъ; это было почти установленіемъ новаго удѣла. Потомъ когда князь Острожскій попался въ Московскій плѣнъ, эти замки были розданы „въ держанье“ нѣкоторымъ князьямъ, но при возвращеніи его изъ плѣна, отданы опять королемъ Сигизмундомъ тому же Острожскому; а онъ въ 1517 году переуступилъ ихъ „сестренцу своему“ (племяннику) князю Роману Сангушковичу. Король утверждая эту сдѣлку, прибавилъ: мѣщане города Браслава не могутъ пользоваться магдебургскимъ правомъ; ихъ будетъ судить князь Романъ, какъ было

и при кн. Константинѣ ¹⁾). Вообще Браславскими и Винницкими старостами до Люблвнской уніи были слѣд. лица: князь Константинъ Ивановичъ Острожскій—1491—1529 (съ 1517 г. онъ, какъ упомянуто, передалъ управленіе Роману Сангушко), кн. Илья Константиновичъ Острожскій 1529—1541, князь Семень Глѣбовичъ Пронскій 1541—1542, князь Ѳедоръ Андреевичъ Сангушко 1542—1550, князь Богущъ Ѳедоровичъ Корецкій 1550—1579.

Въ другихъ случаяхъ управленіе старость было весьма кратковременное. Такъ въ Черкасахъ были старостами: въ 1501 г. Мих. Халецкій, въ 1503 Сенко Полозовичъ, въ томъ-же 1503 Евст. Дашкевичъ; затѣмъ, послѣ долговременнаго управленія Евстафія Дашкевича († 1535), быстро (всего на прострaнствѣ 17 лѣтъ) чередуются между собою: Василій Тышкевичъ, Янъ Пенько, князь Андрей Глѣбовичъ Пронскій (1540), Оникѣй Горностай, Іос. Михайловичъ Халецкій, Вас. Петр. Загоровскій, кн. Дмит. Сангушко. Во время люстраціи 1552 Черкасами управлялъ нѣкто Ив. Хрщоновичъ.

Изъ старость, управлявшихъ украинными замками въ концѣ XV и въ 1-й полов. XVI в., не много такихъ, которые оставили замѣтный слѣдъ въ исторіи южно-русскаго населенія. Не говоря о кн. К. И. Острожскомъ, дѣятельность котораго имѣетъ болѣе общегосударственное, чѣмъ мѣстное значеніе, изъ остальныхъ можно отмѣтить лишь три-четыре лица, памятныхъ въ украинскомъ бытописаніи. Это именно тѣ, которые отличались достоинствами, цѣнными для пограничья, т. е. беззавѣтною удалью, неуклонною враждою къ татарамъ, нѣкоторою долею авантюризма и даже хищничества.

Болѣе даровитые изъ нихъ не справлялись съ тогдашними видами политики Виленскаго и Краковскаго правительства, вели борьбу съ татарами на свой счетъ и страхъ, ходили „въ козаки“, т. е. совершали быстрые набѣги по-козацки, и въ послѣдствіи въ

¹⁾ Ак. Юж. и Зап. Рос., т. II, № 104. См. тамъ-же пожалованіе замка Черкасъ кн. Андрею Глѣб. Пронскому, № 150.

народномъ и книжномъ преданіи получили наименованіе (совершенно неправильное) козацкихъ гетмановъ.

Таковъ былъ въ началѣ XVI в. знаменитый герой степей, Черкасскій староста Евстафій Дашкевичъ, который, во время борьбы Литвы съ Москвой, когда каждое изъ этихъ государствъ натравляло татаръ на другое, сталъ на болѣе высокую точку зрѣнія, т. е. видя общую громадную опасность для обоихъ государствъ со стороны магометанскаго міра, не церемонился соединять подъ своимъ предводительствомъ украинныхъ козаковъ обѣихъ враждующихъ странъ, именно Путивльскихъ—Московскихъ и своихъ—Черкасскихъ. Слѣдуя пути, по которому послѣ него шелъ знаменитый князь—козакъ Дмитрій Вишневецкій, Дашкевичъ только такимъ способомъ могъ одерживать побѣды, прославившія его имя; мы уже упоминали о его славномъ участіи въ битвахъ 1527 года. Онъ участвовалъ въ походѣ Ляндскоронскаго подъ Очаковъ и наконецъ въ 1532 году сумѣлъ защитить свой замокъ, когда Саидеть-Гирей осаждалъ его въ теченіи 30 дней, имѣя при своей ордѣ 1500 турецкихъ янычаръ и 50 пушекъ. Важность этого подвига станетъ для насъ изумительною, когда мы припомнимъ, что такое были тогдашніе украинные замки и въ какомъ состояніи они находились. Дашкевичу приписывается, но вполнѣ неосновательно, организація т. н. городскихъ козаковъ въ правильныя ополченія для защиты украины; несомнѣнно, что проектъ о томъ онъ представлялъ королю на сеймѣ; въ самомъ дѣлѣ, онъ не разъ пользовался услугами козаковъ во время своихъ походовъ; но эта служба со стороны козаковъ была добровольная, совпадавшая съ ихъ собственными инстинктами и интересами. Обязательныхъ же служилыхъ людей у старосты было немного; мѣщане годились лишь для обороны, а не для отдаленныхъ предпріятій въ степяхъ. Естественно было Дашкевичу желать обратить козаковъ къ постоянной службѣ государству, построить для нихъ новыя укрѣпленія въ Днѣпровскихъ порогахъ и сдѣлать ихъ осѣдлыми и обязанными служить. Но несомнѣнно также, что ничего подобнаго исполнено

не было, какъ это ясно обнаруживается изъ люстраціи 1552 г.¹⁾. Бродячее населеніе степей продолжало пользоваться даромъ громадными богатствами окрестной страны, не неся никакихъ обязанностей. Въ случаѣ опасности, козаки сами стекались подъ защиту Черкаскаго замка и, въ свою очередь, вмѣстѣ съ мѣщанами, защищали его.

Военныя заслуги Дашкевича не подлежатъ сомнѣнію; но гражданская его заслуга для заселенія обширныхъ пустынь его староства весьма сомнительна. Въ этомъ отношеніи онъ не стоялъ выше другихъ своихъ собратьевъ—старостъ, ведя постоянную борьбу съ городскимъ населеніемъ изъ-за доходовъ, отнимая произвольно отъ городской общины ея имущества и вводя въ свою пользу новыя повинности. Сверхъ того, онъ довольно неумѣренно расходовалъ замковыя имущества, щедро одаряя ими монастыри. Все это не могло привлекать новыхъ поселенцевъ въ столь опасную окраину, куда могли манить людей лишь чрезвычайныя экономическія выгоды. Послѣ смерти Дашкевича Черкасская община (бояре и мѣщане) предъявила королю весьма серьезныя обвиненія на своего знаменитаго старосту²⁾.

Если такой правитель, какъ Дашкевичъ, оказывался плохимъ колонизаторомъ пустынь, то нѣтъ надобности говорить о его ближайшихъ дюжинныхъ преемникахъ: Василіѣ Тышкевичѣ, нѣкоемъ Пенкѣ и слѣдовавшихъ за ними. И Тышкевичъ, и Пенко въ свое краткое управленіе успѣли прославиться только враждою и тяжбою со своимъ собственнымъ городомъ, продолжая захваты общинныхъ имуществъ, начатыя Дашкевичемъ. Потребовалось вмѣшательство короля и кіевскаго воеводы. Лишь одинъ изъ преемниковъ Дашкевича напомнилъ опять лучшія стороны дѣятельности этого послѣдняго; но то былъ уже не типъ кормленщика-правителя, а чистый типъ козака: мы говоримъ о кн. Дмитріѣ Вишневецкомъ.

¹⁾ Арх. Ю. Р., Ч. VII, т. I, стр. 82.

²⁾ См. № XVII.

Изъ старость Польскаго Подолья оставили слѣдъ въ украинской исторіи только Предславъ Ляндскоронскій—староста Хмельницкій, и Бернатъ Претвичъ—староста Барскій. Первый, хотя литвинъ родомъ, но европеецъ по образованію, путешествовавшій по Европѣ и Палестинѣ, тѣмъ не менѣе больше многихъ другихъ украинскихъ старость оказался на мѣстѣ, отличаясь беззавѣтной козацкой удалю; онъ въ 1516 г., въ отмщеніе за набѣгъ Менгли-Гирея, „ходилъ въ козаки“ подъ Бѣлгородъ, захватилъ тамъ турецкія и татарскія стада и разбилъ своихъ преслѣдователей—татаръ у Овидеева острова; за такіе подвиги онъ удостоился чести занесенія въ списокъ мнимыхъ козацкихъ гетмановъ. Претвичъ былъ родомъ „слезакъ“ (силезецъ), т. е. происходилъ изъ тѣхъ западно-европейскихъ авантюристовъ, которымъ давала пріютъ Украина. Въмѣсто благодарности за его дѣйствительные подвиги по защитѣ границъ, польское дворянство преслѣдовало его и настаивало на удаленіи, какъ чужеземца; онъ и дѣйствительно былъ переведенъ (въ 1552 г.) на староство Тереховское.

Какъ бы ни были удовлетворительны въ военномъ отношеніи такіе западные пришлецы, они приносили мало пользы для прочной колонизаціи управляемыхъ ими провинцій. Они ввели за собою своихъ слугъ, б. ч. земляковъ; такъ въ Черкасахъ, въ 1552 г. при старостѣ Хрещоновичѣ, очевидно изъ поляковъ, ревизоры нашли „почотъ служебниковъ старостиныхъ“—50 молодцовъ пріѣзжихъ и тутошнихъ, которые ему съ дѣтства служатъ; такихъ оказалось тогда 11. Этимъ путемъ старосты вводили чужеродные элементы и тѣмъ поселяли въ Украинѣ національный и религіозный разладъ. Въ Житомирѣ, послѣ хозяйничанія бискупа Познанскаго, естественно найти католическую церковь, въ которой впослѣдствіи не оказалось никакой надобности и она была упразднена.

Предыдущимъ изъясняется, почему въ украинскихъ замкахъ между служилыми лицами, подчиненными старостѣ, находимъ много иноземцевъ и иновѣрцевъ; таковы, въ особенности, *пушкари*, изъ числа которыхъ избирались и „зекгармистры“ (часовщики); ихъ

обыкновенно немного: въ самомъ большомъ замкѣ (Кіевскомъ) ихъ пять; изъ нихъ одинъ (Станиславъ Масарчикъ), вѣроятно, чехъ; два поляка (Якубъ и Валентый), 4-й Павелъ Немецъ (нѣмецъ) и лишь одинъ—Павелъ Русинъ. Въ Каневѣ былъ только одинъ Семенъ Нѣмецъ изъ Кролевца (Кенигсберга); онъ, повидимому, осѣлся на постоянное жительство: имѣетъ въ Каневѣ жену и дѣтей. Въ Черкасахъ также одинъ и притомъ русскій—Ворона, родомъ изъ Минска, заслужившій полное одобреніе со стороны ревизора, какъ „коваль и стрѣлецъ добрый“. Но въ Черкасахъ же проживалъ прежній (давній) пушкаръ нѣмецъ женатый, уже безъ службы. Въ Винницѣ—два пушкаря: Станиславъ Свертъ, „полякъ изъ Ечева, и нѣмецъ Каспаръ изъ Филякунова“. Лишь въ Браславѣ при ревизіи 1545 г., всѣ три пушкаря оказались русскими, но ревизоръ нашелъ необходимымъ, чтобы, увеличивши ихъ число вдвое, помѣстить между ними одного ляха или чеха „для лучшей справы и стрѣльбы“.

Если нѣкоторое образованіе, требовавшееся отъ артиллериста, дѣйствительно недоставало русскимъ, то совершенно непонятно, почему бы обыкновенныя обязанности солдата (жолнера или драба), были успѣшнѣе исполняемы поляками, чѣмъ русскими, особенно украинцами, при ихъ испытанной храбрости и полной мѣстной опытности. Между тѣмъ гарнизоны укрѣпленій повсюду почти исключительно состояли изъ поляковъ. Единственнымъ объясненіемъ этого остается слѣд.: такіе короли, какъ Сигизмундъ I и Сигизмундъ-Августъ, будучи уже истинными поляками и живя постоянно въ Польшѣ, желали вообще удерживать крѣпости литовскаго государства въ польскихъ рукахъ.

Понятно, что при племенной отчужденности и соперничествѣ пришлаго населенія съ туземнымъ, этотъ видъ заселенія края не приносилъ странѣ никакой пользы.

Постоянные жолнерскіе полки были содержимы не во всѣхъ замкахъ и не всегда; въ пол. XVI в. мы находимъ ихъ въ Кіевѣ, гдѣ многіе изъ жолнеровъ осѣлись домами, повидимому, ихъ собствен-

ными. Такихъ домовъ люстрація 1552 г. насчитываетъ въ Кіевѣ болѣе 40 (кромѣ 30 домовъ десятниковъ подъ замкомъ). Имена жолнеровъ—домовладѣльцевъ приводятся въ люстраціи и указываютъ намъ на составъ этого класса; тутъ находимъ: ляха Стасевъ домъ, ляха Маржовъ домъ, Яна ляха домъ, и другіе, хотя безъ означенія прямо національности домовладѣльца, но съ именами и фамиліями, несомнѣнно польскими; изъ всѣхъ 42 именъ можно отмѣтить какъ русскія, только два имени:—„Носка Кравца домъ“ и „Сорко Литвинъ“.

Затѣмъ подвижныя роты находимъ еще въ Черкасахъ; въ 1552 г. тамъ была новоприбывшая рота изъ 100 драбовъ, подъ начальствомъ ротмистра Петра Розбискаго, заключающая въ себѣ 20 копейщиковъ и 60 стрѣльцовъ съ ручницами; тамъ же была подобная рота изъ 60 драбовъ „давнѣйшихъ“; наконецъ, тамъ же былъ „почетъ“ (отрядъ „служебниковъ“ старосты, которые ему служили съ дѣтства)—50 молодцовъ изъ пріѣзжихъ и 11 изъ мѣстныхъ жителей Черкасъ и Канева. Так. обр., пріобрѣтеніе постоянныхъ войскъ для замка зависѣло и отъ центрального правительства, и отъ личности мѣстнаго старосты. Подобныя роты драбовъ были и въ Каневѣ, ибо указывается въ Каневѣ 7 домовъ драбскихъ, между прочимъ поручника; но общей численности драбовъ не указывается. На примѣрѣ Канева видимъ, что часть этого пришлаго населенія осѣдалась въ украинныхъ городахъ на постоянное мѣстожителство, преимущественно чрезъ женитьбу на мѣстныхъ мѣщанкахъ и бояркахъ, и, так. обр., въ общій національный и соціальный составъ населенія просачивался мало по малу чужеродный элементъ; впрочемъ, по именамъ и фамиліямъ Каневскихъ драбовъ домовладѣльцевъ видно, что они уже акклиматизировались на Украинѣ; тутъ были: Теребунецъ, Мартинъ Щербатый, Карась. Нѣкоторые изъ нихъ входили въ составъ землевладѣльческаго класса; такъ въ томъ же Каневскомъ повѣтѣ образовалась мѣстная землянская фамилія Драбовъ (съ обращеніемъ должности въ прозваніе).—Но остальные временно стоящія роты чужеземцевъ вели

себя, какъ подобаетъ пришецамъ: туземное населеніе обвиняло ихъ предъ люстраторами въ хищничество, раскапываніи древнихъ могилъ на бѣду живымъ и невиннымъ людямъ.

Въ другихъ повѣтахъ невидно такихъ постоянныхъ войскъ на жаловань; ревизоры Браслава въ 1545 г. просили, чтобы замки были снабжены „людьми пенезными“, которые будто бы въ состояніи какъ защитить отъ татаръ, такъ и укротить своеволие домашнихъ козаковъ. Мы говорили уже, что вскорѣ послѣ люстраціи Браславъ былъ снабженъ сильнымъ гарнизономъ.

Въ прежнія времена замки держались и безъ этихъ пришлыхъ польскихъ ротъ, при помощи мѣстнаго населенія, изъ котораго часть отдѣлялась для постоянной военной и другой службы замку. То были члены городской и сельскихъ общинъ, ничѣмъ не отличавшіеся отъ горожанъ, кромѣ того, что, въ замѣнъ денежныхъ податей, они предназначались исключительно для службы; благодаря своему назначенію, они получали наименованіе *бояръ* и *слугъ*. Но такъ какъ бояре мало по малу освободились отъ замковой службы и сдѣлались земьянами, то здѣсь обратимъ вниманіе только на *слугъ*. Люди, назначенные для ремесленныхъ услугъ замку, оставались въ классѣ мѣщанъ (замковыхъ) и къ слугамъ не причисляются; что касается до слугъ собственно, то мы видѣли, какая масса ихъ была въ XV в. въ селахъ Кіевского княжества. Теперь, когда множество государственныхъ сель или роздано частнымъ землевладѣльцамъ или уничтожено татарами, слуги сосредоточены только въ городахъ при замкахъ и въ значительно меньшемъ количествѣ. Такъ въ Каневѣ есть слуги замковые старые и новые; первыхъ только 13, вторыхъ 32. Новыхъ слугъ, очевидно, староста набиралъ уже не только изъ мѣстныхъ жителей; въ Каневѣ есть между ними и бывшіе драбы и пушкарі; прозвища ихъ показываютъ, что сюда принимались охотно и восточные выходцы (Азикъ, м. б. еврей, Толукъ и проч.), и западные (поляки); между ними не точно разграниченъ классъ военно-служащихъ отъ ремесленниковъ (есть кравецъ, коваль, шинкаръ). Еще болѣе такой сбродный составъ

слугъ видѣнъ въ Черкасахъ; тутъ есть Малинъ-бапа, Иванъ Турчинъ, Щасный драбъ и др. Такимъ путемъ иноземные элементы проникали въ составъ высшаго мѣстнаго класса, ибо слуги могли превращаться въ бояръ, а бояре въ землянъ.

Въ трехъ повѣтахъ Польскаго Подолья слуги замковые, имеваемые уже *служками*, существуютъ не только въ составѣ городского населенія, но и сельскаго (исключительно замковыхъ сель); обязанность ихъ служить замку „конемъ“, но уже не столько на войнѣ, какъ при разныхъ послугахъ замку, напр., ѣздить съ письмами и проч. Такъ въ г. Русскомъ Барѣ, подъ рубрикою: „служки“ отмѣчается такъ: „тамъ есть три козака, которые ничего не даютъ, только исполняютъ замковыя службы на коняхъ и сами“ (между ними Радулъ Сербинъ); въ Черемисскомъ Барѣ служки (16), „не получаютъ никакихъ привилегій на вольности, только староста для своей и общественной надобности увольняетъ ихъ отъ всякой дани“, они держатъ сторожу на окраинѣ и ѣдутъ туда, куда подстароста укажетъ. Говоря о служкахъ слободки Селища, люстрація 1565 г. объясняетъ намъ, кто попадалъ въ служки: „служекъ—*коланыхъ*, т. е. забѣднѣвшихъ людей, обращаютъ на обыкновенные замковыя службы“¹⁾; так. обр., классъ, открывавшій дорогу къ привилегированному положенію, слагался изъ элементовъ, непригодныхъ для правильнаго крестьянскаго быта. Говоря объ обѣднѣвшихъ крестьянахъ Деражни Дворецкой²⁾, которые поэтому освобождены отъ податей, люстрація прибавляетъ: „Михайло конемъ служить, Войтко токарь... только временно работаетъ для двора, что нужно“. Здѣсь они за службу не вполнѣ освобождены отъ податей; именно, должны давать подымное и пушкаровщину. Въ положеніе слугъ входили здѣсь иногда пришлые и иноземцы: Сербинъ, Волошинъ³⁾, Чехъ⁴⁾. Къ сельскимъ слугамъ причислялись всегда атаманъ села и десятникъ.

¹⁾ См. стр. 222.

²⁾ См. стр. 223.

³⁾ См. стр. 226.

⁴⁾ См. стр. 179.

Вотъ общее число замковыхъ слугъ Польскаго Подолья, по люстр. 1565 г.

Хмельницкій повѣтъ.

	Число служекъ.
Винниковцы	7
Дубова	2
Трибуховцы	1
Ювче	11

Барскій повѣтъ.

Г. Баръ Русскій	3
Баръ Черемисскій	16
Селище	8
Биликовцы	6
Лука Слободецкая	3
Ивановцы	6
Карачинцы Римовы	3
Сусловцы	1
Поповцы	1
Деражня Дворецкая	4
Деражня Калинская	5
Деражня Лука	2
Покутинцы	4
Мукаровъ	4

Каменецкій повѣтъ.

Должекъ	5
Смотричъ м.	6
Гусятинъ м.	3
Шаравка м.	39

Всего въ трехъ старостахъ число слугъ достигаетъ до 140.

Въ заключеніе о правительственной колонизаціи въ обоихъ государствахъ слѣдуетъ сдѣлать такіе общіе выводы:

1) Косвенныя мѣры къ развитію колонизаціи, т. е. защита страны укрѣпленіями и установленіе государственнаго порядка въ управленіи, были несовершенны и недостаточны.

2) Прямая мѣра правительственной колонизаціи, т. е. призывъ служилаго населенія въ украины, были неповсемѣстны, ограничившись весьма незначительными размѣрами, а въ національномъ отношеніи приносили вредъ, вводя безъ нужды въ украинное население чужеземный элементъ.

Городская колонизація и городское населеніе. Поселеніе вокругъ замка называется *мѣстомъ* (городомъ). Подобно замку оно окружено укрѣпленіемъ—*острогомъ*, т. е. валомъ, на которомъ поставлена деревянная ограда изъ дубовыхъ кольевъ, съ необходимымъ числомъ воротъ. Острогъ примыкалъ къ замку, составляя какъ бы добавку къ нему съ одной стороны. Впрочемъ, укрѣпленія острога рѣдко были защищаемы; обыкновенно, при нападеніи непріятеля, люди оставляли свои жилища и стекались всѣ въ замокъ. Величина острожнаго укрѣпленія обыкновенно была незначительна, такъ что не могла вмѣстить всего населенія городской общины; такъ въ Чернобылѣ „широкость“, т. е. длина всего укрѣпленія вокругъ составляла 370 сажень; здѣсь острогъ могъ вмѣстить въ себѣ не болѣе 50 домовъ; остальные 35 помѣщались за острогомъ.

Изъ представленныхъ выше таблицъ мы знаемъ, что число населенія городскихъ общинъ въ пол. XVI в. было незначительно; а именно жителей об. пола было:

въ г. Кіевѣ	2000	въ г. Браславлѣ	1945
„ Житомирѣ	260	„ Хмельникѣ	1350
„ Каневѣ	720	„ Барѣ	1450
„ Черкасахъ	1115	„ Смотричѣ (70 дом. ¹⁾)	350
„ Винницѣ	1795	„ Летичевѣ	760

Не смотря на безотносительную незначительность городскихъ общинъ, онѣ должны были служить и отчасти служили главнѣй-

¹⁾ Арх. Ю. З. Р., V, I, № 3.

шею опорою колонизаціи страны: въ нѣкоторыхъ повѣтахъ (Черкасскомъ и Каневскомъ) городское населеніе заключаетъ въ себѣ почти все населеніе повѣта; въ другихъ (Кіевскомъ и Браславскомъ) огромное большинство населенія повѣта; въ Винницкомъ— $\frac{1}{3}$ населенія; въ повѣтахъ Польскаго Подолья (кромѣ Каменецкаго) болѣе половины всего населенія. Отсюда ясно, какую важную роль занимаетъ городская колонизація среди прочихъ видовъ заселенія въ полов. XVI в.

Въ древнюю (рюриковскую) эпоху и отчасти при первыхъ литовскихъ князьяхъ, система защиты страны и успѣхи ея заселенія заключались не столько въ дружинахъ и княжескихъ замкахъ, сколько въ городахъ и городскихъ общинахъ. Городъ, какъ главная община, заключалъ въ себѣ главную массу населенія земли; онъ владѣлъ окрестною страню и составлялъ всегда готовое боевое ополченіе, которое далеко превышало дружины и численностію, и патриотизмомъ. Болѣе богатые и болѣе безопасныя общины тѣмъ самымъ привлекали къ себѣ болѣшую массу населенія.

Въ центральныхъ частяхъ Литовскаго государства, а въ Польскомъ королевствѣ тѣмъ болѣе, такой порядокъ дѣлъ давно уже измѣнился: города превращены въ мѣщанскія общины, которыя м. б. экономически богатѣли (впрочемъ, главн. обр., въ пользу чужеземцевъ — евреевъ и нѣмцевъ), но политически падали. Что же касается до украинскихъ городовъ, то здѣсь еще въ пол. XVI в. можно видѣть слѣды прежняго земскаго значенія городской общины, но за то еще болѣе очевидные признаки разложенія этого понятія.

Мы должны здѣсь указать то и другое а) въ отношеніи къ личному составу городскихъ общинъ и б) въ отношеніи къ имущественнымъ средствамъ ихъ.

Въ южныхъ при-днѣпровскихъ и отчасти при-бужскихъ городахъ еще въ полов. XVI в. сохраняется понятіе о цѣлостности городской общины, не смотря на разнообразіе класснаго состава ея населенія; впрочемъ, разнообразіе классовъ не было еще велико: кромѣ „пановъ“, которые никогда не были членами мѣстной

общины, всѣ мѣстные жители суть или бояре и слуги, или мѣщане (въ томъ числѣ и частновладѣльческіе). Всѣ эти разряды, взятые вмѣстѣ, обыкновенно обобщаются въ общемъ географическомъ терминѣ (Черкашене, Каневцы). Всѣ они имѣютъ общія повинности и права: укрѣпленія замка „всѣ мѣщане и бояре (Черкаскіе) обязаны исправлять“; сторожей къ острогу „нанимаютъ мѣщане и бояре“; „сторожу на полѣ обязаны держать складчиною всѣ какъ бояре, такъ и мѣщане“; служить въ военныхъ походахъ (конно, сбройно) обязаны и бояре и мѣщане, съ тою только разницею, что послѣдніе выступаютъ въ походъ не иначе, какъ съ самимъ старостою. Собственно спеціальныя повинности мѣщанъ суть только подводная, т. е. колядки и доставленіе сѣна¹⁾.

Подобную же общность повинностей, простирающуюся не только на мѣщанъ и бояръ, но и на людей ихъ, видимъ въ Каневѣ; въ военный походъ идутъ Каневцы—какъ мѣщане, такъ и бояре со своими подданными, и церковные крестьяне, а также и гости (т. е. пришлое населеніе); „обязаны Каневцы—мѣщане и бояре—ѣздить съ старостою на охоту (въ ловы) на Супой и ловить тамъ съ нимъ три дни“. Исправлять замокъ и мостъ обязаны (въ Каневѣ) „тутошніе мѣщане, земяне и подданные ихъ и церковные всѣ“²⁾.

Рядомъ съ такою общностью повинностей видимъ и общность правъ: владѣніе окрестною землею принадлежитъ Черкашенамъ какъ боярамъ, такъ и мѣщанамъ въ совокупности: въ Черкаскомъ повѣтѣ, „кромѣ 5 старостинскихъ уходовъ, всѣ прочіе уходы хаживали Черкашене какъ бояре, такъ и мѣщане“³⁾. Но объ имущественныхъ правахъ общинъ скажемъ сейчасъ отдѣльно. Цѣлой городской общинѣ, въ составѣ всѣхъ классовъ ея, принадлежитъ право защиты своихъ интересовъ судебнымъ и административнымъ порядкомъ: тяжба города Черкасъ со старостою, которую рѣшали короли Сигизмундъ I и Сигизмундъ-Августъ въ 1544 г., ведена

¹⁾ Арх. Ю. З. Р., VI, I, стр. 81—82.

²⁾ Ibid. стр. 94—95.

³⁾ Ibid. стр. 85.

отъ имени бояръ, слугъ и мѣщанъ: „жаловали намъ бояре, и слуги, и мѣщане“, говоритъ король¹⁾); между тѣмъ споръ города со своими старостами касался самыхъ разнообразныхъ (какъ частныхъ, такъ и общественныхъ) правъ, которыя, так. обр., являются общими для всего городского населенія безъ различія классовъ.

Подобную же общность повинностей и правъ можно видѣть даже въ такомъ западномъ повѣтѣ, каковъ Житомирскій, гдѣ, впрочемъ, въ значительной степени уже развилось частное землевладѣніе²⁾).

Въ городахъ, не получившихъ магдебург. права, управление государственныхъ органовъ было общее для всѣхъ классовъ. Но несомнѣнно, что городскія общины, и не получившія магдебургскаго права, имѣли свои общіе органы самоуправленія: на сходкахъ (древнихъ вѣчахъ) они избирали себѣ войта, общаго для мѣщанъ королевскихъ и частныхъ;—такъ это было въ Браславѣ. Если же признать, что въ этомъ городѣ уже введено магдебург. право (пріостановленное въ 1517 г.), то такое обобщеніе мѣщанъ королевскихъ и частныхъ въ одномъ управленіи еще интереснѣе.—Но въ 1545 г. паны уже заявляли люстратору, что они находятъ въ томъ для себя великій вредъ и просили, чтобы для частно владѣльческихъ мѣщанъ былъ поставленъ особый войтъ (общій для мѣщанъ всѣхъ владѣльцевъ). Ревизоръ нашелъ эту просьбу уважительною особенно по тому, чтобы люди панскіе „не приставали къ волѣ и своеволю мѣщанъ королевскихъ, а были бы за одно со своими панами“. Впрочемъ и тогда не предпологалось вполне отдѣлить частно-владѣльческихъ людей отъ мѣщанъ въ отбываніи повинностей: „при отправленіи общихъ работъ войтъ королевскій долженъ увѣдомить войта панскихъ мѣщанъ, который и высылаетъ своихъ мѣщанъ“.

Таковы остатки древне-общинной цѣлостности городовъ, дожившіе на Украинѣ до пол. XVI в.

¹⁾ См. № XVII (стр. 371, 372).

²⁾ Арх. Ю. З. Р. VII, I, стр. 125.

Однако, не только въ Житомирскомъ, Кіевскомъ и другихъ болѣе или менѣе центральныхъ повѣтахъ, но даже въ Черкасскомъ и Каневскомъ, уже давно началось разложенеіе городской общины на отдѣльные классы, что совпадаетъ съ развитіемъ частнаго землевладѣнія и обусловливается имъ преимущественно. Князья и паны, которыхъ въ украинныхъ повѣтахъ было не много и которые большею частью были пришлые, никогда не включались въ общую массу городской общины. Въ XVI в. дошла очередь выдѣленія до бояръ, потомъ слугъ. Будучи освобождены отъ податей и повинностей, кромѣ личной военной, и получая за службу надѣлы изъ замковыхъ имуществъ (помѣстья), они мало по малу теряли всякую связь съ прочими жителями городской общины и тянули за собой своихъ „подданныхъ“ (крестьянъ). Житомирскіе мѣщане уже при в. кн. Александрѣ жаловались, что ихъ однихъ принуждаютъ дѣлать мостъ передъ замкомъ, „а которые люди живутъ (въ городѣ) княжескіе, панскіе и боярскіе, тѣ не хотятъ съ ними дѣлать этотъ мостъ ¹⁾“; тогда же мѣщане жаловались на разныя обиды бояръ, старостинскихъ и боярскихъ слугъ.

Въ процессѣ выдѣленія бояръ отъ мѣщанъ играетъ значительную роль дарованіе городу магдебургскаго права; такъ въ Кіевѣ объ общихъ повинностяхъ бояръ и мѣщанъ уже нѣтъ и помину ²⁾.

За выдѣленіемъ бояръ и слугъ, въ составѣ городской общины остаются одни т. н. мѣщане, которые собственно и исчисляются какъ городское населеніе.

Однако, и въ составѣ класса мѣщанъ уже нѣтъ древне-русскаго единства; въ немъ различаются: а) мѣщане собственно; б) мѣщане, оставшіеся подъ замковымъ присудомъ или вновь попавшіе въ этотъ разрядъ; наконецъ в) мѣщане частновладѣльческіе—церковные и свѣтскихъ владѣльцевъ.

¹⁾ Арх. Юг.-З. Р. VII, I, стр. 131 и 132.

²⁾ Арх. Юг.-З. Р. VII, I, стр. 111.

Различіе первыхъ двухъ разрядовъ утверждалось особенно тамъ, гдѣ было введено магдебургское управленіе, какъ въ Кіевѣ. Магдебургское устройство до пол. XVI в. изъ украинскихъ городовъ введено было только въ Кіевѣ, Каменцѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ Польскаго Подолья. Въ Браславѣ, послѣ дарованія его, оно было взято королемъ назадъ. Это устройство городовъ, какъ извѣстно, было соединено съ освобожденіемъ мѣщанъ отъ всякихъ службъ и повинностей въ пользу государства, кромѣ извѣстныхъ податей, и съ полною или неполною свободою отъ замковаго присуда. Но положеніе украинскихъ городовъ было таково, что нельзя было, тотчасъ же, освободить привилегированныхъ мѣщанъ, по крайней мѣрѣ, отъ нѣкоторыхъ повинностей; такъ въ Кіевѣ военная и сторожевая повинность возлагаются на всѣхъ мѣщанъ¹⁾; съ друг. стор., нельзя было обойтись безъ людей, которые бы всегда были готовы къ исполненію дѣйствій, вызываемыхъ постояннымъ военнымъ положеніемъ. Невозможно также было обойтись безъ людей, обязанныхъ доставлять въ замокъ продукты ремесль, рыболовства и пр. По этой послѣдней причинѣ, и послѣ дарованія магдебург. права, въ городахъ оставалось не мало людей, непосредственно подчиненныхъ замку и называемыхъ *замковыми мѣщанами*: въ Кіевѣ почти равное число мѣщанъ общинныхъ и замковыхъ. Въ прозваніяхъ послѣднихъ сохранились слѣды ихъ частной (ремесленной) службы замку: плотникъ, чоботарь, пострывачъ, сокольникъ, бондарь, лучникъ, сѣдельникъ, кравецъ, кузнецъ, рыболовъ, кушнеръ, замочникъ, калачникъ, пастухъ, колесникъ, бражникъ, бобровникъ, стрѣлецъ, золотарь.

Замковые мѣщане есть еще въ Черкасахъ; но тамъ этотъ классъ образовался въ силу злоупотребленій старостъ; тамъ они „съ городомъ не тянутъ стацій и подводъ, потому что закрываются старостою“²⁾.

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., VII, I, стр. 111.

²⁾ Арх. Ю.-З. Р., VII, I, XIV.

Введеніе магдебургскаго права, съ одной стороны, и усиленіе панскаго права—съ другой, вызвало и другое различіе въ личномъ составѣ городскихъ общинъ, а именно: въ городахъ живутъ *люди, зависящие отъ частныхъ владѣльцевъ*. Здѣсь разумѣются постоянные жители города, а не тѣ сельчане, которые убѣжали изъ своихъ селъ предъ татарскою грозою и живутъ въ городѣ или только зимою или круглый годъ, но какъ временные жильцы. По старому общему правилу всѣ частно-владѣльческіе люди, какъ горожане, такъ и сельчане, живущіе въ городѣ, включались въ составъ общины по отправленію повинностей и пользованію городскими выгодами. Такой порядокъ сохранялся еще въ самыхъ южныхъ украинскихъ повѣтахъ Каневскомъ и Черкасскомъ; въ Каневѣ, (по люстр. 1552 г.), „подданные землянскіе и церковные, которые живутъ при замкѣ, въ городѣ и по островамъ, а также гости обязаны быть послушными замковому присуду, давать, вмѣстѣ съ мѣщанами, подводы и стаціи, а во время надобности, ходить въ погоню противъ непріятельскихъ людей; только подачки даютъ своимъ господамъ“. Тамъ же ремонтъ замка обязаны производить „тутошніе мѣщане, земляне и подданные ихъ и церковные всѣ“. Сторожей для острога нанимають „всѣ мѣщане, бояре и подданные ихъ, складываясь по грошу отъ каждаго дому“. Относительно полевой военной службы сдѣлана только та разница для „мѣщанъ тяглыхъ“, что они за прочую тяглую службу уже не обязаны ѣздить въ поле безъ старосты (прочіе ѣдутъ и безъ него). „Сторожовщины вносятъ мѣщане по 2 гроша, а подданные князей, землянъ и церковные — по 3 гроша“ Въ Винницѣ двory мѣщанъ господарскихъ и землянскимъ переписываются вмѣстѣ. Но такое включеніе въ общину частно-владѣльческихъ людей въ города въ пол. XVI в. относится только къ самымъ южнымъ городамъ Украины. Въ прочихъ городахъ панское право взяло уже рѣшительный перевѣсъ надъ общиннымъ. Частновладѣльческіе горожане, наравнѣ съ частновладѣльческими крестьянами, переходя въ исключительную власть пановъ, тѣмъ самымъ извлекались изъ среды

городскаго общиннаго управленія, суда, повинностей и правъ. Примѣръ переходнаго состоянія указанъ выше на городѣ Браславѣ (въ 1545 г.), примѣромъ же полнаго преобладанія панскаго права могутъ служить Житомиръ и Кіевъ. Въ этомъ послѣднемъ уже нѣтъ никакихъ общихъ повинностей частно-владѣльческихъ мѣщанъ съ мѣщанами магдебургской общины.

Въ украинныхъ городахъ Польскаго Подолья установилась другая разница личнаго состава городскихъ общинъ, именно *по національностямъ*. Такъ въ Барѣ было три общины: городъ Польскій, городъ Русскій и городъ Черемисскій, или Горній Баръ. Первые два почти равны; третій нѣсколько меньше. Въ немъ живутъ „люди татарскаго народу“. Каждая городская община сидитъ на отдѣльномъ мѣстѣ: Польскій Баръ сидитъ въ парканѣ; Русскій—на предмѣстьѣ, именно между Польскимъ и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ предположено было строить новый каменный замокъ; Черемисскій—по другой сторонѣ р. Рва за ставомъ. Впрочемъ, въ каждомъ изъ этихъ городовъ есть значительная примѣсь другихъ національностей, особенно русскихъ, какъ въ Польскомъ, такъ и въ Черемисскомъ городахъ. Въ этомъ послѣднемъ было 45 домовъ поляковъ и русскихъ. Важнѣе разница ихъ по повинностямъ: жители польскаго и русскаго городовъ платятъ чиншъ по 15 грошей съ дому, а черемисы (служилые татары) ничего не платятъ; наоборотъ, имъ платится изъ доходовъ староства 200 злот. ежегодно. Так. обр., здѣсь національное раздѣленіе город. общины отчасти совпадаетъ съ раздѣленіемъ служебнымъ и правовымъ.

Въ Каменцѣ—„троякій народъ людей и троякій обычай права: поляки *autoritate graeeminent* и судятся правомъ магдебургскимъ; Русь судится правомъ и обычаями русскими и имѣетъ своего войта; армяне судятся армянскимъ обычаемъ и имѣютъ своего войта“¹⁾. Общая повинность всѣхъ есть только сторожевая, въ которую включаются и паны, имѣющіе свои дома въ городѣ. Для этой

¹⁾ См. № XIII, стр. 165 и 166.

цѣли складываются всѣ по 16 грошей въ годъ. Во всемъ остальномъ между тремя общинами одного города нѣтъ ничего общаго, а существуетъ, напротивъ, постоянное соперничество и вражда.

Кромѣ указанныхъ общихъ условій разложенія одной город. общины на части, разрушеніе цѣлости личнаго состава общинъ совершалось другими путями: часть мѣщанъ закладывалась за старосту, т. е. поступала въ замковые слуги, освобождаясь отъ общегородскихъ повинностей, но продолжая пользоваться имущественными выгодами, о чемъ постоянно, но безуспѣшно, жаловались напр. черкаскіе мѣщане. Другая часть мѣщанъ выходила въ состояніе частныхъ землевладѣльцевъ, освою при этомъ значительные участки и общинныхъ имуществъ. Такъ Черкашене жаловались королю, что и мѣщанинъ черкасскій Зубриковичъ¹⁾ пасѣки мѣщанскія на себя забралъ и не позволяетъ ими пользоваться; и другіе тамошніе черкасскіе жители, будучи ихъ поплечниками, тянули издавна вмѣстѣ съ ними всякія городскія повинности, теперь отъ нихъ откинулись, и хотя вмѣстѣ съ ними пользуются всякими городскими пожитками, а тяглы вмѣстѣ съ ними исполнять не хотятъ. Въ Черкасахъ прежде былъ такой обычай: „какой прихожій человѣкъ или старостинскій слуга женится на дочери какого-либо мѣщанина, то такой получалъ право пользоваться вмѣстѣ съ мѣщанами всѣми городскими пожитками, но за то и долженъ былъ помогать имъ въ равной части во всѣхъ службахъ и податяхъ; а теперь (при Евст. Дашкевичѣ) такіе люди, пользуясь город. выгодами, ни въ чемъ имъ не помогаютъ“.

Такое разложеніе личнаго состава городскихъ общинъ должно было отразиться весьма невыгодными послѣдствіями для успѣховъ колонизаціи. Торговля и ремесленная промышленность, ставшая единственнымъ удѣломъ главной части городскихъ общинъ, побуждаетъ ихъ избѣгать, по возможности, увеличенія конкуренціи, неизбѣжной при увеличеніи город. народонаселенія. Льготы, даруемыя

¹⁾ Въ люстраціи онъ уже включается въ разрядъ бояръ и крупныхъ земледѣльцевъ

государствомъ, могли привлекать новыхъ поселенцевъ только тогда, когда городъ основывается вновь, т. е. пока еще не сложилось общество, для котораго выгодно противодействовать дальнейшему расширенію населенности. Мѣщане, оставшіеся подъ замковымъ присудомъ, мало по малу потеряли всякую возможность распоряжаться общегородскими дѣлами, превращаясь въ казенныхъ крестьянъ. Тоже, въ большей степени, относится къ частно-владѣльческимъ мѣщанамъ. Лишь въ южныхъ по-днѣпровскихъ городахъ (Черкасахъ и Каневѣ), гдѣ городскія общины и въ пол. XVI в. сохранили отчасти свою цѣлостность, новые приливы населенія (козаки) примыкали къ городамъ; но ко времени Люблинской уніи, при установленіи сословныхъ порядковъ, и это уже сдѣлалось невозможнымъ.

Весьма вредное вліяніе для успѣховъ колонизаціи имѣетъ и раздѣленіе городскихъ общинъ по національностямъ, допущенное въ Подольѣ: всякое увеличеніе одной общины на счетъ другихъ встрѣчало въ этихъ другихъ соперничество и противодействіе.

Рядомъ съ разрушеніемъ единства личнаго состава городскихъ общинъ идетъ разрушеніе ихъ *имущественныхъ общинныхъ правъ*, какъ отчасти видно уже изъ предыдущаго. XVI-й вѣкъ и на Украинѣ застаётъ уже и въ этомъ отношеніи разрушеніе стараго русскаго земскаго строя, когда городскія общины, составляли одно юридическое лицо, владѣвшее окрестною землею и когда отъ нихъ въ зависимости были всѣ сельскія общины округа. Лишь остатки такого состоянія городскихъ общинъ можно наблюдать еще въ XVI в. въ украинныхъ повѣтахъ. Здѣсь между боярами и мѣщанами не было еще (какъ сказано выше) той рѣзкой грани, какая впоследствии была проведена между шляхетствомъ и мѣщанствомъ; оба класса составляли одну общину, владѣющую землею; такъ въ Черкасскомъ повѣтѣ „всѣми уходами пользовались Черкасцы, какъ бояре, такъ и мѣщане“; бобровые гоны по рѣкамъ „хоживали Черкасцы мѣщане и бояре“¹⁾. Вся земля округа

¹⁾ Арх. Юг.-З. Р., VII, 1, стр. 85.

считалась во владѣніи города, за исключеніемъ немногихъ еще частныхъ владѣній, пожалованныхъ правительствомъ изъ тѣхъ же общегородскихъ имуществъ. Когда въ XVI в. начались споры и тяжбы между мѣщанами и старостою, то здѣсь въ первый разъ возникаетъ вопросъ о правѣ отдѣльной собственности. Когда в. князь спросилъ черкасскихъ мѣщанъ, имѣютъ ли они собственные земли и уходы, то они отвѣчали: „своего ничего не маемъ; одно Божіе и господарское“. И это совершенно понятно. Огромныя пустыни приписаны были къ замку и городу и ни въ чемъ частномъ владѣніи не состояли. Городскія общины, личный составъ которыхъ постоянно мѣнялся, не могли претендовать ни на какую частную собственность въ округѣ; но за то считали своимъ правомъ пользоваться всею окрестною страной. Въ этомъ смыслѣ нельзя назвать всю страну и казенною собственностью. Еще въ люстраціи 1552 г. замѣчено: „палутъ черкашене мѣщане и бояре на поли, где хто хочеть“. Относительно Канева въ люстраціи 1552 г. читаемъ: „земля по полямъ мѣщанамъ на пашню издавна была свободна, но недавно кн. Владиміръ Путивльскій, вышедши изъ Москвы, началъ на тѣхъ земляхъ съ пашень мѣщанскихъ брать десятину. Пасѣки замковья людямъ государскимъ вольны—безъ платы“¹⁾. Уходы и селища въ Каневѣ въ половинѣ XVI в. уже розданы частнымъ владѣльцамъ и монастырямъ; но остались еще и тогда уходы „мѣстскіе“ (городскіе). Право на „сѣверскіе“ уходы люстраторы приписываютъ именно каневцамъ (членамъ гор. общины) на основаніи якобы происхожденія этихъ послѣднихъ съ лѣваго берега Днѣпра²⁾.

Въ Браславѣ люстраціи 1545 г. указываетъ двойное владѣніе землею у мѣщанъ: частное—это владѣніе пасѣками; „иная пасѣка стоитъ больше трехъ селищъ; при нѣкоторыхъ пасѣкахъ земли на цѣлую милю, а самое малое на $\frac{1}{2}$ мили; тамъ у него (мѣщанина) пашня, спускныя ставы, множество пчелъ, всякій звѣрь,

¹⁾ Ibid., I, стр. 97—98.

²⁾ Ibid., 102

сады, роскошные огороды и всякія другія выгоды. Въ зѣмли, дубравы и сѣнокосы такой пасѣки никто не имѣетъ права входа; никто не можетъ взять даромъ ни дровъ, ни стебля травы, а все за поклономъ. Отъ этого (замѣчаетъ ревизоръ) государю никакой пользы и службы нѣтъ. И нѣтъ вѣдома отъ кого такіе особые удѣлы они получили и кто имъ заводилъ и граничилъ¹⁾. Но люди, имѣющіе такія пасѣки, пользуются, въ свою очередь, „мѣщанскими землями и пашню пашутъ“ (на общинныхъ земляхъ). Так. обр., пахатная земля вблизи города остается на прежнемъ общинномъ правѣ владѣнія.

Въ Житомирѣ, гдѣ землевладѣльческій элементъ сдѣлалъ уже большіе успѣхи, для городской общины отдѣлена земля въ длину на милю, а поперекъ на $\frac{1}{2}$ мили: „тое поле мѣщаномъ вольно пахать; а земляне и подданные ихъ, которые пашутъ, тые дають на замокъ десятину“²⁾. Правительственные органы (старосты) не считали эту землю ни своею—арендною, ни казенною, а довольствовались еще тѣми доходами, въ видѣ пошлинъ, которые обозначались въ люстраціонныхъ актахъ, а также непосредственными доходами фольварочнаго хозяйства. И частныя владѣнія еще не были изъяты отъ общегородскихъ повинностей, и крестьяне частныхъ владѣльцевъ подлежали общему присуду старосты³⁾.

Даже въ Польскомъ Подольѣ, гдѣ успѣхи польскаго права разрушили старо-русскій городской бытъ, остатки его замѣтны; такъ о русской части гор. Бара люстраторы замѣчаютъ: „и другіе, которые теперь не сѣютъ, могутъ потомъ орать и сѣять, когда будутъ въ состояніи, потому что тамъ поля покупать не нужно; но если кто имѣетъ плугъ и воловъ, то можетъ орать, сколько хочетъ“⁴⁾.

При такихъ условіяхъ городскія общины прочно осаживались вокругъ замковъ, не смотря на вѣчную опасность отъ враговъ и

¹⁾ Арх. Юг. Р., VII, I, стр. 146.

²⁾ Ibid. I, стр. 96.

³⁾ См. № XI.

ненадежность укрѣплений, вокругъ которыхъ они ютились. Пусть городъ взятъ татарами, пусть ²/₄ городскихъ жителей отведено въ тяжкую неволю; остальные держатся на мѣстѣ даже вовсе безъ защиты, сидятъ, „ожидаѣ зѣмка и не желая уходить ради великихъ тамошнихъ выгодъ“, какъ это и случилось въ Браславѣ ¹). Только городскія общины могли и должны были заботиться объ увеличеніи мѣстнаго населенія. Увеличеніе массы городскихъ жителей не грозило этимъ общинамъ уменьшеніемъ ихъ имущественныхъ средствъ при громадномъ пространствѣ невоздѣланныхъ дикихъ степей. Это не то, что исключительно промышленныя и торговыя городскія общины и не частное шляхетское владѣніе, результатомъ котораго рано или поздно долженъ былъ явиться крѣпостной трудъ. Съ другой стороны, городскія общины должны были желать увеличенія населенія, потому что почти вся тяжесть защиты страны падала на нихъ. Постоянные гарнизоны, т. н. драбы и жолнеры, были весьма немногочисленны, и увеличеніе этого рода населенія было вовсе не желательно для городскихъ жителей.

Но изложенныя имущественныя выгоды общиннаго владѣнія въ пол. XVI в. уже обращались, мало по малу, въ преданіе, по мѣрѣ разрушенія самаго общиннаго владѣнія.

Мы видѣли выше, что право пользованія окрестною землею, иногда цѣлою страной, было основано для городскихъ общинъ на одномъ томъ простомъ фактѣ, что земля эта никому еще не принадлежала; она была приписана къ извѣстному зѣмку, будучи государственною въ томъ смыслѣ, въ какомъ вся территорія принадлежитъ государству; а въ степяхъ, гдѣ не проведено было ясныхъ границъ, даже и государственнаго характера владѣнія установить нельзя.

Но въ XVI в. мѣстные старосты, а за ними и великіе князья начинаютъ руководствоваться идеею о частныхъ правахъ казны на такія земли. И это идетъ рука объ руку съ освобожденіемъ

¹) См. № VII (стр. 21).

мѣщанъ отъ замковыхъ повинностей и тягъ. Надо чѣмъ нибудь содержать укрѣпленія и держать въ нихъ постоянныхъ служилыхъ людей. Поэтому старосты двоякимъ образомъ сокращаютъ прежнія общинныя права: 1) часть земель извлекаютъ совсѣмъ изъ общиннаго пользованія для собственной частной эксплуатаціи и 2) съ тѣхъ земель, которыя остались въ пользованіи общины, взимаютъ доходъ не въ видѣ государственнаго налога, а въ видѣ частной ренты.

Въ такомъ обращеніи общинной земли въ казенную, громадную роль играетъ дарованіе городу магдебург. права, при чемъ обыкновенно точно отмѣнялась земля подъ общее владѣніе города, и притомъ въ весьма ограниченномъ объемѣ, такъ какъ городъ долженъ былъ пользоваться лишь ремеслами и торговлею.

Но тотъ же процессъ совершается, хотя и медленнѣе, и въ прочихъ городахъ. Такъ въ Черкасахъ прежде (въ XV в.) староста исключительно владѣлъ только 4 уходами (Дубослей, Еланскій, Протолчъ, Ненасытецъ и Волнечъ). Прочіе уходы по Днѣпру, Орели, Тясмени, обоимъ Ингуламъ и Самарѣ (всего 28) принадлежали городской общинѣ—боярамъ и мѣщанамъ. Но въ 1552 г. староста владѣлъ уже всѣми этими уходами и отдаетъ ихъ пришлымъ чужогородцамъ: кіевлянамъ, чернобыльцамъ, мозырянамъ, петриковцамъ, быховцамъ, могилевцамъ и другимъ за плату („поклоны“).

Процессъ такого разрушенія общинныхъ имущественныхъ правъ городовъ и вмѣшательства старостъ въ частныя права горожанъ можно видѣть изъ тяжбы между черкашениами и ихъ старостами.

Черкашене жаловались, что во время управленія замкомъ Евст. Дашкевича, онъ ввелъ слѣд. притѣснительныя новины: 1) многихъ изъ братіи ихъ взялъ въ свою мочь, освободивъ тѣмъ ихъ отъ общаго участія въ послугахъ и подачкахъ; остальные мѣщане обязаны одни давать подводы подъ гонцовъ и пословъ; 2) заставилъ мѣщанъ работать на него каждый день, а именно: возить дрова, косить сѣно, волочить неводы и т. д.; 3) староста беретъ себѣ половину отъ доходовъ пчеловодства, рыболовства и

звѣроловства; 4) мѣщанамъ принадлежало право уходовъ на Звонцѣ, право рыболовства на Сулѣ и звѣроловства по всему Днѣпру; староста отнялъ у нихъ эти доходы и началъ отдавать эти промыслы чужимъ людямъ, взявъ съ нихъ поклоны; 5) право вывоза продуктовъ пчеловодства и рыболовства для продажи въ Кіевъ староста отнялъ у мѣщанъ и присвоилъ себѣ исключительное право покупки за произвольную цѣну; 6) право на добычу, взятую съ татаръ, напр. панцири, коней и самыхъ татаръ, староста присвоилъ себѣ; 7) козаки, которые издавна занимались добычею у татаръ, давали часть „выемки“ старостѣ, а Дашкевичъ все присвоилъ себѣ; когда козакъ пріѣдетъ къ воротамъ съ поля, или хочетъ выѣхать изъ города „на дѣло свое“, то староста не велитъ ни впускать, ни выпускать; 8) городскую корчму, которая извѣка, при кор. Казимирѣ, принадлежала городу, староста отнялъ; 9) по прежнему обычаю въ день Рождества Христова мѣщане, собравшись по пяти или по шести персонъ носили старостѣ одну куницу шерстью, а Дашкевичъ бралъ съ каждого изъ нихъ, не исключая наймитовъ и козаковъ, по куницѣ или по лисицѣ, а за неимѣніемъ того, по 12 грошей съ головы; 10) когда мѣщанинъ умретъ, или его возьмутъ татары, то староста бралъ себѣ все имущество его отъ его жены и дѣтей; 11) прежде городовую службу исправляли особые есачники и жители селъ Мошны и Домонтова, а именно возили на замокъ дрова, нашивали воду и „еликовали“ (сторожили по ночамъ); староста всю эту службу возложилъ на мѣщанъ; 12) прежде за проводъ купцовъ Колинскихъ и другихъ мѣщане получали проводное; Дашкевичъ присвоилъ это себѣ¹⁾.

Этотъ примѣръ показываетъ, что отсутствіе ясныхъ разграниченій общинной и частной собственности отъ государственной подаетъ поводъ для старосты присваивать себѣ права и на личные имущества гражданъ (движимыя вещи, наслѣдство; по послѣдующимъ жалобамъ оказывается, что староста беретъ уже только половину наслѣдства).

¹⁾ См. № XVII.

Въ Каневѣ отстраненіе городскихъ общинъ отъ пользованія окрестною землею совершалось еще съ ббльшею быстротою; здѣсь часть земель роздана старостами церквамъ и частнымъ владѣльцамъ, а часть, бывшая издавна во владѣніи мѣщанъ, взята исключительно на старосту; такъ „на Жжицѣ рѣкѣ уходъ городской былъ издавна; потомъ отданъ слугѣ замковому“; „отъ Володины горы до Лубенъ земли мѣщанскія; но уже ходять тамъ на старосту половинники козаки“. „На р. Многѣ земли пусты, не ходить изъ выти никто, а мѣщанъ староста не допускаетъ“. „Гдѣ Хороль рѣчка въ Пселѣ впала, уходы всѣ на замокъ, но теперь пусты; половинники не ходять, а мѣщанамъ ходить тамъ староста не дозволяетъ“¹⁾.

Въ Браславѣ люстраторы (какъ мы видѣли уже) ставятъ вопросъ объ основаніяхъ правъ мѣщанъ на ихъ земли, спрашиваютъ: кто ихъ пожаловалъ, кто заводилъ?

Другой способъ разрушенія общинныхъ правъ представляетъ раздача общинныхъ земель частныхъ владѣльцевъ. Такъ гор. Житомиръ въ пол. XVI в. доведенъ до крайняго убожества: „бо вси—калики, инши ни вола не мають“; а прежде, до XVI в., городская община владѣла обширными земельными имуществами—рудами и селищами около рѣчки Гуйвы, рудкою Малавкою, рудою Руйною, Б. и М. Жерделевомъ и пр. Все это досталось въ руки одного землянина Лозовицкаго²⁾.

При такомъ разрушеніи личнаго состава и имущественныхъ правъ городскихъ общинъ (впрочемъ, въ пол. XVI в. далеко не законченномъ), эти общины уже не могли быть центромъ и главнымъ базисомъ колонизаціи. Ни староста, ни сами мѣщане уже не имѣютъ интереса въ увеличеніи массы горожанъ. Цѣли государственныхъ мѣръ колонизаціи мало по малу склоняются къ развитію частнаго землевладѣнія, чтó въ такихъ широкихъ размѣрахъ будетъ потомъ практиковаться послѣ уніи 1569 года.

¹⁾ Арх. Ю. З. Р., VII, I, № XV.

²⁾ Ibid. № XII.

Землевладельческая и крестьянская колонизация. Мы коснемся здѣсь громаднаго вопроса о развитіи частнаго землевладѣнія въ украинныхъ повѣтахъ лишь вскользь, по скольку это необходимо для уясненія колонизаціоннаго движенія въ XVI в. Частное землевладѣніе находилось въ рукахъ церковныхъ учреждений и свѣтскихъ лицъ. Первыхъ не будемъ касаться въ отдѣльности, ибо изъ нихъ для украинныхъ повѣтовъ важны только Печерскій и Пустынно-Николаевскій монастыри, Кіевская митрополія и владѣнія Каменецкаго и Кіевского католическихъ бискупствъ ¹⁾.

Свѣтскій землевладельческій классъ состоитъ изъ пановъ и бояръ. Въ составѣ перваго класса находятся князья, паны и земяне. Князья и паны, больш. частію (какъ сказано уже) приплыли люди изъ Москвы, Литвы и Волыни; бояре вышли изъ среды мѣстныхъ жителей, не отличаясь прежде ничѣмъ отъ мѣщанъ, кромѣ постоянной личной военной службы. Различіе между панами (и земянами) и служилыми боярами еще весьма ясно въ приднѣпровскихъ повѣтахъ; оно менѣ замѣтно въ прибужскихъ и почти совсѣмъ исчезаетъ въ Польскомъ Подольѣ.

Число землевладельцевъ по люстраціямъ пол. XVI в. располагается по повѣтамъ неодинаково; въ повѣтахъ Литовскаго государства численность ихъ постепенно возрастаетъ отъ юго-востока къ сѣверо-западу; а именно въ Черкаскомъ ихъ только 9, въ Каневскомъ—10, въ Житомирскомъ—13, въ Кіевскомъ—14; въ Винницкомъ уже 36, въ Браславскомъ—35. Въ отдѣльности число бояръ преобладаетъ въ южныхъ днѣпровскихъ повѣтахъ надъ числомъ пановъ (12 и 7); въ прочихъ Литовскихъ повѣтахъ, наоборотъ, число пановъ беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ числомъ бояръ (75 и 22). Въ Польскомъ Подольѣ роль бояръ можетъ быть приписана только посессорамъ королевскихъ имѣній, которые въ украинныхъ повѣтахъ Подолья обязаны еще были службою замку; такихъ насчитывается здѣсь до 40 (при общемъ числѣ владѣльцевъ—до 200).—Личный составъ земледѣльческаго класса въ Литов-

¹⁾ См. перечисленіе имѣній мон. Николо-Пуст. въ Ак. Зап. Р., III, № 49; сл. ib. II, № 88, 110, 112, 233.

скихъ украинскихъ повѣтахъ въ пол. XVI в. указанъ уже нами выше при географическомъ обзорѣ повѣтовъ. По указаніямъ люстрацій во всѣхъ 6 повѣтахъ вмѣстѣ было тогда до 117 панскихъ и боярскихъ фамилій¹⁾. Изъ нихъ княжескихъ очень немного; именно въ Кіевскомъ и Житомирскомъ повѣтахъ только одна—кн. Сенскихъ, въ Каневскомъ двѣ—кн. Путивльскихъ и Капусты въ Черкасскомъ тоже двѣ—вн. Домонтовъ и Глинскихъ, въ Винницкомъ и Браสลавскомъ ихъ вовсе нѣтъ (если не считать утратившихъ княжескій титулъ Короткихъ и Козаровъ). Составъ панскихъ фамилій довольно пестръ: коренныя фамилія Кіевщины сосредоточиваются въ Кіевскомъ и Житомирскомъ повѣтахъ; это: Горностаи, Тыши, Волковичи, Сурины, Проскуры, Вороники, Стрыбыли, Немиричи. Въ южно-днѣпровскихъ повѣтахъ составъ ихъ совсѣмъ сбродный: часть ихъ выдвигается изъ мѣстныхъ бояръ, слугъ и мѣщанъ; таковы: Служки, Зубрики; часть состоитъ изъ пришлецовъ, именно изъ Польши: Келбовскіе (изъ В. Польши), Драбы; они получали на Украинѣ положеніе пановъ б. ч. чрезъ женитьбу на дочеряхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Наконецъ, значительная часть происходитъ отъ восточныхъ инородцевъ; такъ просьба кор. Сигизмунду въ 1546 о возстановленіи чести бояръ, опозоренной мнимымъ участіемъ ихъ въ бунтѣ черкасцевъ противъ старостъ, подана отъ имени слѣд. черкасскихъ бояръ: Ивана Зубрика, Берендея, Малываши, жидка Семашковича и Васки Ременя²⁾. Древнѣйшія землянскія гнѣзда нужно искать въ при-бужской украинѣ. Здѣсь есть и фамилія центральной Кіевщины: Кмиты, Горностаи; но большая часть принадлежитъ собственно Браславщинѣ. Здѣсь кромѣ стариннаго гнѣзда старорусскихъ владѣльцевъ, извѣстныхъ со временъ Витовта и Свидригайла³⁾, осталая масса землянъ обязана своими

¹⁾ Для Литовскихъ повѣтовъ показанія люстрацій будутъ дополнены ниже свѣдѣніями изъ источниковъ другого рода.

²⁾ А. Ю. и З. Р., II, № 127.

³⁾ См. Арх. Ю. Р., VII, т. I, № XI.—Мякулинскіе и Якушинскіе получили свои имущества отъ Витовта и Свидригайла, Шашкевичи—отъ Сем. Омельковича, Мелешки (Мелешковецъ)—отъ кн. Корецкого.

отчинами пожалованіямъ вел. кн. Александра и отчасти другихъ великихъ князей. Такъ братья Левко и Кондрать Тивоновичи получили с. Щорбовъ (близъ Погребищъ) отъ Александра. Вообще въ Браславщинѣ болѣе извѣстныя фамиліи были слѣд.: ¹⁾ Балабаны (владѣльцы Балабановки) Чурилы (Джурилы), Байбузы (Райгородка, Кропивны и Байбузовки), Кошки (включая Краснянскаго и Шпиковского), Шандеровскіе (Шандеровки и Тростянки), Мормилы (изв. съ 1533), Караческіе, Фашевскіе (вл. Цыбулева), Клѣшовскіе (вл. Тыврова и Дзвониhi), Булаи, Дешковскіе, Облинскіе, Галицкіе или Матѣйковскіе (всѣ послѣдніе получили фамиліи отъ соотвѣствующихъ имъ названій селъ). Важнѣйшія владѣнія были здѣсь: а) кн. Короткихъ, изъ которыхъ послѣдній въ родѣ Григорій Олехновичъ Коротко продалъ въ 1595 г. кн. Збаражскому свои обширныя владѣнія надъ Бугомъ и Собомъ (ключъ Ладыженскій); братъ его Богущъ Олехновичъ, такъ же не оставившій мужескаго потомства, передалъ свою часть дочерямъ, бывшимъ въ замужествѣ за Житынскимъ и Красносельскимъ. б) Слупицы, получившіе имущество отъ Витовта, владѣли обширнымъ краемъ отъ Лобачова до Батога и Бершады. За сдачу Браслава Девлетъ-Гирею въ 1551 г. Богданъ Слупица былъ признанъ измѣнникомъ и его имущества конфискованы и отданы кн. Заславскимъ. Но братъ Богдана Григорій (или Жданъ) и сынъ Семень успѣли возвратить себѣ эти имущества и подѣлили ихъ между собою. в) Кн. Козары (потомки Кости Кошиловнча, получившаго пожалованіе отъ Витовта и Яна—Альбрехта) владѣли Облиномъ, Пашковцами, Совранами, Бесѣдками, Карачовцами, Деренковцами, Кошиловцами, Олешковцами, Урвиживотами и Храпаками; документы ихъ сгорѣли въ Винницкомъ замкѣ и возобновлены кор. Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 г. ²⁾ Кромѣ упомянутыхъ, сюда проникали и богатые польскія фамиліи, благодаря щедрости королей, которые жаловали имъ замковыя

¹⁾ Дополняемъ здѣсь списокъ именъ, сообщаемыхъ листраціями. См. еще о Гопыстерпскихъ и Зьяновскихъ. Ак. Юж. и Зап. Рос. II, № 125 и 126.

²⁾ См. Kwiaty и Owoco (Руликовскаго). Wydał Jgnacy Trusiewicz. Kiów. 1870.

имущества; такъ нѣкоторое время здѣсь владѣлъ Язловецкій Сокольцемъ, Климятиномъ, Городищемъ, Вроновичами, Ружичемъ, Чижинцами, Вонячиномъ, Литиномъ, Микулиничами, Стрижавкою и Дешковцами ¹⁾).

Вообще Браславщина выдается изъ прочихъ украинскихъ земель Литовскаго государства какъ численностію, такъ и относительно богатствомъ своихъ частныхъ владѣльцевъ.

Не смотря на это, именно здѣсь былъ пріютъ для развитія класса землевладѣльцевъ другого рода, который мы назвали козацко-панскимъ. Козаки-паны на свой собственный рискъ заводили колоніи въ степяхъ и нерѣдко достигали громаднхъ успѣховъ. Такихъ въ Звенигородщинѣ и Браславщинѣ люстраціи насчитываютъ (какъ мы видѣли) 14 фамилій. Въ прочихъ повѣтахъ Литовской украины богатыхъ фамилій, которыя бы владѣли огромными пространствами и большимъ количествомъ крестьянъ, въ пол. XVI в. вовсе нѣтъ; въ наиболѣе панскомъ повѣтѣ Житомирскомъ самая богатая фамилія Вороничей владѣла въ 1545 г. 24 домами крестьянъ; между тѣмъ въ Браславскомъ въ 1552 г. наиболѣе крупнымъ владѣльцемъ былъ Кмитичъ, имѣвшій 141 домъ крестьянъ; изъ остальныхъ нѣкоторые владѣютъ 90, 75, и т. д. домами. Въ Черкасскомъ и Каневскомъ повѣтахъ у землевладѣльцевъ или вовсе нѣтъ крестьянъ, или самое ничтожное число ихъ (напр. 6 у кн. Путивльской). Вообще въ украинскихъ повѣтахъ Кіевщины въ пол. XVI в. частное землевладѣніе далеко еще не есть преобладающая форма въ социальномъ и колонизаціонномъ смыслѣ (оно гораздо болѣе развито въ сѣверныхъ повѣтахъ Кіевщины: Любечскомъ, Остерскомъ, Овруцкомъ, Мозырскомъ).

Напротивъ, въ повѣтахъ Польской украины частное землевладѣніе приняло широкіе размѣры еще со временъ Ягайла и Яна Альбрехта (о чемъ скажемъ подробнѣе ниже), подъ явнымъ влияніемъ искусственныхъ мѣръ. Установить точный перечень фа-

¹⁾ Лит. Метр., IV, 13, 8.

милій, владѣвшихъ именно въ украинныхъ повѣтахъ Подолья чрезвычайно трудно; поэтому приведемъ общій списокъ ихъ по цѣлому воеводству (не ручаясь за его полноту) за 1565 — 1569 годы.

А именно:

Посессоры коронныхъ имній:

Сѣнявскіе.	Кумановскіе.
Кердановскіе.	Березинскіе.
Сахно.	Солтаны
Июня.	Сковротки.
Стршемескіе.	Чеклинскіе.
Вороничи.	Добруховскіе
Згерскіе.	Писковскіе
Русановскіе.	Творовскіе.
Черленевскіе.	Добромирскіе.
Милецкіе.	Козаровскіе.
Коротки.	Каминскіе или Маржечки.
Жуковскіе,	Костисевскіе.
Кожуховскіе.	Мормузовскіе.
Понятовскіе.	Гусовскіе.
Бѣлокуры.	Елтухи.

Владѣльцы-собственники:

Гинторъ.	Горецкіе.
Збирковскіе.	Лестковскіе.
Доминиковскіе.	Карачовскіе.
Грабинскіе, иначе Сляковскіе.	Дьяковскіе.
Вержейскіе.	Поляновскіе.
Претфичи.	Гарниши.
Доманковскіе.	Коричовскіе.
Пясецкіе.	Васильковскіе.
Карачеевскіе.	Талафусы.
Вольскіе.	Ярмолинскіе.
Гербурты.	Чоханскіе.
Судковскіе.	Бучанкіе.
Ландскоронскіе.	Хочимирскіе.
Гронцкіе.	Бонки.
Корицкіе.	Колбусы.
Костшевскіе.	Залѣскіе.
Яцимирскіе.	Турскіе.
	Вильковскіе.

Радецькіє.
Володіївськіє.
Лоївськіє.
Сечехи.
Торськіє.
Семашко.
Добекъ.
Сверчи.
Сковородинськіє.
Шусовськіє.
Ясовськіє.
Поляновськіє.
Костюки (Кошуки?).
Чвикловськіє.
Ультриницькіє.
Марцинковськіє.
Васильковськіє.
Ольшовськіє.
Ожга.
Монастирськіє.
Гродецькіє.
Бернассовськіє.
Струси.
Езерковськіє.
Гослицькіє.
Кочминськіє.
Снитовськіє.
Мишковськіє.
Виталичовськіє.
Свирчовськіє.
Завадськіє.
Скотницькіє.
Селеховськіє.
Ясинськіє.
Пилавськіє или Подчашіє.
Винарськіє.
Войницькіє.
Игнатовськіє.
Подлївськіє.
Псарськіє.
Блудницькіє.
Берлинськіє.
Лосковськіє или Семаковськіє.
Кудеевськіє.
Надольськіє.

Чеплеевськіє.
Козноховськіє.
Куриловськіє.
Торлиновськіє.
Ивановськіє.
Кемличи.
Милановськіє.
Детрихи.
Зеленецькіє.
Воницьки (?).
Секержинськіє.
Черменськіє.
Подфиллипськіє.
Бѣганськіє.
Крепськіє.
Поляновськіє.
Незабытовськіє.
Сверчковськіє.
Закржевськіє.
Кн Вишневецкіє.
Мелецькіє.
Жоровецькіє.
Стржалковськіє.
Кедзерськіє.
Лабеты.
Сухоралпськіє.
Калиновськіє.
Лютонирськіє.
Сметанки.
Язловецькіє.
Гаворовськіє.
Плоскировськіє.
Ковальськіє.
Срочницькіє.
Кошуки.
Борзаківськіє.
Пруськіє.
Бориславськіє.
Щиборъ.
Виталчовськіє.
Ластовськіє.
Угриницькіє.
Чіолковськіє.
Зберковськіє.
Пилатовськіє.

Куровскіе.	Домбровскіе.
Малеївскіе.	Ярмолинскіе.
Якимовскіе.	Потоцкіе.
Горбовскіе.	Яшовскіе.
Свѣчинскіе.	Ходіевскіе.
Скальскіе.	Хометовскіе.
Добржинскіе.	Осмольскіе.
Бѣлецкіе.	Чацкіе.
Галицкіе.	Борщовскіе.
Костржевскіе.	Гойскіе.
Бухновскіе.	Кучовскіе.
Островскіе.	Творовскіе.
Лясовскіе.	Венжикъ (Vęzyk).
Войницкіе.	Харзовскіе.
Боровскіе.	Сулимы.
Лисогорскіе.	Буржинскіе.
Влодекъ.	Голинскіе.
Овсянговскіе.	Горайскіе.
Морозовскіе.	Людзнцкіе.
Ржечинскіе.	Епископія Кам. (7 сел.).

Не претендуя на безусловную полноту списковъ владѣльцевъ въ повѣтахъ литовскихъ и польскихъ, мы тѣмъ не менѣе въ правѣ сдѣлать совершенно безошибочный выводъ о громадномъ перевѣсѣ численности пановъ и земянъ въ Польской украинѣ надъ числомъ ихъ въ Литовской; выше уже было замѣчено, что въ западномъ Подольѣ (не входящемъ въ наши расчеты) сосредоточивалось крупное землевладѣніе и что главная масса владѣльцевъ толпилась въ восточныхъ — украинскихъ повѣтахъ Польскаго Подолья. Изъ приведенныхъ именъ очевидно здѣсь полное преобладаніе пришлаго польскаго элемента.

Для исторіи колонизаціи въ высшей степени важно знать, какимъ образомъ явилась эта масса владѣльцевъ, т. е. ознакомиться съ главными *источниками частнаго землевладѣнія*.

Какъ въ Литвѣ, такъ и въ Польшѣ основнымъ источникомъ землевладѣнія было *пожалованіе* государств. земель частнымъ лицамъ, въ Литвѣ преимущественно боярамъ мѣстныхъ замковъ. На

боярскую службу отдѣлялись участки земли съ глубочайшей древности; но это были или помѣстья, или краткосрочныя кормленія (напр. очередное годичное владѣніе волостями для бояръ Кіевской земли¹⁾). Мало по малу частныя права помѣщиковъ усиливались; съ дарованіемъ же недвижимыхъ имуществъ независимо отъ службы, бояринъ-помѣщикъ становился земляниномъ. Это есть главный и преобладающій источникъ, рѣшительно зависѣвшій отъ системы, усвоенной государствомъ. Въ центрахъ Литовскаго государства переходъ къ такой системѣ совершился весьма давно, во всякомъ случаѣ не позже XIV в., но для Украйны такой переворотъ наступилъ лишь съ конца XV в. При Казимирѣ IV положено было начало раздачи государственныхъ земель частнымъ лицамъ; усиливается она при Александрѣ и Сигизмундѣ; но, конечно, не доходитъ еще до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ послѣ уніи 1569 г.

Пожалованіе исходило или непосредственно отъ великихъ князей, или (чаще) являлось результатомъ *раздачи* замковыхъ сель *мѣстными воеводами и старостами*. Въ числѣ прочихъ мѣръ управленія замками, старостамъ принадлежала власть раздавать во временное пользованіе служилымъ боярамъ участки земли, для правильнаго отправленія службы. Чрезъ послѣдующія утвержденія вел. князей такія раздачи превращались въ пожалованія.

Кромѣ пожалованія и надѣла, надо указать, какъ на особый источникъ, на *захватъ* сель замковыхъ и городскихъ общинныхъ, часто узаконяемый послѣдующими грамотами.

Совсѣмъ другой родъ источниковъ землевладѣнія находимъ на самой южной окраинѣ степей; это *заимка* (оккупация) свободныхъ и пустынныхъ земель въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ Украйны. Такая оккупация долго обходилась безъ всякаго добавочнаго титула. Здѣсь можно видѣть чистый типъ землевладѣльческой колонизаціи.

¹⁾ См. наше изслѣдованіе: „Помѣстья Литов. государ.“ (Чт. въ Об. Нест. Лѣт., т. III).

Изложеніе исторіи возникновенія частнаго землевладѣнія на развалинахъ государственнаго и общиннаго, выходитъ за предѣлы главной темы настоящаго очерка. Для литовскихъ повѣтовъ считаемъ здѣсь возможнымъ привести лишь нѣкоторые примѣрные случаи; но относительно повѣтовъ Польскаго Подолья находимъ необходимымъ (на основаніи неизданныхъ документовъ) сгруппировать по возможности всѣ доступные намъ факты пожалованій, по особенной важности здѣсь землевладѣльческой колонизаціи.

Сначала приведемъ общую таблицу, показывающую взаимное отношеніе между числомъ селъ, сохранившихся при замкахъ въ пол. XVI в., и числомъ селъ, отошедшихъ отъ замковъ, по люстраціоннымъ актамъ.

НА ИМЕНОВАНИЕ ПО- ВѢТОВЪ.	Число замковыхъ селъ.		Села, отошедшія отъ замка.	
	населен- ныхъ.	пустыхъ.	церков- ныхъ.	свѣтскихъ владѣль- цевъ.
Кіевскій.	9	10	20	
Житомирскій (1545)		9	—	36
Каневскій (1552).	6	1	9	10
Черкасскій (1552)	—	—	—	7
Винницкій (1545).	3	—	—	29
Браславскій (1545)	—	—	—	36
Хмѣльницкій (1565)	8	—	—	21
Барскій (1565).	23	—	—	35
Каменецкій (1565)	2 ж. и 13 селъ.	—	—	36

Почти всѣ безъ исключенія, означаемыя въ люстраціяхъ села частныхъ владѣльцевъ и церковныхъ, были прежде замковыми, ибо селъ, не состоявшихъ ни въ какомъ отношеніи къ замку, люстраціи вовсе не касались. Въ люстраціяхъ польскихъ села этого рода прямо именуются „отошедшими отъ староства“. Но источники владѣнія б. ч. и прочихъ селъ, оставшихся за предѣлами люстра-

ціи были тѣже; только пожалованіе ихъ совершенно гораздо раньше и права владѣльцевъ успѣли вырасти до правъ собственниковъ-землянъ. Для указанія источниковъ правъ владѣльцевъ приведемъ данныя отдѣльно по повѣтамъ.

Выше было отмѣчено, что въ Житомирскомъ и Киевскомъ повѣтахъ многія села, принадлежавшія по люстраціи 1471 къ замку, состоятъ уже за панами по люстраціямъ 1545 и 1552 гг.; напр. въ 1-мъ изъ этихъ повѣтовъ отъ замка отошли сс. Романовъ, Коростышовъ, Ловковъ, Крошня. О Романовской волости, въ которой въ 1545 г. было до 80 службъ, люстраторы замѣчаютъ, что ее упростиъ себѣ „за пустое“ (т. е. ложно объявивши королю, что она пуста) староста Житомирскій п. Дмитрій (Кмита); потомъ владѣлъ сынъ его Богуфаль; но, по смерти его, жена его продала вн. Константину Острожскому; въ 1545 г. волость принадлежала женѣ вн. Ильи Острожскаго, которая держала ее къ Чуднову; жители жаловались, что для Житомира нѣтъ отъ этой волости никакой помощи и работы. Дворъ Коростышовъ выпросилъ себѣ у короля также „за пустое“ Крышт. Кмита¹⁾; а въ томъ дворѣ было 18 слугъ путныхъ замковыхъ, отъ которыхъ прежде шла служба, подати и сторожа на замокъ; а Кмита роздалъ Коростышевскія земли на дани и получалъ ихъ уже въ свою пользу. Сверхъ того къ Коростышову примыкала земля боярская Бѣликовщина; но Кмита вытѣснилъ боярина Бѣлика и лишилъ тѣмъ замокъ службы, слѣдовавшей съ той земли. С. Ловковъ выпросилъ себѣ Стецко Ворона, отецъ Запольскихъ, и посадилъ его на дани; а на замокъ также съ этого села уже нѣтъ ни службы, ни податей; мало того, „дѣти этого Ворона живутъ постоянно въ Хмельникѣ (т. е. въ границахъ другаго государства), а сюда въ Житомиръ приѣзжаютъ только затѣмъ, чтобы выбрать дань, которую и вывозятъ въ Хмельникъ; сами они никогда не защищаютъ Житомирскаго замка, а потому пользы отъ нихъ никакой нѣтъ“. Фольваркъ

¹⁾ Привил. 1499 г. въ Метр. Литов. (См. *Slown. geogr. król Polsk.*), гдѣ, однако, именуются два данника и ихъ товарищи.

замковый Крошню „выслужилъ Ивашко Ворона; въ этомъ фольваркѣ было 20 службъ въ пользу замка; а теперь ничего уже нѣтъ; Ворона посадилъ жителей на дани, которую себѣ беретъ, да еще вступается и въ бобровые гоны замковые, и захватилъ землю городскую служебную Кузмы Малаго, на имя Алексѣвщину, выдавая ее за принадлежность Крошни“. Селище замковое Скрылевцы Вас. Тышкевичъ отнялъ и присоединилъ къ своему Слободницкому замку. Выше былъ упомянутъ переходъ значительныхъ общинно-городскихъ имуществъ г. Житомира (В. и М. Жерделева) къ Лозовицкому. Въ этой исторіи отчужденія замковыхъ и городскихъ имуществъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что кромѣ пожалованія, хотя бы испрошеннаго неправильно, часто является на сцену и простой захватъ. О чистомъ захватѣ общинно-городской земли говоритъ грамота кор. Александра, данная по жалобѣ житомирцевъ (и внесенная въ люстрацію 1545 г.): „жаловались они (житомирцы) на боярина житомирскаго Онушка Калениковича, что онъ землю ихъ собственную и выходъ у нихъ отнялъ и житоми засѣялъ“¹⁾.

Всѣми такими способами уменьшались, какъ правительственные средства обороны замка, такъ и имущественныя средства городскихъ общинъ, безъ пользы для колонизаціи края. Житомирцы заявляли люстраторамъ, что они обнищали отъ непосильныхъ службъ; прежде, когда Романовъ, Коростешовъ, Ловковъ и Крошня принадлежали замку, то эти волости имъ помогали. „А потомъ, когда Менгли-Гирей царь завоевалъ городъ при кор. Казимирѣ, тогда господарь король, видя обѣднѣніе этого города и опустошеніе селъ, освободилъ мѣщанъ отъ стацій и подводъ; но грамоты на эту льготу погорѣли; а теперь-де мы горчаки, 40 или 50 чел., не только стацій и подводъ давать не можемъ, но и сами не имѣемъ чѣмъ питаться и чѣмъ кормить коней“. Въ 1545 г. вся городская община: бояре (замковые) и мѣщане, просила снова

¹⁾ Сл. жалов. грам. (видригайла на с. Бурковцы Каленику Мышовичу 1437 г. Ак. Юж. и З. Р., I, № 19.

тѣхъ же льготъ, „плачливе челомъ біючи“; если льгота будетъ дана, то „другіе многіе могутъ придти къ тому замку и осѣдать; а теперъ не хотятъ люди къ тому замку сходиться, и мы-де сами, при такой неволѣ, удержаться при томъ замкѣ не можемъ и пойдемъ всѣ прочь“¹⁾. Такіе отрицательные результаты для колонизаціи имѣла раздача общинныхъ земель частнымъ лицамъ.

Выше было упомянуто, что люстрація Кіевского повѣта умалчиваетъ о частныхъ свѣтскихъ владѣніяхъ; но изъ фрагментарныхъ указаній актовъ узнаемъ о нѣсколькихъ дворянскихъ гнѣздахъ въ этомъ повѣтѣ во 2-й пол. XV и въ 1-й полов. XVI в.

Еще кн. Олелько и кн. Семенъ пожаловали кн. Богдану Глинскому въ Олевской волости с. Бобровое и въ Завской волости—Голубѣевъ; кор. Александръ подтвердилъ это пожалованіе въ 1495 г. Сверхъ того, отецъ Богдана купилъ с. Некраши на р. Красной въ Кіев. повѣтѣ и Жукинъ на Деснѣ. С. Жукинъ, послѣ измѣны Глинскихъ, было пожаловано въ 1552 г. кор. Сигизмундомъ Ольбрехту Гапштолду²⁾. Ивану Дашкевичу Глинскому кор. Александромъ были пожалованы: Ставокъ („въ Житомирѣ“) и подлѣ Кіева—Гостомль, а также данники въ Загальцахъ и Запрудичахъ³⁾. Упомянутый Богданъ Ѳед. Глинскій владѣлъ, сверхъ того, с. Гатнымъ, которое въ 1500 г. записалъ мон. Николая Пустын.⁴⁾ Ивану Глинскому въ Олевской волости принадлежало с. Сущаны, которое, послѣ измѣны Глинскихъ, было пожаловано королемъ кн. Ѳедору Ив. Корецкому⁵⁾.

Кромѣ татаръ Глинскихъ, владѣли здѣсь и другіе татарскіе роды; такъ толмачъ Султанъ Албѣевъ въ 1509 г. продалъ монастырю Николо-Пустынному Полукнязевскую землю, тянувшую къ Халепью противъ Кіева за Днѣпромъ⁶⁾.

¹⁾ Арх. Юг. Р. Ч., VII, т. I., № XVII.

²⁾ Ак. Юж. и З. Рос., I., № 129, 158 и 72 (въ актѣ № 122 вк. Бобровое, стоятъ Боровое).

³⁾ Ibid., № 171.

⁴⁾ Ibid., № 178.

⁵⁾ Ак. Зап. Р., II, № 37.

⁶⁾ Ак. Южн. и Зап. Рос., I, № 48.

Обширныя владѣнія Евст. Дашкевича въ Кіев. повѣтѣ достались сестрѣ его, а потомъ дочери ея—женѣ Олизара Волчковича (1536); это именно: сс. Жебровичи, Волевщина, селище Лука на Раставицѣ, Носовъ на Каменицѣ¹⁾. Сигизмундъ I пожаловалъ Филону Армянину селище Пустовское въ Бѣлогородскомъ десяткѣ Кіевского повѣта, а землянину кіевскому Васку Жеребятичу тотъ же король пожаловалъ селище Чатаново въ Милославичахъ²⁾.

Села, принадлежавшія другимъ фамиліямъ, сидѣли отдѣльными группами, или оазисами среди окружающихъ степей и лѣсовъ, въ слѣд. мѣстахъ: въ низовьяхъ р. Стугны-Триполье (имѣвшее тогда 6 чел. населенія) было пожаловано кор. Александромъ кіевскому боярину Данилу Дѣдковичу, родоначальнику Трипольскихъ, по ходатайству кіев. воеводы кн. Дм. Путятича; потомъ хотя Триполье было обратно взято на замокъ, но, по приказанію кор. Сигизмунда, возвращено въ 1542 г. сыну Данила Василию. На низовьяхъ же Стугны утвердились зладѣнія Юршевичей, именно *Обуховъ*. Еще Свидригайло, между 1430 и 1436 г., пожаловалъ Станку Ганковичу Юршѣ землю между рѣками Лукавицею (нынѣ Кобриноу), Красною, Бобрицею, Стугною и Гороховатою съ населенными мѣстами: Лукавицею съ городищемъ (нынѣ Обуховъ), Веприноу, Хворошней и Глевакой (Германовка). Юрша былъ старостой Лудкимъ потомъ Браславскимъ и воеводою Кіевскимъ. У сына его Ивашка Юршина, намѣстника Владимірскаго, Кіев. князь Александръ Владиміровичъ отнялъ было эти имѣнія, но возвратилъ ихъ по приказанію в. кн. Казимира. На единственной дочери Ивашка Юршина женился Олехно Монвидъ Дорогостайскій и получилъ за нею упомянутыя имѣнія въ качествѣ „пустыхъ селищъ“ (это было уже послѣ нашествія Менгли-Гирея); отъ сына его Петра (бывшаго кухмистромъ Литов. въ 1499 г.) владѣнія по Стугнѣ получили названіе Кухмистровщины. Потомки его въ 1556 г. подѣлились между собою, и Кіевскія владѣнія

¹⁾ Ак. Юж. п Зап. Рос. I, № 117.

²⁾ Ibid, II, № 124.

(„Кухмистровщина“) достались на долю Яна, правнука Монвидова. Малолѣтній сынъ его Павелъ попалъ въ опеку къ дядѣ Петру и былъ посланъ за границу учиться. Когда распространился слухъ, что онъ тамъ умеръ, то дядя продалъ Кухмистровщину кн. Константину Острожскому, при которомъ вновь заселились мѣста по Стугнѣ, а именно: Васильковъ, Перегоновка, Деремежня, Красна, Глевака (Германовка) и, на мѣстѣ древней Лукавицы, Обуховъ, названный будто бы по имени Обуха—крестьянина, жившаго на Лукавицѣ, но, по опасности отъ татаръ, переселившагося на другую сторону рѣки ¹⁾).

Древніе *Гуляльники* въ нач. XVI в. были пожалованы кор. Александромъ Филиппу Ивашковичу (Ивашковичи, по словамъ Руликовскаго, были Кіевскіе армяне). Достовернѣйшая исторія, впрочемъ, начинается лишь съ 1560 г., когда Кіев. воевода кн. Острожскій, распоряжается Гуляльниками опять какъ замковымъ имуществомъ и отдаетъ ихъ нѣкому Мотовидлу на „осаdstво“; заселеніе дѣйствительно совершилось и мѣстность прозвана новымъ именемъ Мотовиловки. Но она вновь запустѣла и снова отдана, въ качествѣ пустыни Яну Аксаку, подвоев. Кіев., уже въ 1595 ²⁾).

Другія дворянскія гнѣзда помѣщаются на Унавѣ и Ирпени; здѣсь сидѣли потомки Семена Полоза, влючника Кіевскаго, который получилъ пожалованіе отъ кор. Александра въ 1499 г. Ему и его потомкамъ (Харленскимъ) принадлежали здѣсь, *Бышовъ*, *Гостомъ* и *Витачовъ*. Фамилія Полозовъ скоро угасла; но ея женская линія связала эту фамилію съ Кмитами. Тому же Полозу было пожаловано *Хабное* въ Завшской волости (т. е. Заушѣ, мѣстности за р. Ушею). Ивану Полозовичу принадлежали: о—въ Кучуковъ на Днѣпрѣ, бортная земля Мутишинская на Трубежѣ, которая „держится своимъ знаменемъ, судеревь съ пана Яцько-

¹⁾ См. Słown. geogr. król. Polsk. подъ словомъ Obuchow; сл. Wolf. „Senator. i Dygnit.“ Str. 231, 243 и др.

²⁾ См. Słown. geogr. krol. Polsk.—Motowidłowska. Аксакъ старая овруцкая фамилія происходила отъ Федора Аксакъ, который въ 1517 г. владѣлъ уже Норинскомъ.

вою землею Лозкиною и съ Остролучаны“. Эти имѣнія Полозовичъ въ 1517 г. записалъ м-рю Пустынному ¹⁾).

Въ 1555 г. кн. Пронскій, воевода Кіев., отдалъ замковыя селища *Ходорковъ* и *Кривое* (на Ирпени) Оедору *Тышъ*, „боярину Кіев., слугѣ господарскому пограничному“. Это владѣніе впослѣдствіи разрослось на всю окрестность, а въ центрѣ его—Ходорковѣ явился замокъ новаго обширнаго дворянскаго гнѣзда Тышей-Быковскихъ; около замка кристаллизовалась мѣстная колонизація.

Мѣстность на Ирпени и Унавѣ, около *Фастова*, попала въ срединѣ XVI в. во владѣніе нѣкоего Андрея Макаровича Ивашенцевича, который владѣлъ здѣсь *Рутю* и *Глѣбовымъ* на Ирпени; захвативъ зѣмли Фастова, онъ ок. 1560 г. заложилъ ихъ за 15 широкихъ руб. Кіев. католическому бискупу Николаю Папу, что потомъ послужило началомъ большихъ владѣній Кіевской католической кафедр. Здѣсь встрѣчаемъ интересный примѣръ столкновенія двухъ источниковъ землевладѣнія—захвата и пожалованія и побѣды перваго надъ вторымъ: тѣже Фастовскія имѣнія были пожалованы въ 1568 г. нѣкому Богушу Гулькевичу, который, однако, долженъ былъ по суду уступить ихъ бискупу (Як. Воронецкому). Преемникъ этого бискупа, кн. Збаражскій — Верещинскій польскими писателями изображается, какъ колонизаторъ и устроитель тѣхъ пустынь; онъ, владѣя, кромѣ Фастова, Глѣбова и др., еще *Черногородкою*, основалъ здѣсь и въ Фастовѣ замки и далъ отпоръ цѣлой Крымской ордѣ подъ предводительствомъ самаго хана. Впрочемъ, это случилось уже въ 1593 г.

Мѣстность замковаго села *Демидова* на Ирпени въ началѣ XVI в., именовалась Хоминщиной будто бы отъ Хомя осочника, жившаго тутъ; онъ и его товарищъ Бачило были первыми колонизаторами мѣста этого, такъ что къ 40-мъ годамъ XVI в. село Демидовъ уже существовало и имѣло 17 человекъ. Въ 1571 г. это село отдано королемъ Яну Быстриковскому, потомъ (1583 г.)

¹⁾ Ак. Юж. и Зап. Рос., I, № 66.

попало во владѣнія кн. Острожскому, при которомъ на Демидовскихъ земляхъ возникъ Дымеръ.

Въ 30-хъ годахъ XVI в. находимъ указанія на владѣнія Черкасскихъ бояръ Грынковичей въ Радостовѣ надъ Быстрикомъ, въ Остапковѣ, надъ рѣками Раставицей, Гуйвой и Гуевкой, именно: *Быловъ, Остапковцы, Лъсуновцы, Новоставки и Черемошную* ¹⁾).

Неумѣренная раздача коронныхъ имуществъ въ Киевскомъ повѣтѣ при Александрѣ и Сигизмундѣ I совершалась не столько самими королями, сколько мѣстными воеводами, къ великому ущербу благосостоянія городской общины, такъ что въ 1523 году городъ Киевъ обратился съ челобитною къ королю о прекрѣпленіи такихъ дѣйствій. Король, удовлетворяя жалобѣ горожанъ, прислалъ грамоту къ Киев. воеводѣ Андрею Немиричу ²⁾). Но это отнюдь не воспрепятствовало самому королю и его преемникамъ быть расточительно щедрыми къ своимъ слугамъ на счетъ госуд. имуществъ.

И въ другихъ украинскихъ повѣтахъ развитіе частнаго землевладѣнія происходило изъ тѣхъ же источниковъ. Вездѣ мѣстные старосты прежде всего приобрѣтали себѣ на мѣстѣ лучшія части замковыхъ имуществъ; были случаи перехода въ частное владѣніе мѣстныхъ державцевъ цѣлыхъ повѣтовъ съ ихъ замками; такъ въ 1566 г. король пожаловалъ державцѣ Чернобыльскому Филону Кмитѣ замокъ *Чернобыль* въ замѣнъ его Винницкихъ имѣній (Литина и др. ³⁾).

Въ южныхъ замкахъ старосты особенно ревностно раздавали государственныя земли мѣстнымъ боярамъ и церквамъ. Такъ въ Каневскомъ пов. важнѣйшее изъ селъ *Терехтемирово* отдано королемъ мѣстному старостѣ Евст. Дашкевичу, а отъ него монастырю Печерскому; с. *Колтычаево* было замковое, но послѣ смерти Дашкевича досталось мон. Пустынному (очевидно, будучи предварительно

¹⁾ Частн. копія Смѣлянскаго архива.

²⁾ См. Ак. Юж. и Зап. Рос., т. II, № 108, стр. 182. Сл. пожалованіе, данное воеводою Андреемъ Немиричемъ Николо-Пустынному монастырю на о-въ Трухановъ въ Ак. Юж. и З. Р., I, № 98.

³⁾ Źródła, Malinowskiego, II, str. 322.

пожаловано старостѣ); селище *Кононче* отдано кн. Корецкимъ монастырю Пустынскому; село замковое *Ождилово* отдано дворянину Ельцу. Раздача мѣстнымъ боярамъ, впрочемъ, не означала здѣсь полнаго отчужденія имуществъ; бояре продолжали служить зѣмку въ видѣ повинности съ даннаго имущества; но обыкновенно уже въ другомъ поколѣніи бояринъ становился земляниномъ, успѣвая освободиться отъ служебныхъ обязанностей къ зѣмку, при помощи великокняжескаго пожалованія. Такъ исчезали зѣмковыя имущества: въ самыхъ южныхъ повѣтахъ, именно въ Черкаскомъ и Браславскомъ вовсе нѣтъ зѣмковыхъ селъ, а въ Винницкомъ лишь 3.

Частное землевладѣніе въ Черкаскомъ повѣтѣ извѣстно со временъ Глинскаго, т. е. съ княженія в. кн. Витовта: „къ вел. кн. Витовту Кестутьевичу пріѣхалъ служить татаринъ кн. Ленса, да крестился, и по крещеніи имя ему Александръ, а отчина у него была *Глинскъ*, да *Глинщина*, да *Полтава*. А у кн. Александра сынъ кн. Иванъ, а у к. Ивана дѣти: кн. Борисъ, да кн. Оедоръ, да кн. Семенъ. А у кн. Бориса дѣти: кн. Левъ, да кн. Василей, да кн. Иванъ Великой“¹⁾. Потомки этихъ Глинскихъ кн. Богданъ и Григорій Оедоровичи—братья въ 1498 г. подѣлили между собою свои Черкаскія владѣнія (*Глинскъ*, *Бѣльскъ*, *Ворсклѣ* и иные сѣверскія вотчины) такъ: Богдану досталась Сѣверъ-Сульская страна и р. Сула съ верху до устья, а Григорію досталась Сѣверъ-Глинщина, и въ Ворсклѣ (sic), и Мерля рѣчка съ верху до устья; а на рѣчки Удой-Сѣверъ и городище *Полтвинъ* и рѣчка Куренка²⁾. Сестра Юрія Глинскаго Аграфена, вышедшая замужъ за Байбузу около 1537 г., наслѣдовала имѣнія Глинскихъ на Ворсклѣ и Глинщину, а затѣмъ уступила ихъ въ 1550 г. зятю своему Михаилу Ивановичу Грибунову³⁾. Владѣніе Байбузъ на Ворсклѣ продолжалось и послѣ уніи 1569 г. Въ 1579 г. между ними и Келбовскими

¹⁾ Родословная кн., изд. во Врем. О. И. и Др. Р., кн. X, стр. 84.

²⁾ Дворц. Разряды, т. II., стр. 900.

³⁾ Ibid.

возникъ споръ о правѣ на Глинскъ и Ворсклу. Затѣмъ (въ концѣ XVI в.) Глинскъ, Бѣльскъ и земли по Ворсклѣ перешли къ Проскурамъ ¹⁾. Обширныя владѣнія Глинскихъ по Ворсклѣ, Сулѣ и Удаю, хотя въ люстраціяхъ и рисуются преимущественно пустынными, но въ 70-хъ и 90-хъ годахъ XVI в. населеніе въ этихъ вотчинахъ было; и именно не пришлое, не вновь явившееся тогда (чрезъ призваніе со стороны новыхъ владѣльцевъ); оно именуется въ актахъ „севрюками“: Польскіе паны въ 1638 г. предъявляли московскимъ боярамъ: „листъ кн. Мих. Вишневецкого, старосты Черкасаго (1570, нояб. 15), который вызволяетъ севрюковъ Байбузиныхъ Ворскольскихъ отъ податей всякихъ городовыхъ“, и „листъ судебный межъ севрюками Ворскольскими п. Проскуриными и п. Байбузиными вотчины ихъ на Ворсклѣ“ (1590, іюля 14 ²⁾).

Еще кн. Семень Олельковичъ пожаловалъ *Мошны* боярину Ершевичу: „а въ томъ его именіи люди были ясачные, къ Червасамъ служили ясачную службу, а тыми разы тыхъ его людей поганьство татарове побрали, а иншіи до Черкасъ пошли“. Сынъ Ерша Васко Ершевичъ билъ челомъ в. кн. Александру, „абыхмо ему дозволили въ томъ его имѣніи людѣ садити за ся“. В. князь жалуетъ его и приказываетъ Черкаскому намѣстнику Кмитѣ Александровичу, чтобы онъ людей, которыхъ осадитъ Ершевичъ, „въ ясачную службу не вернулъ и далъ имъ впокой; нехай они ему служатъ по тому, какъ и въ иншихъ боярѣ Кіевскихъ люди господаромъ своимъ служатъ“ ³⁾. Изъ люстрацій мы уже знаемъ, что Мошны въ пол. XVI в. принадлежали частію Морозовичамъ (къ Канев. повѣту), частію кн. Домонтамъ (къ Черкаскому).

Примѣромъ развитія частновладѣльческихъ правъ на государственныхъ имуществвахъ можетъ служить исторія с. *Климатина* въ Черкаскомъ пов.: оно первоначально дано было только „въ

¹⁾ Ibid. стр. 901.

²⁾ Ibid. стр. 901.

³⁾ Изъ Метр. Лит.; см. Słown. geogr. królew. Polsk. подъ словомъ „Moszny“.

держанье“ Кіевскому боярину Еску Костеничу; когда этотъ послѣдній умеръ, не оставивши сыновей, то вдова его продолжала держать имѣніе, вышедши замужъ за нѣкоего кн. Смагу; очевидно, второй мужъ отправлялъ службу за это имѣніе. Но по смерти этихъ новыхъ супруговъ, держаніе, хотя и перешло къ дочери, однако признавалось незаконнымъ, и Кіевскій бояринъ Пращовскій считалъ себя въ правѣ просить себѣ это имѣніе, какъ выморочное; воевода Кіевскій Юрій Ходкевичъ не призналъ почему-то нужнымъ удовлетворить притязаніямъ Пращовскаго и „привернулъ“ село къ Черкаскому замку. Въ такомъ видѣ дѣло оставалось до 1510 г., когда кор. Сигизмундъ I пожаловалъ Климятинъ Михаилу Павшѣ, а этотъ въ 1512 г. записалъ его мон. Николая Пустыннаго, что утвердилъ и король въ 1514 г.¹⁾

Въ Звенигородщинѣ, до опустошенія ея, были свои боярскія фамиліи, владѣвшія здѣсь преимущественно на основаніи пожалованій в. кн. Александра. Такъ здѣсь была фамилія Васкевичей; но когда Федько Васкевичъ былъ убитъ татарами, не оставивши наслѣдниковъ, то в. князь въ 1502 г. пожаловалъ второму мужу его вдовы Грынеу Васкевичу имѣнія его: *Мливео*, *Орловици* и *Линчинцы* (Илинцы?). Не имѣя дѣтей муж. пола жена Грынка, въ 1531 году, передала упомянутыя имѣнія и сверхъ того болото Рденское (а также имѣнія въ Кіевскомъ повѣтѣ) зятю своему Ивану Зубриковичу. Передача сдѣлана за позволеніемъ Кіевскаго воеводы Андрея Немировича и въ 1533 г. утверждена королемъ. При этихъ передачахъ Зубрики, которыхъ Черкашене называютъ мѣщанами (разумѣется не безъ основанія), захватили и укрѣпили за собой значительную часть общинныхъ городскихъ имуществъ, въ частности болото Рденское (извѣстную Ирдынь), пасѣки и уходы. Въ 1540 г. городъ возбудилъ тяжбу о томъ, ссылаясь на старожильцевъ; Зубрикъ, съ своей стороны, утверждалъ, что то держали его предки еще при кор. Александрѣ; воевода Анд. Немировичъ

¹⁾ Ак. Юж. и Зап. Рос., I, № 57, 59 и 71.

рѣшили въ пользу Зубрика, а король въ 1541 г. утвердилъ его декретъ. Споръ возобновился въ 1555 году и рѣшили его королевскій комисаръ Вацлавъ Миколаевичъ съ Черкасскимъ старостою Іозефомъ Галецкимъ, въ присутствіи игумена и двухъ братій Никольскаго Пустыннаго монастыря, земянъ черкасскихъ кн. Василя Домонта и Михаила Грибуновича и земянина овручскаго Ивана Философовича. Мѣщанѣ утверждали, что Зубрикъ „забраняетъ ихъ уходы на землѣ *господарской спольной ихъ мѣйской Черкасской*“. Декретъ опять состоялся не въ пользу города; иного исхода и нельзя было ожидать при главныхъ судьяхъ—полякахъ, для которыхъ городское владѣніе имѣніями въ повѣтахъ было уже дѣломъ непривычнымъ и удивительнымъ. Въ 1561 г. Вас. Зубрикъ передалъ имѣнія свои Мглѣвъ, Родивоново, Орловичи, Илинчицы (sic) и болото Рденское зятю своему Филону Балаверу, „земянину Мозырскому“ ¹⁾.

Так. обр., „государственная общинно-городская земля“ переходила въ частныя руки безъ видимой пользы для колонизаціи.

Въ при-бужскихъ Литовскихъ повѣтахъ, какъ уже замѣчено, частныя владѣнія возникали и путемъ свободной оккупаціи; но громадное значеніе королевскаго пожалованія видно и здѣсь изъ приведеннаго выше факта внѣдренія Язловецкихъ въ Браславщину, овладѣвшихъ было здѣсь всѣми замковыми имуществами. Однако, раздача при-бужскихъ имѣній владѣльцамъ-полякамъ встрѣчала еще въ пол. XVI в. отпоръ и протестъ со стороны представителей Литовскаго государства: такъ въ 1538 г. Литовскій сеймъ, въ числѣ другихъ жалобъ, послалъ Сигизмунду I протестъ противъ пожалованія замковаго села Вонячина „нѣякому слежаку“ (силезцу) Претвичу (т. е. знаменитому Барскому старостѣ), „какъ будто бы это село принадлежало коронѣ Польской“. Оказывается, что это село прежде принадлежало Евст. Дашкевичу, но по смерти его взято на замокъ и отдано Сигизмундомъ королевѣ Бонѣ, которая

¹⁾ Частныя копіи Смѣлянскаго архива.

дала его „во временное держанье“ Претвичу; такъ заявлялъ король, оправдываясь предъ сеймомъ ¹⁾).

Впрочемъ, въ началѣ XVI в. частныя владѣнія находились еще въ зависимости отъ государственной власти; мѣстные правители не только жаловали, но и отнимали ихъ произвольно; такъ сс. Выперсовичи, Пятничаны и Остолопоу находились издавна во владѣніи предковъ нѣкоего Миска Степановича. У которыхъ отнялъ ихъ Кмита Александровичъ; но король Александръ приказалъ возвратить ихъ владѣльцамъ, а Сигизмундъ I подтвердилъ это распоряженіе въ 1510 г. ²⁾).

Развитіе землевладѣнія въ Польскомъ Подольѣ, при помощи указаній неизданныхъ матеріаловъ метрики ³⁾), можетъ быть представлено въ слѣд. данныхъ, относящихся только къ повѣтамъ Каменецкому, Барскому и Летичевскому ⁴⁾:

При кор. Ягайлѣ были пожалованы: Кучкова (1433), Мельница и Свиняче (1421—Витовта и подтв. Владислава 1439), Ольховецъ и Михаловцы (1403), Княжа — Лука (1408), Сапановъ (1428), Тлусте (1418), Багриновцы (1428), Новая Руда (1422), Карачинцы (1431), Шаржинцы (?) (1431), Шаравка (1431), Балвановцы (1431), Кумановъ (1434), Сатановъ, Яблоновъ и другихъ девять селъ (1434), Степанковцы (1431) и др. При преемникѣхъ Ягайла до Казимира (1447 года) пожалованы: Вербовецъ и Литновцы (1439 и 1442), Куржелево (?) (1437), Баховица и Киптинцы (1439), Просятковъ (1441), Михалово сельце и сельце Миколаево (1439), Волковичи (1442), Окуневцы и Воеводинцы (1444), Хребтеѣвичи (1436), Василевцы (1441), Чермна и Окнинъ (1442 и 1514), Чернокунцы и Юкашовцы (1440), Лехновцы (1441), Юрковцы

¹⁾ Ак. Юж. и Зап. Рос., I, № 101, стр. 101.

²⁾ Ак. Южн. и Зап. Рос., II, № 100.

³⁾ Лит. Метр. Кн. Переп., В, № 8 и 17. Свѣдѣнія представлены въ 1564 г. по поводу ревизіи правъ на землевладѣніе.

⁴⁾ Болѣе древними данными дополняемъ свѣдѣнія, сообщенныя въ первомъ нашемъ очеркѣ исторіи колонизаціи.

(1441), Ушица (1436), Супрунковцы (1436), Сребрна (1442), Туровцы и Голосковъ (1440), Ломази на р. Лядавъ (1448), Бахлинъ и Сербовцы (1442), Короулъ на Днѣстрѣ (1442), Лопушно (1442), Супрунковцы (1440 и 1443), Печарно и Бласковицы (отъ Витовта), Гугринъ (отъ Витовта), Черный Островъ (отъ Витовта), Плоскировъ (отъ Владислава и Казимира), Агдашевъ (1448). Наконецъ, развитіе частныхъ землевладѣльческихъ притязаній дошло до того, что нѣкто Христофъ Ласовскій представилъ въ 1564 году грамоты Владислава Ягайла и королевы Ядвиги дѣдичные (съ правомъ потомственнаго владѣнія) на всю землю *Подольскую* и мандатъ того-же короля къ Подольской шляхтѣ *de praestanda obedientia*. Такъ какъ претендентъ не могъ объяснить ревизорамъ, когда и какъ Подольская земля перешла опять во власть короля, то ревизоры признали его грамоты ничтожными; однако, онъ апеллировалъ къ королю, но тщетно; чтобы такая претензія не показалась слишкомъ странною или вполнѣ нелѣпою, напомнимъ, что Бучацкій имѣлъ грамоты Владислава и Казимира на весь Червоногородскій повѣтъ, а Струсь—грамоты Владислава-Ягайла, Владислава Варнскаго и Казимира на всѣ Хмельницкія пустыни.

Дальнѣйшее развитіе землевладѣнія при королѣ Казимирѣ видно изъ слѣд. примѣровъ: между 1447 и 1492 годами были пожалованы слѣд. имѣнія на Подольѣ: Лѣсковцы (1461), Трубчинъ и Свиныче (1458), Песче (?), Каменна, Княжа, Новаковцы (1470), Борисово Дворище (1458), Вѣчинцы на р. Ушицѣ (1456), Карповцы (1453). В. кн. Александръ пожаловалъ: Макаровъ Татарскій (1502), Войсиновичи и др.. Сигизмундомъ 1-мъ розданы: Петничаны, Семановцы, Мичковцы, Подгорье, Мукаровъ, Позноховъ, Недведевъ (1527), Лодыжинцы, Черленевцы, Русановичи, Свѣчна, Карачева Лука, Давидковцы, Рогозно, Свидеревъ, Багриновцы, Березаны, Мартиновичи, Кнегининъ и др. При томъ-же королѣ королева Бона роздала: Голузинцы, Козеровцы, Черновцы и др.. Сигизмундомъ-Августомъ пожалованы: Криничца, Семяковцы, Селище, Хлудовцы, Немирчи, Городище или Стар. Триховцы, Кочановка, Предзивничка, Керда-

новцы, Иковля, Гермаки, Доброшевцы, Ивановцы, Гербовцы, Кумановцы, Внучковцы, Маркушовичи, Снетовъ, Калинин, Борокъ, Камѣнка, Зембовицы, Куриловцы, Марковцы, Субутинцы, Гумянцы, Сушинъ, Улановъ.

Въ раздачѣ Подольскихъ земель участвовали и Литовскіе великіе князья въ тѣ времена, когда они овладѣвали цѣлымъ Подольемъ. Уже выше упомянуто было имя Витовта при раздачѣ нѣсколькихъ селъ. Въ 1438 г. Свидригайло пожаловалъ села Бѣликовцы и Слободку въ Летичевскомъ повѣтѣ Григорію Стреченевичу ¹⁾. Изъ дѣла объ обмѣнѣ Язловецкимъ своихъ Браславскихъ имѣній на Подольскія (дѣла, представленнаго ревизорамъ 1564), оказалось, что одно изъ этихъ имѣній Коссовъ было пожаловано Свидригайломъ кн. Черниговскимъ. И здѣсь раздавали не только государи, но и мѣстные власти—воеводы и старосты, напр., Бучацкій (Березну Чеплеевскому, Шаравку Претвичу ²⁾ и т. д.).

Так. обр., безошибочно можно утверждать, что за весьма незначительными исключеніями, вся масса частныхъ владѣній возникла чрезъ пожалованіе и захватъ государственныхъ имуществъ.

Что побуждало великихъ князей и королей къ такой раздачѣ? Почему государственная власть не могла воспользоваться сама громадными средствами своими и общинными для блага, защиты и колонизаціи украинъ?

Побужденія къ тому были не совсѣмъ одинаковы для Литвы и Польши.

Въ Литвѣ, кромѣ подражанія польскимъ государственнымъ порядкамъ, могли дѣйствовать слѣд. соображенія: для центрального правительства несомнѣнно было выгодно образовать изъ землевладѣльцевъ большую подвижную армію, которую можно было двинуть къ какимъ угодно границамъ, что особенно было важно во время роковой борьбы съ Московскимъ государствомъ. Мѣстные

¹⁾ Ак. Юж. и Зап. Рос., т. I, № 20.

²⁾ См. стр. 202.

ополченія городскихъ и сельскихъ общинъ совершенно не годились для этой цѣли и никуда не употреблялись, кромѣ защиты своей мѣстности и погони въ ближайшихъ степяхъ. Какую огромную важность для правительства имѣло это обстоятельство,—показываетъ военная перепись 1565 года ¹⁾, по которой въ Кіев. повѣтѣ отмѣчено только два владѣльца, способныхъ явиться въ войска съ извѣстнымъ числомъ коней и драбовъ; а въ Волынской землѣ около 200 такихъ ополченцевъ, кромѣ князей и пановъ.

Быть можетъ при этомъ имѣлись также въ виду и колонизаціонныя цѣли; быть можетъ правительство желало разсадить между немногими королевскими замками массу мелкихъ частныхъ замковъ и привлечь подъ защиту ихъ сельское крестьянское населеніе. При этомъ къ дѣлу защиты страны привлекалась частная инициатива, дѣйствующая не на счетъ государства.

Въ актахъ Литовскаго государства эта цѣль не выражена ясно. Для повѣтовъ же Польскаго Подолья справедливость требуетъ признать, что колонизаціонный мотивъ занималъ видное мѣсто среди побужденій къ раздачѣ коронныхъ имуществъ. Напр. въ Хмельницкомъ повѣтѣ м. Улановъ было пожаловано Македончикамъ съ цѣлію „населять пустыню Улановъ, на шляху татарскомъ, надъ потокомъ Синеводою“; затѣмъ когда они не смогли этого исполнить, то промѣняли Улановъ Сѣнявскому, воеводѣ Русскому, который успѣлъ основать замокъ и населить мѣстечко ²⁾. С. Окнинъ въ Каменецкомъ повѣтѣ было отдано кор. Сигизмундомъ Мацѣю Редецкому съ цѣлію заселенія; но владѣльцы не могли этого исполнить ³⁾. Пожалованіе иногда обусловливается именно тѣмъ, чтобы село было заводимо „на пустынь“ ⁴⁾.

Но указанные мотивы могли быть и здѣсь только второстепенными; главнымъ-же было, очевидно, побужденіе политическое,

¹⁾ Арх. Ю. З. Р., VII, I, № XXIII.

²⁾ См. стр. 163.

³⁾ См., стр. 192.

⁴⁾ См. стр. 207.

вполнѣ ясно обнаруживающееся въ люстраціяхъ 1565 года; такъ люстраторъ Хмельницкаго повѣта, приступая къ перечисленію селъ, отошедшихъ отъ замка, замѣчаетъ, что „эти села недавно розданы королемъ его м. извѣстнымъ панамъ и шляхтичамъ *польскимъ*, которые и держатъ ихъ по привилегіямъ, предъявленнымъ на Варшавскомъ сеймѣ“¹⁾). Почему въ русской украинѣ имѣнія раздаются именно полякамъ, когда, разумѣется, было не мало охотниковъ и изъ русскихъ получить ихъ? Отвѣтъ ясенъ.

Но каковы бы ни были побужденія, руководившія великими князьями Литовскими и королями Польскими при раздачѣ земель въ частныя руки, результаты колонизаціи не увѣнчали ихъ успѣхами. По люстраціямъ въ пол. XVI в. во всѣхъ 6 украинскихъ Литовскихъ повѣтахъ было лишь 206 селъ и въ нихъ крестьянъ 1088 домовъ, т. е. 5440 душъ (изъ нихъ 195 приходится на замковыя села); эти цифры могутъ быть повышены, но не болѣе какъ вдвое. Въ Польской Украинѣ (благодаря болѣе полнымъ даннымъ тарифъ) получаемъ не столь скромныя цифры; а именно въ 1565—66 гг. селъ насчитывается здѣсь около 400 (и замковыхъ и частныхъ), а въ нихъ жителей об. пола 9520 (безъ Хмельницкаго повѣта; а если присоединить сюда цифры Хмельницкаго повѣта за 1565 г. (2135 д.), то общее число крестьянъ здѣсь будетъ 11655 душъ. Впрочемъ, изъ этого числа по крайней мѣрѣ $\frac{1}{2}$ должна быть отчислена къ замковымъ селамъ.

Въ такихъ скромныхъ цифрахъ выразился весь результатъ частной землевладѣльческой колонизаціи почти за два съ пол. вѣка.

Но эти общія цифры далеко не даютъ полнаго понятія о значеніи частно-владѣльческой колонизаціи. Между украинскими повѣтами была большая разница по степени ихъ безопасности и потребности въ заселеніи. Оказывается что частное землевладѣніе ютилось преимущественно въ повѣтахъ наиболѣе закрытыхъ и (относительно) безопасныхъ; въ самыхъ южныхъ и степныхъ

¹⁾ См. стр. 154.

или вовсе нѣтъ частновладѣльческихъ крестьянъ, или ничтожное число ихъ. Вообще изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ люстраціями, видно, что число владѣльческихъ крестьянъ, весьма ничтожное въ юго-восточныхъ повѣтахъ литовско-русскаго государства, постепенно возрастаетъ къ западу, достигая значительной высоты въ повѣтѣ Винницкомъ и въ повѣтахъ коронныхъ. Во многихъ случаяхъ владѣльческія села остаются совершенно пустыми.

Такъ въ Каневскомъ пов. селище Ходорово, прежде Мелечево, а потомъ кievлянина Онковича, пусто; только бобровъ гонять тамъ половинники. Сел. Дердево Богуша Морозова—пусто; сел. Каменка Балакиря—пусто, покинуто на церковь Терехтемировскую Зарубскую. Въ такомъ же положеніи находятся селища: Бувковъ, Мошны, Кононче, Товарово, Осетровъ. Огромныя пустыя пространства за Днѣпромъ по Сулѣ, Сулицѣ, Удою, Пслу и по Путивльскому рубежу, попавши частію въ панское владѣніе, тѣмъ не менѣе оставались пустынями; тамъ владѣли: Морозовъ, Чайка, Драбъ, Чабановичъ, Бродовичи, Колотвиновичи, церкви Каневскія св. Василя и Спаса и мон. Николо-Пустынный.—Точно также владѣнія частныхъ лицъ по Ворсклѣ, Самарѣ и Орели въ Черваскомъ повѣтѣ оставались пустынями (за немногими исключеніями, указанными выше).

Частное землевладѣніе пряталось подальше, въ болѣе безопасныя страны—въ повѣтъ Житомирскій и Винницкій, гдѣ не было столь настоящей нужды въ защитѣ страны. Но и здѣсь частное землевладѣніе не оказало такой помощи для колонизаціи, какую можно было бы ожидать отъ нея: когда и сюда достигала татарская гроза, то мелкіе и ничтожные замки пановъ не выдерживали напора непріятелей; собственно о частновладѣльческихъ замкахъ въ селахъ вовсе не упоминается. Замки сохранялись, но не всегда лишь въ городскихъ поселеніяхъ, попадавшихъ въ частное владѣніе (напр. Чудновъ кн. Острожскихъ). Вслѣдствіе такой беззащитности при нападеніяхъ татаръ гибли и крестьяне, и сами паны. Такъ въ Житомирскомъ повѣтѣ отмѣчено люстраціею, что вла-

дѣльцы нѣсколькихъ селищъ сгибли отъ татаръ, не оставивши отродковъ и староста держитъ эти имѣнія къ замку; таковы селища: Голечищевъ, Звинячее, Жерденевъ, Чавлино, Хворошня, Иляшовъ. Олубѣсовщина, Котельня („городище, сказываютъ, вельми доброе, мало не такое, какъ Житомирское“) и, наконецъ, Ивница, половина которой тянула къ Житомиру, а другая—къ Кіеву.

Для избѣжанія подобной участи въ бѣльшей части украинскихъ повѣтовъ въ пол. XVI в. (какъ замѣчено было выше) люди по селамъ вовсе не жили, а жили лѣтомъ и зимою со своими панамъ въ городѣ при замкѣ; въ селища же свои наѣзжали временно для обработки земли и другихъ промысловъ, а иногда и вовсе не вѣзжали въ нихъ, боясь татаръ. Такъ въ Житомирѣ, въ 1545 г., всѣ крестьяне всѣхъ частныхъ селъ живутъ „въ мѣстѣ Житомирскомъ, а на селищахъ не смѣютъ передъ татарами жити“; только люди п. Тышкевича первые рѣшились тогда пойти въ свое село Слободище. Въ 1552 г. села житомирскихъ пановъ уже раздѣляются на два вида: первыя имѣютъ постоянное населеніе; вторыя, по прежнему, временно пустуютъ: крестьяне съ ихъ владѣльцами хотя въ селахъ бываютъ („мѣшкаютъ“), но ради полоху татарскаго лѣтомъ и зимою обыкновенно (*ustawiczne*) въ домахъ въ городѣ живутъ („*żywut*“); очевидно, что крестьяне лишь временно, лѣтомъ, во время обработки полей, отлучаются въ село. Въ Каневскомъ повѣтѣ за нѣкоторыми селищами числятся жители, но „зимуютъ и лѣтуютъ при замкѣ“; по видимому, они не обрабатываютъ земель своихъ селищъ даже находомъ. О земледѣліи упоминается только въ селищѣ Конончѣ: „зъ пашни, кды пахутъ, десятина“. Постоянные жители есть только въ Терехтемировѣ. Въ остальныхъ селищахъ совсѣмъ нѣтъ жителей; владѣльцы ихъ сдаютъ свои земли стороннимъ уходникамъ для рыболовства, бобровыхъ гоновъ и для пасѣкъ.

Так. обр., частно-владѣльческіе крестьяне невольно примыкали къ тѣмъ же городскимъ общинамъ; искусственное развитіе частнаго землевладѣнія ослабляло имущественныя средства мѣстныхъ зам-

ковъ и городскихъ общинъ, безъ всякой пользы для развитія колонизаціи. Владѣльцы находили выгоды въ эксплуатаціи этихъ пустынь посредствомъ пришлаго населенія — бродячихъ промышленниковъ и не имѣли особой надобности въ заботахъ о привлеченіи постоянныхъ жителей. Такъ въ Браславскомъ повѣтѣ землевладѣльцы показывали люстраторамъ 1545 г., что за ними вовсе нѣтъ крестьянъ, а между тѣмъ, владѣя пустыми селищами, они, очевидно, пользовались большими выгодами. Люстрація 1545 г. свидѣтельствуетъ такъ: „всѣ селища (Браслав. пов.) за землянами, за мѣщанами и за козаками... и хотя бы Богъ знаетъ какую пользу получали съ этихъ селищъ, однако же говорятъ: мы ничего не имѣемъ, и повинностей замковыхъ не хотятъ тянуть, и всѣ (селища) называютъ пустынями, а между тѣмъ осваиваютъ: „тамъ наше, а тамъ брата нашего“, а господарскаго нигдѣ не указываютъ“¹⁾. Въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ крестьянъ было значительное количество, такой успѣхъ дѣла отнюдь не зависѣлъ отъ доброй воли и заслугъ частныхъ землевладѣльцевъ. Ихъ личный интересъ состоялъ въ полученіи наибольшихъ доходовъ съ крестьянъ, а между тѣмъ колонисты могли быть привлечены только льготами. Это именно подтверждается примѣромъ Винницкаго повѣта, въ которомъ встрѣчаемъ наибольшій наплывъ сельскаго населенія въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ. Здѣсь общая численность крестьянъ (со включеніемъ трехъ замковыхъ селъ) простиралась въ 1545 г. до 850, т. е. сельскія общины, взятыя въ совокупности, въ три раза превышали число жителей городской общины. Исключивъ изъ этого числа населеніе замковыхъ селъ (120), получимъ сумму частно-владѣльческихъ крестьянъ въ 730, что, сравнительно съ другими повѣтами, тоже не мало. Очевидно, что именно въ этотъ повѣтъ крестьяне были привлекаемы какими-либо особо выгодными обстоятельствами. Но какими же именно? Думаемъ, что ничѣмъ инымъ, какъ соединеніемъ двухъ условій, не существовавшимъ въ другихъ повѣтахъ:

¹⁾ Арх. Юг. Зап. Рос., VI, т. I, № VIII.

богатствомъ южныхъ при-бужскихъ степей и относительно безопасностью (повѣтъ былъ закрытъ съ юга-Браславомъ и Баромъ, а съ запада Хмельникомъ). Что здѣсь нельзя подозрѣвать особыхъ усилій со стороны владѣльцевъ, это видно изъ заявленія пановъ ревизору въ 1545 г.; именно, паны заявили слѣд.: „хотя они (паны) имѣютъ у себя такое множество крестьянъ, однако службы и пожитку съ нихъ мало; въ году только три дня служатъ, а кто не служить, тотъ даетъ по 6 грошей, а потому мужикъ богаче и пышнѣ пана. А это происходитъ отъ того, что польская граница недалеко: всякъ, кто захочетъ, идетъ прочь; выдачи ихъ и правосудія уже никакого нѣтъ; да еще приходя оттуда, крестьяне чинятъ злодѣйства и вредъ. При такой распущенности, мужикъ и самъ на себя и на пана ничего не дѣлаетъ; болѣе всего изучаетъ дорогу, куда утекать. Отсюда преступленія и разбои, ибо, не будучи занятъ работою, мужъ долженъ красть или разбивать, а жена производить чары. Для прекращенія прежде всего грѣха, а потомъ общественнаго вреда, необходима великая заботливость и милости государя, чтобы его вел. соблаговолилъ издать уставъ, какъ для пановъ коронныхъ, такъ и волинскихъ и подольскихъ: пусть бы поляки никакихъ людей (отичей или неотичей) отъ волинцевъ и подолянъ не принимали, а которые убѣгаютъ, тѣхъ выдавали подъ угрозою лишенія имѣній, а также, въ свою очередь, поступали бы паны волинцы и подоляне. Если это будетъ установлено, тогда скоро окажется, не будутъ ли люди исправнѣ въ работахъ и податяхъ своимъ панамъ, не будутъ ли смиреннѣ въ своихъ злодѣйствахъ... А пока того не будетъ, ничего добраго тамъ быть не можетъ“.

Этотъ замѣчательный отзывъ люстраціи польскіе писатели могутъ толковать въ томъ смыслѣ, что крестьянинъ находилъ выгоду переходить отъ русскихъ владѣльцевъ къ польскимъ. Въ люстраціяхъ Польскаго Подоля содержатся и обратныя жалобы польскихъ пановъ о бѣгствѣ крестьянъ отъ нихъ за литовскую границу. Всѣ подобныя заявленія имѣютъ лишь тотъ смыслъ, что для частныхъ владѣльцевъ увеличеніе населенія въ ихъ имѣніяхъ,

безъ усиленія повинностей крестьянъ, вовсе не было желательнымъ явленіемъ; стремясь къ личнымъ выгодамъ, они предлагаютъ прикрѣпленіе украинскихъ крестьянъ. Здѣсь зародышъ той мысли, которая въ XVII в. привела къ развитію козачины и грозныхъ смуть.

Если иногда владѣльцы хлопотали объ облегченіи крестьянъ для большаго успѣха заселенія страны, то не на свой собственный счетъ, а на счетъ государства; такъ въ 1507 г. браславскіе земьяне просили кор. Сигизмунда прекратить взиманіе подымщины съ ихъ крестьянъ, пот. что имѣнія ихъ въ конецъ разорены татарами и владѣльцы не надѣются призвать новыхъ поселенцевъ, если съ нихъ будутъ взимать госуд. подати. Король согласился на это подъ условіемъ передачи въ казну всѣхъ частновладѣльческихъ корчемъ ¹⁾).

Другихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи крестьянъ и ихъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ въ литовскихъ украинныхъ повѣтахъ наши источники не даютъ. Считаемъ ненужнымъ пополнять эти свѣдѣнія сторонними аналогичными источниками.

Въ повѣтахъ Польскаго Подолья, благодаря болѣе полнымъ даннымъ о сельскихъ поселеніяхъ и крестьянскомъ населеніи въ нихъ, мы можемъ точнѣ опредѣлить общественныя условія крестьянской колонизаціи.

Первое условіе колонизаціи—безопасность для сельскихъ поселеній здѣсь такъ же не существуетъ, какъ и въ литовскихъ повѣтахъ. Даже въ сухихъ показаніяхъ люстрацій можно вычитатъ драматическія черты грозныхъ пограничныхъ бѣдствій; такъ въ Барскомъ стар. „слободку Селище татары въ 1564 г. два раза разорали, дома крестьянъ попалили, дѣтокъ ихъ и многихъ самихъ хозяевъ побрали въ неволю, а другихъ побили; а нѣкоторые, спасаясь бѣгствомъ зимою, поотмораживали себѣ ноги, которыя потомъ

¹⁾ Ак. Зап. Р., II, № 26.

поотпадали у нихъ, почему множество ихъ перемерло“ ¹⁾). Въ с. Маниковцахъ тогда же татары произвели двукратное опустошеніе въ одинъ годъ, такъ что изъ 30 слишкомъ крестьянъ осталось только 11 ²⁾). Села Межировцы и Молоховъ, прежде заселенныя опустошены „do szczytu“.

Относительно большею безопасностью пользовались крестьяне замковыхъ селъ, обыкновенно лежавшихъ не вдали отъ коронныхъ замковъ, куда жители и спасались при нападеніи. Замки панскіе существуютъ только въ западныхъ частяхъ Подолья и только въ большихъ поселеніяхъ у значительныхъ магнатовъ, напр. въ Гусятинѣ, Лысечѣ ³⁾).

Вслѣдствіе небезопасности крестьяне бѣжали изъ частновладѣльческихъ, а отчасти и изъ замковыхъ селъ, за границу, т. е. въ литовскіе повѣты и въ Валахію; такъ изъ Межировецъ „люди прочь пошли за границу, и хотя староста Барскій посылалъ требовать ихъ обратно, но ихъ не выдали; изъ с. Молохова, послѣ опустошенія татаръ, люди также „поутекали“ ⁴⁾).

При такихъ условіяхъ крестьяне ведутъ иногда полукочующій образъ жизни: „никогда въ домахъ не живутъ, а въ лѣсахъ, развѣ только зимою“ ⁵⁾).

Любопытно знать, какимъ образомъ и почему въ страну, періодически опустошаемую, могли являться опять охотники селиться? Отвѣтъ даетъ намъ люстрація 1565, говоря о с. Вирбѣ такъ: „это село давняго заселенія; хотя оно нѣсколько разъ было разрушаемо татарами, но всегда поселялись въ немъ опять люди, потому что земля хорошая и большая, имѣетъ много полей, лѣсовъ и воды“ ⁶⁾).

¹⁾ См. стр. 220 и 221.

²⁾ См. стр. 218.

³⁾ См. стр. 198 и 201.

⁴⁾ См. стр. 230.

⁵⁾ См. стр. 221.

⁶⁾ См. стр. 210.

Важнѣйшимъ препятствіемъ къ успѣшному заселенію Украйны, кромѣ опустошеній турецкихъ и татарскихъ, было соперничество двухъ государствъ, между которыми была подѣлена тогдашняя украинная Русь; т. е. Польши и Литвы. Выше было упомянуто, какъ эта вражда двухъ государствъ, бывшихъ подъ одною державою, ослабляла силу противодѣйствія внѣшнимъ врагамъ. Но независимо отъ этого, пограничное населеніе двухъ украинъ вело между собою постоянную партизанскую войну. Такая война шла преимущественно между повѣтами Хмельницкимъ и Винницкимъ. Польскія люстраціи описывая Хмельникъ, сообщаютъ, что мѣстный „староста часто прощаетъ жителямъ не мало чиншу и другихъ даней или на выкупъ женъ и дѣтей у татаръ, или когда понесутъ большой вредъ отъ *пограничныхъ непріятелей*—отъ Волоховъ или отъ Литвы. Так. обр., чиншъ умаляется частію ради милосердія, частію для того, что-бы люди не расходились на пограничныя слободы“¹⁾. Таже люстрація, описывая фольварочное хозяйство въ Хмельникѣ, говоритъ: „тамъ около Хмельника довольно полей и очень хорошихъ грунтовъ, было-бы только когда орать и сѣять,—было-бы только чрезъ кого управляться (съ работою); тамъ есть гдѣ основать фольварки и села, лишь-бы Господь Богъ послалъ миръ. Но тамъ отовсюду много бѣдъ на людей: татары часто грабятъ ихъ и берутъ въ плѣнъ; также козаки изъ Волини забираютъ и ихъ самихъ и ихъ имущество; волохи—также. Сверхъ того старостамъ вредитъ въ дѣлѣ заселенія и то, что литовскіе паны заманиваютъ людей для заселенія новыхъ селъ своихъ, въ которыхъ даютъ имъ свободу на все злое и не выдаютъ ни одного человѣка, который къ нимъ убѣжить. Наконецъ и жолнеры не содѣйствуютъ благосостоянію людей убогихъ. По этимъ причинамъ трудно тамъ быть хорошимъ доходамъ, если правительство не изыщетъ средствъ, какъ-бы защитить и отъ главнаго непріятеля (татаръ), и отъ своевольныхъ волинцевъ, и упрямыхъ пограничныхъ

¹⁾ См. стр. 138.

литовскихъ пановъ“¹⁾). Описывая м. Улановъ въ Хмельницкомъ по-
кѣтѣ, таже люстрація рассказываетъ: „Тотъ Улановъ лежитъ при
литовской границѣ, соприкасаясь съ Чудновскою волостью, при-
надлежавшею къ Острогу, при шляхѣ, которымъ ходили татары.
Это мѣсто долго лежало впустѣ, какъ о томъ передавали обы-
ватели тѣхъ окраинъ. Но Македончики (выходцы изъ Македоніи),
увидѣвши, что тамъ мѣсто удобно для заселенія, ибо видно, что тамъ
былъ замокъ и два большихъ вала и значительное пространство
обходятъ глубокія болота, выпросили его себѣ, что-бы имъ тамъ
было позволено построиться и селить людей; но это они потомъ
получили привилегію отъ короля; но не были въ состояніи осу-
ществить заселеніе, потому что ихъ часто навѣщали татары, а
также литовскіе козаки не давали имъ покою“²⁾).

Такія же свѣдѣнія шли и со стороны литовской, именно изъ
повѣта Винницкаго, какъ мы выше упоминали.

При подобныхъ условіяхъ колонизаціи, села, по степени проч-
ности заселенія, могутъ быть раздѣлены на слѣд. разряды: 1) села
давняго заселенія, 2) села вновь заселенныя на прежнихъ мѣстахъ,
3) села вновь заселенныя на „сыромъ корню“, 4) села, въ кото-
рыхъ живутъ владѣльцы безъ крестьянъ, и 5) селища пустыя, т. е.
не имѣющія ни панской, ни крестьянской осѣдлости.

Изъ этихъ 5 разрядовъ селъ на частновладѣльческихъ земляхъ
рѣшительно преобладаютъ послѣдніе четыре; для примѣра беремъ
Барскій повѣтъ по люстр. 1565 г.; въ немъ тогда было селъ 1-го
разряда—7; 2-го и 3-го—10; 4-го и 5-го—9. Напротивъ, на зам-
ковыхъ земляхъ больше давнихъ селъ, населенныхъ тяглыми крестья-
нами, а именно 18 (изъ 22-хъ).

Впрочемъ, почти нѣтъ ясныхъ признаковъ для различенія селъ
давняго поселенія отъ новонаселяемыхъ. Село, дѣйствительно, су-
ществовало съ незапамятныхъ временъ, но оно разрушено тата-

¹⁾ См. стр. 152 и 153.

²⁾ См. стр. 163.

рами или волохами и остался въ немъ одинъ или два поселенца, которые, въ свою очередь, совершенно разорены. Не только новыя будущіе поселенцы, но и оставшіеся получаютъ опять льготу на извѣстное число лѣтъ. Въ люстраціяхъ такія села иногда называются селами давняго заселенія, но, по всей справедливости, должны быть причислены къ новозаселяемымъ. Далѣе, села, недавно посаженные на „суровомъ корню“, иногда называются селами давняго поселенія, если прошло уже 5—6 лѣтъ со времени ихъ основанія; въ бурной украинской жизни и это казалось уже стариною. Такъ, въ Барскомъ староствѣ изъ числа землянскихъ селъ къ первому разряду причислено 14 селъ¹⁾, между прочимъ с. Яковле; но изъ описанія этого села въ той же люстраціи узнаемъ, что его началъ населять 5 лѣтъ назадъ Андрей Быковскій на „суровомъ корню“; въ немъ крестьяне ничего не даютъ владѣльцу, потому что еще имѣютъ льготу 3 года²⁾. С. Верещатинцы, хотя пожаловано еще кор. Александромъ и имѣетъ 10 крестьянъ, но они ничего не даютъ, а владѣлецъ „держитъ ихъ только для того, чтобы кто-нибудь съ нимъ жилъ“. Изъ всѣхъ 26 частновладѣльческихъ селъ Барскаго староства можно признать давними только 7.

Точно также и въ другихъ повѣтахъ замѣчается преобладаніе селъ новыхъ предъ давними, преимущественно на частновладѣльческихъ земляхъ. Какъ величайшая рѣдкость отмѣчается, что нѣкоторыя изъ этихъ селъ основаны давно—*citra memoriam hominum*, или за 60 л. предъ ревизією (Ивановцы, Хмельниц. пов.), или за 36 л. (Угловъ); всѣ прочія заселены весьма недавно (за 7 лѣтъ—Горбовцы, за 12 л.—Кочановка и т. п.). Но и давнія селища были вновь разрушаемы татарами и должны были начинать свою жизнь сначала (какъ мы уже замѣчали). Такъ владѣльцы Куриловскіе, по разрушеніи татарами ихъ села Русановецъ въ 1558 г., успѣли къ 1565 опять осадить 4-хъ человѣкъ; с. Кумановцы разрушено татарами также въ 1558 г., но затѣмъ вновь поселилось въ немъ 6 людей;

¹⁾ См. стр. 232

²⁾ См. стр. 262.

тоже случилось съ селами Кочановкою, Кожуховымъ ¹⁾). Изрѣдка замѣчается въ люстраціи, что то или другое село, со времени своего заселенія, остается въ покоѣ. Изъ предыдущаго становится понятнымъ существованіе 4-го изъ упомянутыхъ пяти разрядовъ селъ, именно такихъ, гдѣ живетъ самъ владѣлецъ и, не имѣя крестьянъ, заводитъ фольварекъ, обрабатывая землю собственными силами: „сами себѣ на хлѣбъ, какъ могутъ, работаютъ“. Такъ с. Маркусовцы „стоитъ на татарскомъ шляху; въ немъ нѣтъ ниодного крестьянина; но сами владѣльцы Елтуха живутъ и сами себѣ на хлѣбъ работаютъ, по мѣрѣ возможности“ ²⁾). Въ с. Предивничѣ „нѣтъ ниодного осѣдлаго человѣка; однако Кердановскій (владѣлецъ) тамъ построилъ домикъ... и сѣетъ понемногу хлѣба и косить сѣно, болѣе для прокормленія скота, чѣмъ для хлѣба“ (см. стр. 163). Но это уже чистый типъ землевладѣльской колонизаціи, а не крестьянской,—типъ переходной: землевладѣлецъ жилъ въ ожиданіи крестьянъ и будущаго обязательнаго труда ихъ. Существованіе такихъ фольварковъ объясняется тѣми же причинами, какія будутъ сейчасъ указаны для селищъ пустыхъ.

Не всѣ владѣльцы жили въ своихъ фольваркахъ среди пустыхъ или опустошенныхъ селищъ; многіе изъ нихъ живутъ или въ городахъ, или другихъ населенныхъ селахъ; такъ пустынею Гавчинцами (въ Барскомъ пов.) владѣютъ Малышъ и Кунатовскіе, „а сами живутъ въ городѣ Барѣ“ ³⁾; с. Берлинцами владѣютъ въ 1565 г. Берлинскіе по пожалованію кор. Боны; село было опустошено сначала волохами, а потомъ татарами, „а сами владѣльцы живутъ въ Радзеіовичахъ“ ⁴⁾). Иногда владѣльцы не живутъ и въ населенномъ имѣніи, предпочитая болѣе безопасную жизнь въ городѣ; такъ нѣкто Закржевскій, владѣлецъ села Бахлина, послѣ

¹⁾ См. стр. 156 и 157.

²⁾ См. стр. 156.

³⁾ См. стр. 269.

⁴⁾ См. стр. 264.

опустошенія этого села татарами, началъ зазывать новыхъ поселенцевъ, но самъ жилъ въ Каменцѣ ¹⁾).

И въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ жилъ въ своемъ пустомъ селѣ безъ крестьянъ, и въ томъ, когда онъ не жилъ тамъ, онъ могъ извлекать себѣ значительныя выгоды. Въ первомъ случаѣ, онъ имѣетъ фольваркъ, т. е. хозяйственное заведеніе, въ которомъ работа совершается руками его „челяди“, т. е. несвободныхъ и наемныхъ слугъ. Во второмъ случаѣ, владѣлецъ не занимается земледѣіемъ; но главный доходъ въ тогдашнихъ степныхъ окраинахъ повсюду давало не земледѣіе, а пчеловодство, скотоводство и рыболовство. Даже и тамъ, гдѣ земля обрабатывалась, продукты ея шли большею частію не на продажу, а для содержанія челяди и развитія скотоводства. Такъ въ Кунатковцахъ и Гучинцахъ владѣльцы Калиманы — плебеи не имѣютъ никакой осѣдлости, но имѣютъ тамъ пасѣнки, косятъ сѣно для скота и лѣтомъ держатъ скотъ въ кошарахъ ²⁾). Въ Кудіовцахъ, послѣ татарскаго разгрома 1558 г. нѣтъ жителей, однако владѣльцы живутъ тамъ, занимаются земледѣіемъ и имѣютъ ставки „для живности“ ³⁾). Пустыня Козловъ, лежащая надъ Днѣстромъ при волошской границѣ, была прежде селомъ; но татары разрушили его до основанія; а потомъ волохи не позволяли селиться. Это — „имѣніе огромное; въ немъ много лѣсовъ, дубравъ, полей и сѣнокосовъ, но оно оставалось пустынею; только владѣльцы тамъ имѣли свои пасѣнки, косили сѣно, загоняли скотъ на зиму и сверхъ того отдавали тамъ въ наемъ пастбище людямъ какъ изъ Руси, такъ изъ Валахій. Подобнымъ же образомъ пользуется пустынею Доброшковцами владѣлецъ ея Матѣй Митко, или Малышъ: „тамъ онъ имѣетъ сѣнокосы, загоняетъ лѣтомъ скотъ въ кошары для выпаса; пространство тамъ большое и поля хорошія, лишь бы это захотѣлъ поселиться но онъ (владѣлецъ) не имѣетъ тамъ никакой осѣдлости“ ⁴⁾).

¹⁾ См. стр. 213.

²⁾ См. стр. 264.

³⁾ См. стр. 265.

⁴⁾ См. стр. 271 и 272.

Въ разрядѣ пустыхъ имѣній есть нѣсколько такихъ, которыя пожалованы владѣльцамъ ихъ во времена весьма давнія, но до 1565 г. оставались незаселенными; такъ с. Кунатовцы пожаловано еще въ 1448 г.; съ тѣхъ поръ болѣе 200 л. владѣла имъ фамилія Кунатовскихъ, но имѣніе, тѣмъ не менѣе, оставалось пустынею. Равнымъ образомъ, Козловъ состоитъ „издавна“ во владѣніи Козловскихъ и былъ когда-то селомъ, но уже давно, послѣ разрушенія татарами, остается пустынею ¹⁾).

Выгоды, получаемыя владѣльцемъ отъ земли безъ крестьянъ, при извѣстномъ богатствѣ природы Подолья, были столь значительны, что, очевидно, могли до значительной степени парализовать въ нихъ колонизаціонную энергію, особенно когда мы узнаемъ, что большинство и населенныхъ селъ было вновь заселяемо на льготѣ; съ нихъ владѣльцы или ничего не получали, или получали очень мало. Это приводитъ насъ къ рѣшенію вопроса: выгодно ли было владѣльцамъ заботиться о заселеніи своихъ имѣній крестьянами, т. е. къ разсмотрѣнію условій, въ которыхъ находился крестьянинъ къ замѣамъ и панамъ въ украинскихъ повѣтахъ.

Высшая сумма повинностей крестьянъ слагается изъ слѣдующихъ поборовъ и работъ: 1) въ пользу государскаго замка крестьяне вносили а) *подымное* въ одинаковомъ количествѣ съ каждаго хозяина (2 гроша), б) *пушкарловищину*, налогъ, первоначально введенный на содержаніе пушкарей, но потомъ назначенный вообще на потребности замка (тоже по 2 гроша); сверхъ того, в) всѣ давніе поселенцы, „по заведенному издавна обычаю, который превратился *in usitatum legem*“, платили *стаци* (овса по 3 третинника, жита по $\frac{1}{2}$, куръ по 2, мяса, сыру, хлѣба по установленной мѣрѣ, сѣна по два воза, прядива по 10 горстей; льготные или новые поселенцы платили половину того).—2) въ пользу владѣльца (короны, или частныхъ лицъ) крестьяне вносятъ или а) *поляховищину*, т. е. нормальный налогъ съ каждаго отдѣльнаго хозяйства въ видѣ

¹⁾ См. стр. 271.

сырыхъ продуктовъ (а именно: пшеницы по 4 третинника, овса по 19, вуръ по двѣ, яицъ по 20); или *чинизъ* за участки земли, неодинаковый, смотря по величинѣ и качеству занятаго участка; (половину этого); в) всякій, имѣющій овецъ и свиней платитъ *дань баранью и вепровую* (отъ 20 овецъ одного барана и отъ 10—одного ягненка; отъ 20 свиней—одну); г) наконецъ крестьянинъ платитъ *дань пчелиную и поволовицину* (1-й годъ—десятую часть пчелъ, кто имѣетъ пасѣку, 2-й годъ—всѣ безъ исключенія вола или яловицу, 3-й годъ—крестьянинъ свободенъ отъ этой дани).

Эта высшая норма повинностей измѣнялась и понижалась по отношенію къ разнымъ разрядамъ крестьянъ; такими разрядами были „*свободовые*“, *тѣмѣе*, *урочники*, *убоіе* и *слири* (послѣдніе въ замковыхъ селахъ).

Пріемъ новаго поселенца происходилъ такъ: „когда человекъ придетъ изъ другой страны, то не тотчасъ садится на свободу (на льготу), но сначала пробуетъ, понравится ли ему; а потому пока, для выраженія подданства, даетъ за годъ лисицу, половину стаціи, десятину отъ овецъ, пчелъ и воловъ, а равно платитъ пушкарровщину и подымное наравнѣ съ другими“¹⁾. Въ силу этого такіе крестьяне назывались *лисичными*; но обыкновенно они не выдѣляются въ особый разрядъ и причисляются къ свободнымъ, т. е. сидящимъ на льготѣ.—Эти послѣдніе, т. е. сидящіе на льготѣ, отличаются отъ лисичныхъ тѣмъ, что даютъ обязательство владѣльцу оставаться въ его имѣніи безъ обозначенія срока; обязательство предполагается пожизненнымъ и даже потомственнымъ. Сроки назначались лишь для льготы; но въ люстраціяхъ не опредѣляются максимальные и минимальные термины свободы, ибо люстрація имѣла въ виду только указать, кому изъ наличныхъ крестьянъ сколько еще остается льготныхъ лѣтъ. Однако, изъ этихъ послѣднихъ указаній можно вывести, что общимъ срокомъ льготы было здѣсь 6 лѣтъ; говоримъ это на томъ основаніи, что болѣе

¹⁾ См. стр. 221.

крупныя цифры встрѣчаются рѣдко; хотя и встрѣчаются, напр., въ Хмельницкомъ повѣтѣ въ м. Улановѣ объявлена свобода для новыхъ поселенцевъ на 15 лѣтъ ¹⁾; но это можетъ быть объясняется особою важностію названной мѣстности для колонизаціи и чрезвычайными препятствіями для заселенія. Условія льготы были различны: обыкновенно „свободные“ платили подати въ пользу государства и замка, именно: подымное, пушкарровщину и половину стацій, но ничего не давали своему владѣльцу; иногда же (смотря по трудности колонизаціи) и государственныя подати, и повинности или уменьшались, или совсѣмъ не взимались съ новыхъ поселенцевъ: такъ въ Хмельницкомъ староствѣ въ с. Заселовѣ крестьяне не даютъ никакой подати ²⁾; иногда исполняютъ по 2 дня въ годъ работы ³⁾, иногда 4 дни и приглашаются на добровольныя толоки ⁴⁾. Въ эти дни они работаютъ или въ самомъ замкѣ, или въ старостинскихъ фольваркахъ или въ ставахъ староства. Всѣ эти повинности и подати въ пользу государства и замка возлагаются на частновладѣльческихъ крестьянъ только въ такихъ селахъ, которыя прежде были замковыми и отданы владѣльцамъ подъ условіемъ службы замку. Въ имѣніяхъ же лицъ, которые достигали полнаго панскаго права, крестьяне не обязаны замку никакими податями и работами.

Собственно самъ владѣлецъ часто ничего не получаетъ съ свободныхъ крестьянъ; напр. въ с. Верещатинцахъ нѣкоего Митковича крестьяне платятъ замку подымное и пушкарровщину и работаютъ по 4 дня въ году въ замковомъ фольваркѣ; но владѣльцу „ничего не даютъ; онъ держитъ ихъ только для того, что бы кто-нибудь съ нимъ жилъ ⁵⁾“. Иногда въ пользу владѣльца такіе крестьяне работаютъ нѣсколько дней въ году, 3 дня (въ Казаровцахъ,

¹⁾ См. стр. 163.

²⁾ См. стр. 162.

³⁾ См. стр. 161.

⁴⁾ См. стр. 263.

⁵⁾ См. стр. 263, 156 и 157.

⁶⁾ См. стр. 266.

⁷⁾ См. стр. 268.

Рудѣ и др.^{*)}, 6 дней (въ Шелеховѣ¹⁾), 5 дней¹⁾), иногда даже 1 день въ году; напр., въ с. Ивановцахъ 13 чел крестьянъ, но они „ничего не не даютъ по той причинѣ, что сидятъ при границѣ непріятельской; а потому къ владѣльцамъ относятся только какъ сосѣди; но, во всякомъ случаѣ, для выраженія подданичества, работаютъ по 1 дню въ годъ“²⁾).

Есть, однако, разрядъ и такихъ свободныхъ, которые платятъ годичный чиншъ³⁾). Этотъ разрядъ слагается изъ такихъ, сѣвшихъ на льготу, которые уже просидѣли значительную часть льготнаго времени и приближаются къ состоянію тяглыхъ, такъ что въ одномъ и томъ же селѣ есть просто свободные и „свободные новоосѣлые“.

Къ разряду свободныхъ могутъ быть приравнены т. н. *убогіе* или *коланные*, разрядъ, фигурирующій во множествѣ селъ преимущественно Барскаго староства. По отправленію повинностей и уплатѣ податей они совершенно равняются льготнымъ, т. е. платятъ только подымное и пушкарровщину на замокъ⁴⁾); разница только въ томъ, что ихъ положеніе опредѣляется состояніемъ, а не срочными годами льготы. Изъ этихъ убогихъ рекрутировался и классъ служекъ ремесленныхъ, а иногда и неремесленныхъ для замковъ, напр., въ Деражнѣ Дворецкой въ числѣ убогихъ обозначены: „Михайло конемъ служить; токарь Войтко свободенъ отъ всего, только иногда работаетъ для двора, что нужно; Иванецъ — пастухъ“⁵⁾). Здѣсь слуги прямо заключены подъ рубрику убогихъ.

Въ противоположность указаннымъ, разрядъ *тяглыхъ крестьянъ*, или *данниковъ*, состоитъ изъ двухъ видовъ: данниковъ и урочныхъ. Первые вносятъ полевщину или дань владѣльцу (замку или частному лицу), вторые платятъ чиншъ. Дань берется сырыми продуктами; впрочемъ, съ оцѣнкою на деньги, чиншъ платятъ деньгами, которыми „откупаются“ отъ полевщины. Чиншъ всегда меньше дани; онъ относится къ дани приблизительно какъ 2 къ 3.

¹⁾ См. стр. 158.

²⁾ Сл. — стр. 156.

³⁾ См. стр. 143 (Дубова Весь).

⁴⁾ См. стр. 223.

⁵⁾ См. стр. 243.

Поэтому урочные суть низшей, менее состоятельный класс крестьянъ. Вотъ въ этихъ повинностяхъ тяглаго класса и выражается нормальная высшая выгода, получаемая землевладельцами отъ крестьянъ.

Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что между тяглыми и свободными крестьянами на владѣльческихъ земляхъ не было такого точнаго различія, какъ на замковыхъ: и тѣ крестьяне, которые именуются тяглыми, нерѣдко пользуются также льготами; напр., въ с. Лысогорцахъ „людей тяглыхъ 42, которыя хотя и давняго поселенія, но не даютъ ничего, только работаютъ нѣсколько дней, именно: два дня жнутъ, два дня пахутъ и косятъ и возятъ по 6 копъ хлѣба съ поля въ гумно; даютъ десятину отъ пчелъ и поволовщину владѣльцамъ, а подымное и дань баранью на замокъ ¹⁾).

Итакъ, частнымъ владѣльцамъ въ украинскихъ повѣтахъ доставалось мало выгодъ отъ крестьянъ.

Для уясненія пропорціональнаго отношенія крестьянъ разныхъ разрядовъ, беремъ примѣръ Барскаго повѣта (по люстраціи 1565 г.) и включаемъ сюда и замковыя села, чтобы сравнить экономическія условія колонизаціи на государственныхъ и частновладѣльческихъ земляхъ, ибо повинности замковыхъ крестьянъ ничѣмъ не отличались отъ повинностей на земляхъ частновладѣльческихъ.

НАИМЕНОВАНИЕ СЕЛЪ.	РАЗРЯДЫ КРЕСТЬЯНЪ.						
	Тягле (данн- ки).	Уроч- ные.	Корчм.	Свобод- ные.	Служил.	Убогіе.	Всего.
а) Замковыя:							
Марьиновцы	11	—	—	—	1	—	12
Сл. Селище	13	3	—	11	9	—	36
Биликовцы	7	2	—	8	6	8	31
Головчинцы	9	—	—	2	—	—	11
Лука Слободецкая	16	2	—	7	3	—	30
Ивановцы	21	7	—	11	6	4	49
Межировцы	0	0	0	0	0	0	0

¹⁾ См. стр 161.

НАИМЕНОВАНИЕ СЕЛЪ.	РАЗРЯДЫ КРЕСТЬЯНЪ.						Всего.
	Тяглые (двѣ- ре).	Уро- дны.	Корчмы.	Свобод- ные.	Служб.	Убогие.	
Молоховъ	0	0	0	0	0	0	0
Карачинцы Римовы	19			4	3		26
Карачинцы Подлѣсныя	11			6			17
Щохрова	16			3			19
Сусловцы	9			4			13
Поповцы	10			8			18
Деражня Дворецкая	16	1	3	8		4	32
Деражня Калининская	32	2		8	5		47
Деражня — Лука	22	2		5		3	32
Новосельцы	13	2	1	8			24
Выселокъ Новосельскій	13	4		7			24
Крутибородинцы	6			7			13
Покутинцы	13			3	4		20
Мукаровъ	—	27		5	3	5	40
Нещуровицы	6			10			16
Итого	265	52	4	125	40	24	510
б) Земляскія:							
Шершенёвцы	10						10
Яковле				5			5
Верещатинцы				10			10
Кунатовцы и Гучинцы	0	0	0	0	0	0	0
Голодковцы				2			2
Берлинцы	0	0	0	0	0	0	0
Кудювцы	0	0	0	0	0	0	0
Глѣбовъ				15			15
Мукаровъ Малый				2			2
Козировцы				5			5
Руда Паробоча				7			7
Ременная				2			2
Куриловцы	15						15
Шеляковъ				15			15
Голозинцы				6			6
Подарнава				4			4
Поповцы	0	0	0	0	0	0	0
Гавчинцы	0	0	0	0	0	0	0
Сеняковцы				7			7
Яблоновка				7			7
Кунатовцы	0	0	0	0	0	0	0
Козловъ	0	0	0	0	0	0	0
Гермаки				7			7
Добросковцы	0	0	0	0	0	0	0
Плоскировцы	0	0	0	0	0	0	0
Итого	25	—	—	94	—	—	119

Эта таблица показываетъ: а) что изъ 22 селъ замковыхъ только 2 пустыхъ; а изъ 26 селъ частныхъ пустыхъ 9; т. е. въ первомъ случаѣ пустуетъ 11-я часть поселеній, во второмъ—3-я часть ихъ.

б) Въ 22 селахъ замковыхъ было крестьянъ 510 (хозяевъ), а въ 26 частныхъ—только 119; т. е. въ первыхъ на одно село приходится 23 крестьянина, во вторыхъ—по 4, 5.

в) Въ замковыхъ селахъ преобладаетъ разрядъ тяглыхъ крестьянъ болѣе или менѣе давней осѣдлости, а именно (считая тяглыхъ и урочныхъ вмѣстѣ) ихъ было 307, а свободныхъ 125; если же къ свободнымъ причислить и прочіе разряды (корчмарей, служекъ и убогихъ), то 103. Въ частныхъ селахъ, напротивъ, преобладаютъ такъ называемые слободные крестьяне, т. е. новые поселенцы; ихъ 94; между тѣмъ какъ тяглыхъ только 25. Очевидно, на панскихъ земляхъ крестьянское населеніе держалось только подъ условіемъ временной льготы.

Изъ предыдущихъ замѣтокъ становится яснымъ, почему частные владѣльцы прилагали такъ мало усилій къ привлеченію новыхъ поселенцевъ: извлекая значительныя выгоды изъ пустыхъ земель, они, въ случаѣ заселенія своихъ опасныхъ пустынь украинныхъ крестьянами, или не получали отъ нихъ ничего или получали очень мало; частновладѣльческія села находятся въ состояніи постоянного возобновленія жителей, вслѣдствіе непріятельскихъ опустошеній и ухода крестьянъ. Не успѣвъ кончиться льготный срокъ для прежнихъ поселенцевъ, какъ уже село опять опустѣло; новые поселенцы садятся опять на льготу.

Итакъ, колонизаціонныя намѣренія правительства, при раздачѣ государственныхъ земель въ руки частныхъ владѣльцевъ, далеко не достигали желаемыхъ результатовъ; именно, въ Приднѣпровьѣ частныя села остались совсѣмъ незаселенными; въ Прибужьѣ крестьянское населеніе явилось помимо воли и желанія владѣльцевъ, которые предлагали воспрещеніе перехода крестьянъ, т. е. введеніе крѣпостнаго труда, какъ единственно пригодный

способъ для усиленія колонизаціи въ украиняхъ. Въ Польскомъ Подольѣ крестьяне до времени держались льготами и притомъ въ незначительномъ числѣ; и здѣсь владѣльцы указываютъ, какъ на главное препятствіе къ заселенію, на свободу перехода крестьянъ.

Недостатки правительственной, городской и землевладѣльческой колонизаціи вызвали усилія народныхъ массъ колонизовать южныя пустыни самостоятельно, на собственный рискъ; мы говоримъ о козацкомъ движеніи въ степи.

Козацкая колонизація. Послѣдній слой населенія украинскихъ повѣтовъ, упоминаемый люстриціями (сдѣлавшійся потомъ не только первымъ, но и единственнымъ на Украинѣ),—это козаки. Съ конца XVI в. они заселили степи по обоимъ берегамъ Днѣпра, между Днѣпромъ и Бугомъ; они подвинули русское населеніе къ берегамъ Чернаго Моря. Эта самобытная народная колонизація шла и въ Московскомъ государствѣ впереди правительственной и общественной; но Московское государство успѣло воспользоваться ею для блага государства и по путямъ, проложеннымъ козаками, раздвинуло свои предѣлы до Азовскаго и Каспійскаго морей и на востокъ до Великаго океана.

Но въ 1-й полов. XVI в. козачество далеко еще не овладѣло своею важною историческою ролью. Козакомъ вообще назывался бездомный и безсемейный пришлецъ. Разумѣется, такой элементъ населенія считался вовсе непригоднымъ во внутреннихъ населенныхъ повѣтахъ, что и выражено въ Кременецкой люстраціи такъ: „козаковъ, а также людей неосѣдлыхъ, прихожихъ не держать нигдѣ въ деревняхъ дольше трехъ дней; все село должно быть оповѣщено, когда какой козакъ придетъ или уйдетъ, ибо отъ такихъ людей дѣлается по селамъ много вреда. Еслибы кто пустилъ въ домъ такого козака, человѣка неосѣдлаго, не оповѣстивши всему селу, и держалъ бы его больше трехъ дней, а отпуская его не объявилъ всему селу, и еслибы отъ того произошелъ кому-нибудь вредъ, то всякій такой (хозяинъ) долженъ вознаградить за тотъ вредъ и, сверхъ того, обязанъ заплатить три рубля „вины

злѣдѣйской“ (уголовнаго штрафа за кражу) по статуту земскому“¹⁾. Иного отношенія къ козакамъ нельзя было ожидать въ тѣхъ повѣтахъ, которые имѣли уже прочное населеніе и въ которыхъ стихіи общественной жизни уже сложились въ постоянныя, хотя и не совсѣмъ правильныя, формы.

Въ южныхъ же степныхъ повѣтахъ, нуждавшихся въ заселеніи, отношеніе къ козачеству могло быть иное; однако и тамъ (напр. въ Браславскомъ повѣтѣ, какъ указано выше) козачество признаваемо было элементомъ вреднымъ, противуобщественнымъ. Въ самомъ дѣлѣ трудно признать пригоднымъ для колонизаціи людей *неосѣдыми*; заселеніе и неосѣдность—два понятія противоположныхъ. Если козачество сдѣлалось въ послѣдствіи главною колонизаціонною силою степей, то козаки, очевидно, перестали быть простымъ бродягою. Такое превращеніе могло совершиться подъ вліяніемъ правильныхъ и разумныхъ мѣръ государства, на пользу и благо самому государству; но если такихъ мѣръ не было, то оно могло совершиться и само собою, создавъ изъ козаковъ элементъ, враждебный шляхетскому государству и разрушительный для него.

Посмотримъ, какъ относилось къ козачеству Польское и Литовское государство.

Въ 1-й полов. XVI в. стихійныя бродячія элементы начали приурочивать въ разныхъ мѣстностяхъ къ разнымъ классамъ общества; а именно:

Въ Польскомъ Подольѣ, гдѣ польскіе сословные порядки утвердились наиболѣе, козачество, какъ явленіе *sui generis*, было истреблено уже въ 1-й пол. XVI в.; оно отчасти пополняло собою ряды крестьянъ и служекъ. Такъ въ исконномъ гнѣздѣ козачины—Барѣ, именно—Русскомъ, люстрація подъ рубрикою „служки“ говоритъ: „тамъ есть три козака, которые ничего не даютъ, только на коняхъ и пѣшіе служатъ замку“²⁾), между тѣмъ здѣсь цѣлая треть города—Черемисскій Баръ, состоящая преимущественно изъ

¹⁾ См. стр. 114.

²⁾ См. стр. 133.

татаръ, несетъ собственно козацкую, т. е. общинно-военную службу. Остальныя нѣкоторыя части главной массы бродячаго населенія примыкають къ крестьянскимъ сельскимъ общинамъ; такъ въ с. Куликовѣ (Хмельниц. староства) въ числѣ тяглыхъ крестьянъ видимъ Романа—козака ¹⁾); въ с. Летникѣ—корчмаря козака ²⁾), въ с. Лысогорцахъ, въ числѣ тяглыхъ крестьянъ, козака ³⁾), въ слободѣ Селищѣ, въ числѣ осѣдлыхъ крестьянъ, Козачину ⁴⁾), въ числѣ льготныхъ—козака ⁵⁾). Во всякомъ случаѣ, отмѣтокъ о козачинѣ въ числѣ крестьянства не на столько, много, что бы признать, что здѣсь вся козачина поглощена крестьянскимъ состояніемъ. Между тѣмъ въ пол. XVI в. въ украинскихъ повѣтахъ Польскаго Подолья уже нѣтъ отдѣльнаго класса козаковъ; нѣтъ его ни въ Барскомъ, ни въ Хмельницкомъ повѣтѣ, гдѣ нѣкогда (въ нач. XVI в.) большія козацкія ополченія громили татаръ подъ предводительствомъ Ляндскоронскихъ и Венжиковъ. Такое истребленіе здѣсь козачины не означаетъ особаго успѣха гражданственности въ Польскомъ королевствѣ, ибо бродячія массы, вмѣсто того, что-бы осѣсть на мѣстѣ, въ числѣ прочихъ мирныхъ классовъ, уходили отсюда въ Подніпровье: „Хмельницкіе“ нашли себѣ въ послѣдствіи сферу дѣятельности не въ Хмельникѣ, а въ Запорожьѣ. Вытѣсняя козачину механически все далѣе въ степь, польское правительство приготавлило ту грозную силу, которая впослѣдствіи разрушила государство.

Въ при-бужскихъ повѣтахъ Литовскаго государства козачество несомнѣнно существовало и въ пол. XVI в. въ значительномъ количествѣ ⁶⁾). Король Сигизмундъ-Августъ, въ грамотѣ 1560 г. ноября 14, пишетъ кіевскому воеводѣ вн. Острожскому и старостамъ браславскому и черваскому, что дошла до него жалоба бѣлго-

¹⁾ См. стр. 144.

²⁾ См. стр. 155.

³⁾ См. стр. 161.

⁴⁾ См., стр. 221.

⁵⁾ См. стр. 222.

⁶⁾ См. выше стр. 51, 58 и 59.

родскаго (Аккерманскаго) анчака о томъ, что изъ замковъ Кіевскаго Бѣлоцерковскаго, Браславскаго, Винницкаго, Черкаскаго и Каневскаго дѣлается великій вредъ подданнымъ турецкаго султана. Король приказываетъ, чтобы изъ Кіева, Черкасъ, Винницы и Браслава никто своихъ слугъ и козаковъ не посылалъ причинять „шкоды“ турецкимъ подданнымъ ¹⁾. Въ люстраціяхъ повѣтовъ Польскаго Подолья 1565 г. содержатся жалобы, что успѣшному заселенію тамошнихъ мѣстъ препятствуютъ набѣги козаковъ изъ пограничныхъ повѣтовъ Литвы, т. е. Винницкаго и Браславскаго; такъ зѣмли м. Уланова, примыкающія къ Винницкому повѣту, оставались пустынею, потому что ихъ часто навѣщали татары и литовскіе козаки ²⁾. Однако и здѣсь козачество не было популярнымъ и было вытѣсняемо при помощи правительственныхъ мѣръ ³⁾. Тѣснимое, оно примыкало въ Прибужьѣ то къ городскому, то къ сельскому, а главное—къ землевладѣльческому классу. Не сложившись и здѣсь въ особый классъ, оно сослужило, однако, громадную службу для заселенія страны, именно, въ качествѣ особаго вида землевладѣнія. Далеко въ глубинѣ степей Браславщины разсѣялись пасѣки и займки людей невѣдомо откуда пришедшихъ, не претендовавшихъ на панство и на обязательный трудъ крестьянъ.

Таково разнообразное значеніе козачины въ западныхъ повѣтахъ Украйны. Совѣмъ въ иномъ видѣ выступило оно въ Приднѣпровьѣ, здѣсь оно не растерялось среди другихъ классовъ, но выступило отдѣльною, могучею силою.

Уже изъ люстрацій пол. XVI в. можно видѣть постепенное возрастаніе этой силы на Днѣпрѣ. И въ Каневѣ и въ Черкасахъ козаки именуются уже отдѣльно отъ прочихъ классовъ. Да и нельзя было съ ними по считаться по ихъ численности: въ Каневѣ не указывается опредѣленнаго числа ихъ, ибо приливъ и отливъ этого подвижнаго населенія измѣнялся съ каждымъ годомъ; но въ Чер-

¹⁾ Арх. Ю. З. Р., II, № 137.

²⁾ См. стр. 163.

³⁾ См. выше стр. 59.

касахъ люстраторъ даетъ приблизительное число временно-прихожихъ людей, именно указываетъ, сколько ихъ было въ годъ производства люстраціи: „въ эту зиму было ихъ разомъ около 250 чел.“. Эта цифра превышаетъ число мѣщанъ гор. Черкасѣ всѣхъ разрядовъ (223). Так. обр., зимою населеніе города увеличивалось болѣе чѣмъ вдвое отъ прилива бродячаго населенія изъ степей.

Но между двумя южно-днѣпровскими повѣтами есть также разница въ отношеніи къ козачеству. Въ Каневѣ оно противопоставляется осѣдлому населенію, а его дѣйствія—интересамъ этого послѣдняго: люстраторы, очевидно, со словъ городскихъ жителей, отмѣчаютъ подъ особою рубрикою „вредъ отъ козаковъ“; даже болѣе, чѣмъ отъ татаръ, именно: въ восточныхъ степяхъ, которыя городскіе жители могли эксплуатировать временными наѣздами, козаки овладѣли лучшими угодьями пчеловодства, охоты и рыболовства: „они живутъ тамъ (въ Сѣвирскихъ уходахъ) постоянно на мясѣ, на рыбѣ, на меду... сытять тамъ себѣ медъ, какъ дома“¹⁾. Проведя, так. обр., лѣто среди столь дикой роскоши, на зиму разсѣянное населеніе степей спѣшитъ въ городъ и остается здѣсь до слѣдующей весны, чтобы опять уйти или въ степь („поле“) за Днѣпромъ, или внизъ рѣкою „въ козацтво“. Такъ совершало оно правильные весенніе и осенніе перелеты отъ осѣдлаго состоянія къ бродячему. Однако и здѣсь началось уже приуроченіе этой подвижной массы къ гражданскому состоянію прочихъ классовъ общества; а именно: часть козаковъ остается уже на постоянномъ жительствѣ въ городѣ въ качествѣ слугъ у мѣщанъ и бояръ; остальные, продолжающіе лѣтомъ ходить „въ козацтво“, уже должны нести нѣкоторую службу начальству замка²⁾. Такъ уже здѣсь вольная колонизація стремилась примкнуть къ городской. Еслибы дальнѣйшія условія общественности Литовскаго государства не воспрепятствовали, можно было бы ожидать вѣнучшихъ результатовъ отъ такого сліянія козачины съ городскими общинами.

¹⁾ Арх. Юг. Р., ч. VII, I, стр. 103.

²⁾ См. выше стр. 46 и 47.

Это послѣднее явленіе составляетъ особенную характеристи-
ческую черту Черкаскаго повѣта. Никакихъ жалобъ на козаковъ,
никакого противопоставленія ихъ горожанамъ здѣсь нѣтъ. Козаки
входятъ уже тѣснѣйшимъ образомъ въ составъ городской общины;
королевскія грамоты, адресованныя городу Черкасамъ, именуютъ
и козаковъ въ числѣ прочихъ постоянныхъ жителей повѣта ¹⁾; а
одинъ изъ такихъ актовъ надписанъ: „отаману, войту и всѣмъ
мѣщанамъ черкаскимъ“ ²⁾. Сами граждане г. Черкасъ, защищая свои
интересы на судѣ короля противъ старостъ, защищаютъ, вмѣстѣ
съ тѣмъ, и интересы козаковъ ³⁾. Само собою разумѣется, что та-
кое приуроченіе козачества къ городскимъ общинамъ становится
все менѣе и менѣе возможнымъ, по мѣрѣ того, какъ приближается
преобразование самой городской общины въ сословно-мѣщанскую
по западно-европейскому образцу. Поглощеніе козачины городскими
общинами должно было видоизмѣнить не только типъ козачества,
но и характеръ мѣщанскаго города. Козаки, примыкавшіе къ го-
родамъ, мало по маму основывались тамъ на постоянное житель-
ство, обзаводились семействами, отвыкали отъ бродячей жизни,
но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнюдь не хотѣли подчиняться общимъ по-
датнымъ и административнымъ условіямъ мѣщанства. Въ концѣ
XVI в. они уже превышали неизмѣримо своею численностью не-
большую горсть мѣщанъ и официально въ люстраціяхъ имено-
вались „непослушными“. Они были уже при всѣхъ украинныхъ
зѣмкахъ. Все это влзвало безплодныя попытки правительства (Си-
гизмунда-Августа въ 70-хъ и Стефана Баторія—въ 80-хъ годахъ)
къ образованію такъ назыв. „городоваго козачества“, особаго военно-
служилаго класса, съ раздѣленіемъ на полки (по городамъ) и съ на-
значеніемъ отъ правительства (отъ руки короннаго гетмана) осо-
баго начальника для нихъ ⁴⁾. Всѣмъ извѣстно, что исторія привела

¹⁾ Ак. Южн. и Зап. Росс., II, № 138, 140.

²⁾ Ibid., № 123.

³⁾ См. № XVII.

⁴⁾ (м. Ак. Южн. и Зап. Рос., II, № 149. Гораздо успѣшнѣе дѣйствовала мѣстная
власть, соединяя иногда козаковъ въ одно ополченіе для борьбы съ татарами: такъ въ

къ иному результату: все городское и сельское населеніе обратилось въ козачину, все гражданское управленіе уступило мѣсто военному, но за то свободному и выборному. Для насъ пока достаточно замѣтить, что путемъ козацкой осѣдлости всѣ пустынные повѣты густо заселились въ теченіи немногихъ десятилѣтій.

Но пока, въ пол. XVI в., этого не случилось; превращеніе городовъ и селъ въ военные общины совершилось гораздо позже. Между тѣмъ волны свободнаго бродячаго населенія приливали съ сѣвера все болѣе и болѣе; онѣ не вмѣщались, такъ сказать, въ тѣсныхъ предѣлахъ городовъ и положили основаніе отдѣльной колонизаціи степей внѣ украинскихъ зѣмковъ,—за порогами Днѣпра, куда мы должны за нимъ послѣдовать.

Не всѣ козаки бросали бродячую жизнь, применивъ къ городамъ; по прежнему большинство козацкаго населенія уходитъ весною въ безграничныя степи, манящія къ завѣтнымъ берегамъ Чернаго Моря. Исчезая въ степи или въ порогахъ Днѣпра, что дѣлалъ тамъ козакъ, какую жизнь онъ велъ? Люстраціи лишь отчасти вскрываютъ предъ нами таинственную жизнь бродниковъ: козакъ разставлялъ охотничьи сѣти для безчисленнаго множества степной дичи; онъ ловилъ рыбу въ широкихъ плавняхъ Днѣпра и его притокахъ, которые были наполнены ею; въ глухихъ, невѣдомыхъ лѣсахъ по Самарѣ и Орели онъ стерегъ природныя борта и сытилъ медъ. Но не въ этомъ только заключалось „козацтво“: другую, болѣе цѣнную добычу подстерегалъ козакъ въ безмолвныхъ степяхъ за Тясминомъ и Ворсклою. Тамъ, на встрѣчу русской козачинѣ, шла другая; другіе люди, также называемые козаками, выходили изъ татарскихъ улусовъ и турецкихъ крѣпостей (Очакова, Бѣлгорода). Тѣ и другіе были бездомные удалцы и луговые пираты; глубокая разница заключалась не въ нихъ са-

1575 кievскій воевода отправилъ на встрѣчу татаръ къ устью Тясмина (у Чернаго лѣса) козаковъ кievскихъ, черкасскихъ и каневскихъ; въ то время какъ татары опустошали поселенія около Синявы, козаки, подъ предводительствомъ Богданка, вторглись въ Крымъ за Перекопъ и опустошили окрестную страну.

михъ, а въ тѣхъ націяхъ, изъ которыхъ они вышли, и по характеру которыхъ опредѣлялись цѣли и значеніе дѣятельности козаковъ обѣихъ странъ: татарскіе козаки были только хищники, русскіе совершали свои набѣги съ двойною цѣлю: изъ видовъ личнаго грабежа и постоянного стремленія раздвинуть русскіе предѣлы на счетъ „поганства“. Въ числѣ доходовъ черкаскаго старосты стоитъ „доходъ отъ *бутынокъ*“: „когда черкашенинъ добудетъ бутынокъ, или „языковъ“ (плѣнниковъ) изъ людей непріятельскихъ, тогда староста получаетъ изъ этого бутылка (добычи) одну самую лучшую вещь: коня, збрую, или плѣнника, а остальные вещи и плѣнники идутъ въ пользу пріобрѣтателя. Также, когда приходятъ козаки изъ непріятельской земли съ добычею, то старостѣ одна наилучшая вещь“¹⁾. Итакъ, на пограничѣ шла постоянная война; татарскія улусы и турецкіе предѣлы были для черкасцевъ постоянно землею непріятельскою, все равно, находится ли Виленское правительство въ мирѣ съ Турціею и Крымомъ, или нѣтъ. Набѣги ради добычи не считаются позорными—разбойничьими; это правильный доходъ отъ общепринятаго промысла, который государство обложило налогами. Этимъ ремесломъ занимаются не одни козаки, но и мирные граждане Черкасъ; для козаковъ оно составляетъ только спеціальныи, особенный ихъ видъ промысла, составляетъ самую сущность „козацтва“. Козаковали и сами старосты; не стыдились князья (изъ очень богатыхъ и могущественныхъ фамилій) вести жизнь бродниковъ; очевидно, тогдашнее лучшее русское общество видѣло въ козакованьѣ не презрѣнный промыселъ разбоя, а богатырство воина—піонера національнаго движенія на югъ—къ Черному морю. Какъ для этой важной цѣли, такъ и для промышленныхъ предпріятій, степовикамъ необходимо было найти точку опоры и пристанище въ самой глубинѣ степей; труднѣе становилось козакамъ примыкать, хотя временно, къ городскимъ общинамъ. Съ каждымъ годомъ скоплялась все большая масса ихъ въ степяхъ; необходимо было имъ свить себѣ постоянное

¹⁾ Арх. Юг. Рос., ч. VII, I, стр. 83.

гнѣздо внѣ района тогдашнихъ господарскихъ замковъ. Тогда зарождается т. н. низовая козачина; является на свѣтъ знаменитое Запорожье.

Несомнѣнно, что уже съ начала XVI в. бродячіе элементы въ степяхъ временно скоплялись въ массы для отпора татарамъ. Мертвыя степи поглотили навѣки эту исторію темныхъ битвъ; единицы и массы гибли въ степяхъ и въ порогахъ безслѣдно. Тамъ не было пристанища и защиты для нихъ ближе черкаскаго замка. Первое основаніе сплоченію бродячихъ козацкихъ силъ въ Запорожьѣ положено царемъ Іоанномъ Грознымъ: идя подѣ Очаковъ, дѣякъ Ржевскій въ 1556 г. соединилъ подѣ своимъ начальствомъ дѣпировскихъ козаковъ, которыми предводительствовали отаманы Млинскій и Михаилъ Есковичъ. Тогда-же (какъ упомянуто выше) кн. Дмитріемъ Вишневецкимъ отъ имени Московскаго правительства было построено укрѣпленіе на о—вѣ Хортицѣ. Хотя въ 1558 г. Хортицкое укрѣпленіе имъ было оставлено предѣ новымъ напоромъ татаръ; однако, дѣло, начатое Грознымъ и Вишневецкимъ не погибло: въ Запорожьѣ осталось гнѣздо той низовой вольницы, которая послужила потомъ зерномъ будущей Сѣчи. Въ 1561 г., когда кн. Дм. Вишневецкій просилъ короля о позволеніи ему вернуться въ границы Литовскаго государства, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, прислалъ королю „листокъ“, писанный къ нему отъ козаковъ „съ Низу“, въ которомъ они просили, что бы имъ выданъ былъ охранный королевскій листъ, съ позволеніемъ возвратиться въ государство, съ тѣмъ что бы этотъ листъ былъ данъ на имя кіевскаго воеводы. Король увѣдомилъ о томъ кіевскаго воеводу и приказалъ, чтобы онъ дѣйствовалъ по соглашенію съ Вишневецкимъ, а именно: козаковъ принять; но если между ними найдутся тѣ, которые недавно разорили Очаковъ, то что бы они не останавливались въ украинныхъ замкахъ, а шли бы въ Могилевъ и Полоцкъ, откуда будутъ препровождены въ Лифляндію на службу, за что король обѣщаетъ имъ жалованье¹⁾.

¹⁾ Ак. Юж. и Зап. Р., II, 143.

Итакъ низовые лугари продолжаютъ и безъ Вишневецкаго, въ теченіи четырехъ лѣтъ, составлять сплоченную массу, имѣютъ, конечно своего предводителя, свое пристанище (б. м. на той-же Хортицѣ) и совершаютъ смѣлый и удачный набѣгъ на отдаленный Очаковъ. Въ 1561 году Вишневецкій эмигрировалъ опять изъ Московскаго государства. Но въ слѣдующемъ году этотъ истинный козакъ по натурѣ, не усидѣлъ спокойно дома, снова отправился искать приключеній, то на службѣ татаръ, то на службѣ московскаго царя. Въ 1563 г. онъ отправился завоевать молдавскій тронъ, но, будучи схваченъ и выданъ султану, былъ казненъ въ Константинополѣ.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что въ первый разъ возникаетъ осѣдлость въ порогахъ при Грозномъ и Вишневецкомъ. Раньше вовсе нѣтъ слѣдовъ колонизаціи этихъ отдаленныхъ степей. Вишневецкій первый собралъ бродячихъ низовыхъ козаковъ въ одно войско; у него были уже атаманы козачьи, онъ указалъ путь движенія—Крымъ, Турцію и Молдавію; онъ же первый положилъ основаніе ихъ укрѣпленному лагерю на Хортицѣ, хотя и преждевременно. Съ того времени, степи до пороговъ и за порогами Московское государство считало своей территоріею и вслѣдъ за тѣмъ намѣревалось основать новое укрѣпленіе между Хортицею и Черкасами (какъ упомянуто выше¹⁾). Польско-литовское правительство не признавало за московскимъ правъ на территорію до пороговъ; но степи за порогами, повидимому, оставались во власти Московскаго государства.

Съ тѣхъ поръ, жизнь Запорожья можетъ быть прослѣжена почти непрерывно въ XVI и нач. XVII в. Уніа 1569 г. не только не уничтожила зародышей самостоятельнаго козачьяго общества на Низу, но оживила его дѣятельность и увеличила его составъ новымъ приливомъ гонимыхъ элементовъ русской національности, православнаго вѣроисповѣданія и крестьянскаго состоянія. Въ

¹⁾ См. Ак. Юж. и Зап. Рос., II, № 134.

70-хъ и 80-хъ годахъ видны уже ясные признаки прочной осѣдлости козаковъ въ порогахъ. Козакъ, захвативъ добычу на войнѣ или охотѣ, уже не спѣшилъ съ нею на сѣверъ, въ днѣпровскіе города, гдѣ прежде продавалъ ее и, проживъ въ свое удовольствіе зиму, на лѣто опять отправлялся за поисками добычи; теперь, по свѣдѣтельству очевидца (дяди лѣтописца Бѣльскаго-Орншевскаго, который самъ предводительствовалъ козаками въ 1580 г. по назначенію отъ правительства)¹⁾, козаки хотя и возвращаются въ большинствѣ на зиму въ города, но на островахъ днѣпровскихъ оставляютъ уже стражу „въ куренѣ“ (т. е. въ земляномъ окопѣ), снабженномъ пушками, которыя отняты у турокъ; стража состояла изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Численность козаковъ, собирающихся въ толпы, возросла уже до нѣсколькихъ тысячъ. Сообразно съ этимъ, возростала и дерзость ихъ предпріятій; они совершали походы на Очаковъ, Тегиню (Бендеры), Бѣлгородъ²⁾. Тогда въ обществѣ явилась мысль дать имъ правильную организацію, обративъ ихъ дѣятельность на постоянную пользу государства. Мысль эту высказывали нерѣдко частныя лица, болѣе просвѣщенные и болѣе знакомыя съ Украиною; такъ хроникеръ Бѣльскій указывалъ, что необходимо дать козакамъ постоянную осѣдлость на одномъ изъ острововъ Днѣпра, укрѣпивши его; для этого онъ указывалъ островъ Коханню, между порогами въ 40 миляхъ отъ Кіева; его избрали сами козаки для своей сторожи. Указывалъ также на о—въ Хортицу, ссылаясь на примѣръ Вишневецкаго, и на третій Томаковку, служащій преимущественнымъ мѣстомъ жительства козаковъ, главнымъ ихъ „замкомъ“—укрѣпленіемъ. Бѣльскій проектировалъ дать такимъ поселеннымъ козакамъ начальство отъ короля и назначить имъ жалованье (Bielsky, 718—719). Но польское правительство смотрѣло на этотъ вопросъ

¹⁾ Kron. Bielsk. 759 и 777.

²⁾ Въ 1574 г. совершенъ извѣстный походъ въ Молдавію Свирговскаго и Бастана съ 1200 чел., между которыми было 200 браславскихъ козаковъ. Въ 1577 г. походъ туда-же Подковы, Шаха и Конницаго.

другими глазами: въ 1578 г. король поручилъ кievскому воеводѣ разогнать „лотровъ, собравшихся на Низу“; но самъ король заявлялъ татарамъ, что уничтожить козацкія поселенія на Низу трудно, ибо они находятъ себѣ пріютъ въ Московскомъ государствѣ. Въ 1583 году, дѣйствительно, когда козаки разорили новое турецкое укрѣпленіе Ягорлыкъ и совершили походъ подъ Бендеры, то король велѣлъ ихъ ловить на возвратномъ пути; но они ушли кievскою украиною за московскую границу (Albetrandi: Panowanie St. Batorego, 237, 239).

Для организаціи низоваго козачества не сдѣлано было ничего польско-литовскимъ правительствомъ, и вся заслуга послѣдующей колонизаціи степей козачиною безраздѣльно принадлежитъ самимъ народнымъ массамъ, которыхъ влекли сюда не жажда бродяжничества и разбоя, а глубокой и здравый историческій инстинктъ.

IV.

Направление колонизаціи и этнографическій составъ населенія южной Руси.

Не смотря на несовершенства способовъ колонизаціи южной Руси въ XVI в., заселеніе этой страны шло своимъ, хотя и медленнымъ, путемъ. Главнѣйшая роль въ этомъ великомъ историческомъ процессѣ принадлежитъ массамъ простаго народа, который наполнялъ собою городскія и сельскія общины (преимущественно на государственныхъ земляхъ), который, наконецъ, проложилъ новые пути колонизаціи степей чрезъ козачину. Стремленіе народа на югъ было столь энергично и устойчиво, что его не могли удержать и остановить періодическія истребленія жителей татарами, турками и волохами.

Въ высшей степени важно знать, откуда же шла эта неистощимая колонизаціонная струя и какой именно народъ давалъ и возобновлялъ колонизаціонные элементы степей.

Колонизація южной Руси направляется отъ сѣвера къ югу; именно: переселенцы, заселявшіе постепенно южную Русь, шли изъ Бѣлоруссіи, т. е. Литвы, т. е. сѣверо-западной части той же Бѣлоруссіи, Полѣсья и изъ Московскаго государства,—но ни откуда больше.

По люстраціоннымъ актамъ можно опредѣлить самые этапы переселеній. Оказывается, что Бѣлоруссія (и отчасти Московское

государство) снабжаютъ колонистами сначала сѣверныя—полѣсскія части Кіевщины (Мозырскій, Овруцкій, Любечскій и Остерскій повѣты); затѣмъ отсюда и отчасти непосредственно изъ Бѣлоруссіи идутъ поселенцы въ южныя, собственно украинныя, повѣты. Прослѣдимъ эти станціи переселеній и для этого начнемъ съ сѣверныхъ повѣтовъ.

Самый сѣверный изъ правобережныхъ повѣтовъ—Мозырскій ¹⁾ въ пол. XVI в. нуждался въ новыхъ поселенцахъ, не смотря на свое укромное и относительно обезпеченное положеніе. Въ составѣ мѣщанъ и крестьянъ гор. Мозыря въ 1552 г. указано множество людей *прихожихъ*; напр. Пронецъ прихожій, Гридко прихожій, Алексѣй прихожій, Данило прихожій, Василій прихожій, Степанъ прихожій, Елисей прихожій, Копоть прихожій и т. д. Всего съ такою отмѣткою можно насчитать здѣсь до 30 поселенцевъ. Откуда они пришли не указываются; но это можно безошибочно опредѣлить по другимъ указаніямъ; именно, въ меньшемъ количествѣ случаевъ, вмѣсто такой глухой отмѣтки, обозначается то мѣсто, откуда явился переселенецъ; напр., такъ: Андронъ Чичерянинъ, Василь Чичерянинъ, это переселенцы изъ Чичерена (теперь города Минской губ.); другіе пришли изъ Слуцка (также нын. Мин. губ.): Яцко Случанинъ, Мартинъ Случанинъ, Яковъ Случанинъ; большее число пришло изъ Глуска (м. также Мин. губ.); Хома Глушанинъ, Несынъ Глушанинъ, Василій Глушанинъ, Сухачъ Глушанинъ, Калита Глушанинъ. Не менѣе идетъ изъ Бобруйска: Сысой Бобруянинъ, Оксета Бобруянинъ, Занко Бобруенинъ, Булько Бобруенинъ, Проць Бобруйковичъ. Иные пришли изъ Турова: Семень Туровичъ, Гришко Туровичъ, Хилимонъ Туровичъ, Сава Туровичъ, Гринъ Туровичъ. Другіе изъ Литвы: Иванъ Литвинъ, Игнатъ Литвинъ. Наконецъ здѣсь же являются и москвичи не въ маломъ числѣ: Иванъ Москаль, Федко Московичъ, Денисъ Москалевичъ, Степанъ Москаль, Андрей Москаль.

¹⁾ Арх. Юго-Зап. Р., Ч. VII, т. I, N LXXXV.

Нужно замѣтить, что, кромѣ приведенныхъ, какъ глухихъ, такъ и опредѣленныхъ отмѣтокъ, нѣтъ никакихъ другихъ о мѣстѣ происхожденія колонистовъ; отсюда слѣдуетъ заключить, что никакая другая страна, кромѣ Бѣлоруссіи, Полѣсья и Москвы, не давала поселенцевъ для этой мѣстности.

Колонисты, минуя сѣверные повѣты, шли и прямо дальше, или переполняя ихъ, шли въ болѣе южные предѣлы Кіевщины, увлекая за собою и коренныхъ жителей сѣверныхъ повѣтовъ. По-двинемся и мы за ними къ югу. Въ Чернобыльскомъ повѣтѣ въ томъ же 1552 г. находимъ опять Глушанъ (Робка, Корнеецъ, Скоруба, Гринецъ, Олексеецъ, Сачка, Санецъ, Шетинъ), Туровцевъ (Ганонъ-Туровецъ, Михаилъ Туровецъ, Пилать, Еремей, Харко, Занько, Мартинъ, Павелъ и др. Туровцы же), Свислочанъ, Кричевцевъ (Яковъ Кричевецъ), Петриковцевъ (Семень), Чичерцевъ (Омелянецъ Чияершинъ), Мстиславцевъ (Гапонецъ), Москалей: Гарасимецъ Москаликъ, Митко Москаликъ, Но тутъ уже есть и Мозыряне (Купецъ). Изъ всѣхъ переселенцевъ въ Чернобылѣ отмѣченъ одинъ Волянецъ.

Такое движеніе колонизаціи изъ Бѣлоруссіи наблюдается и на лѣвомъ берегу Днѣпра; между остерскими мѣщанами находимъ туровцевъ (Гринъ), бобруянъ (Хведко) и москалей (Опанасъ Москаль, Хведко Москаль). И здѣсь, кромѣ упомянутыхъ, нѣтъ никакихъ другихъ указаній о мѣстѣ происхожденія колонистовъ, за исключеніемъ одного Волошенина (Данило).

Спускаясь, вслѣдъ за переселенцами, къ среднимъ украиннымъ повѣтамъ—Кіевскому и Житомирскому, видимъ, что колонистовъ для нихъ давали тѣже сѣверно-русскія земли съ присоединеніемъ повѣтовъ, уже нами пройденныхъ. Между Кіевскими мѣщанами въ 1552 г. именуются: Митко Полоцко (sic), Петрокъ Литвинъ, Сорко Литвинъ, Иванъ Литвиное (sic), Наумъ Черниговецъ, Андрей Мозыренинъ, Пашко—тоже; нѣсколько москалей: Богданъ Москаль, Опанасъ Москаль. Но въ Кіевскомъ повѣтѣ къ указаннымъ колонизаціоннымъ элементамъ присоединяются въ значитель-

ной степени т. н. *севрюки*, т. е. жители Сѣверщины,—этотъ главный элементъ заселенія южной Украины; въ числѣ кievскихъ мѣщанъ были: Каленикъ Севрукъ, Хомица Севрукъ, Охматъ Севрукъ, Иванъ Себастьяновичъ Севрукъ, Ив. Мотыничъ Севрукъ, Карай Севрукъ, Томило, Машко и Шкода Севруки. Въ жалобѣ новооснованной кievской слободы, близъ ц. Софіи, колонисты говорятъ о себѣ, какъ пришельцахъ изъ разныхъ отдаленныхъ странъ, но въ числѣ ихъ именуются Шимко Мстиславецъ и Опанасъ Полочанинъ. Тутъ же именуется нѣкій Зигмунтъ, но это м. б. только прозвище.

Опять и здѣсь—въ Кіевѣ, между городскимъ и сельскимъ населеніемъ не указывается никакихъ другихъ инородческихъ примѣсей, за исключеніемъ армянъ, которые не въ маломъ числѣ вошли въ составъ жителей кievской городской общины.

Болѣе сложные колонизаціонные элементы попадали въ Житомиръ и его повѣтъ; именно здѣсь въ колонизаціонномъ движеніи участвуетъ уже и русское населеніе Волыни, какъ и слѣдовало ожидать, въ виду близкаго сосѣдства страны. Такъ между мѣщанами г. Житомира находимъ Марка изъ Полоннаго, Павла Скочка и Терешка, также Микиту Слесарева изъ Волыни, Занца изъ Корца, Иванца и Тишу изъ Луцка. Но и здѣсь преимуществуютъ пришлецы бѣлорусскіе, каковы: Селивонъ прихожій изъ Бобруйска, Степанъ Халеевичъ изъ Турова, Малый Случанинъ, Михаилъ Бобруянинъ, Кузма Бобруянинъ, Щербачъ изъ Бобруйска, Левонъ изъ Глуска, Павелъ изъ Копыля, Гридко изъ Копыля, а также изъ сѣверныхъ повѣтовъ Кіевщины: Максимъ изъ Мозыря, Гриманъ Мишковичъ изъ Овруча, Яновецъ изъ Овруча, Иванъ—оттуда же, Ёдець—также, Мацко изъ Овруча, Михаилъ изъ Овруча, Вакулка—оттуда же, Мартинъ изъ Овруча; так. обр., для Житомира ближайшею колонизаціонною станціею былъ сосѣдній Овручъ.

Въ составѣ частновладѣльческаго крестьянства, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ указано происхожденіе колонистовъ, явленія остаются тѣже; такъ между людьми п. Тыши были: Яковъ Случанинъ,

Омельянъ Глушенинъ. Въ огромномъ большинствѣ прочихъ случаевъ отмѣчается просто „прихожій“ безъ обозначенія откуда.

Наконецъ, въ самыхъ южныхъ повѣтахъ—Черкасскомъ и Каневскомъ, поселенцы, прошедшіе нѣсколько колонизаціонныхъ этаповъ, уже утрачиваютъ въ своихъ прозвищахъ наименованіе бывшей родины ихъ. Однако, и въ г. Черкасахъ въ 1552 г. отмѣчено нѣсколько такихъ прозваній, и всѣ они указываютъ на Бѣлоруссію и Сѣверщину: Сидоръ Севрукъ, Гринецъ Мозырянинъ, Васко Черниговецъ. Другихъ указаній нѣтъ. Въ украинскихъ повѣтахъ, особенно въ лѣвобережныхъ частяхъ ихъ (нынѣшней Полтавщинѣ), направленіе колонизаціи можетъ быть опредѣлено и другимъ путемъ, а именно: пришлое населеніе шло сюда первоначально на время, для лѣтнихъ промысловъ рыболовства, пчеловодства и охоты; зимой же возвращалось назадъ—домой; это т. н. „уходники“; изъ числа ихъ нѣкоторые и осѣдали на югѣ на постоянное жителство. Мимо Кіева весною внизъ по Днѣпру, а лѣтомъ вверхъ совершался перелетъ этого подвижнаго населенія. Спрашивается, откуда же оно шло? Люстраціи отвѣчаютъ положительно: „уходники: мозырцы, могилевцы, рогачевцы, рѣчичане и иные чужеволостцы, которые рыбу ловятъ ниже Кіева, тые вси, идучи назадъ у верхъ, даютъ у Кіевѣ воеводѣ мыта десятую рыбу“¹⁾. Относительно каневскихъ уходовъ, при уст. Сулы, замѣчается: „сего году (1552) ходили тамъ кіяне, лони—могилевцы“²⁾. О черкасскихъ уходахъ по Днѣпру, Ворсклѣ, Орели, Тясмени, Ингулахъ и Самарѣ люстрація 1552 г. говоритъ: „староста теперешний уходы верху писання вси даетъ кіяномъ, чернобыльцомъ, мозырцомъ, петриковцомъ, быховцомъ, могилевцомъ и инымъ чужегородцомъ“³⁾.

Направленіе колонизаціи съ сѣвера на югъ, внизъ по теченію Днѣпра, не только опредѣлялось географическими условіями, но отчасти указывалось и нѣкоторыми правительственными мѣрами;

¹⁾ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 112.

²⁾ Ibid. 101.

³⁾ Ibid. 85.

именно, постройка замковъ въ южныхъ безлѣсныхъ степяхъ (Кіевскаго, Каневского, Черкаскаго) возлагалась на т. н. „добродеревцевъ“, т. е. жителей лѣсной полосы верхняго и средняго Днѣпра. Отсюда правительство сгоняло какъ самое населеніе, опытное въ плотничныхъ работахъ, такъ и матеріалы для постройки. Массы этого народа, узнавши невольно путь на благодатный югъ, не всѣ возвращались домой, или, возвратившись, вновь предпринимали уже добровольное переселеніе въ степи, гдѣ несмѣтное богатство рыбы, звѣрей, птицъ, меду, плодовъ, овощей и хлѣба сулило жизнь привольную, хотя и полную приключеній. Гнетъ сельскаго населенія, постепенно развивавшійся во внутреннихъ областяхъ Литовскаго государства, составлялъ, наконецъ, послѣднюю—соціальную причину направленія колонизаціи съ сѣвера на югъ.

Что касается до колонизаціи изъ Московскаго государства въ южно-украинные повѣты, то разнообразныя причины, вызывавшія ее, могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ, а именно: эмиграціи недовольныхъ изъ Москвы и правительственнымъ мѣрамъ Московскаго государства. Эмигрировали преимущественно лица высшаго класса. Такое эмиграціонное движеніе, какъ извѣстно, усилилось въ послѣдніе годы правленія Іоанна III и особенно при Василии и Іоаннѣ. Эмиграція направлялась въ южно-русскіе повѣты Литовскаго государства, въ чемъ согласовались и желанія самихъ эмигрантовъ и намѣренія Литовскаго правительства. Сами выходцы избирали такія части государства, гдѣ надѣялись встрѣтить русское и православное населеніе; они избирали Волинь (какъ впослѣдствіи кн. Курбскій), но преимущественно шли въ Кіевщину и именно въ ея южные предѣлы, гдѣ предстояла имъ борьба съ татарами, т. е. съ тѣмъ же врагомъ, съ которымъ приходилось имъ бороться въ Москвѣ, и гдѣ представлялось мало шансовъ столкнуться со своими прежними соотечественниками и, слѣдов., подвергаться суровымъ искушеніямъ совѣсти измѣнника. Подобныя же соображенія заставляли и правительство Литовскаго государства испомѣщать ихъ на югъ—въ Черкасахъ и Каневѣ. Здѣсь видимъ

мы дѣйствующими: князя Путивльскаго, кн. Пронскаго и др. Для образца судьбы московской эмиграціи, приведемъ примѣръ изъ генеалогической исторіи одной вѣтви рода кн. Хованскихъ.

Въ 1609 г., декабря 27, Григорій Сафоновичъ Москвитинъ, сынъ боярскій, явился предъ житомирскимъ урядомъ и подалъ письменное заявленіе о томъ, что онъ, въ бытность свою въ Москвѣ дворяниномъ при дворѣ в. кн. Василя, зналъ тамъ кн. Ивана Хованскаго ясельничимъ, т. е. конюшимъ, а затѣмъ, по смерти его, сдѣланъ былъ ясельничимъ родной братъ его—кн. Петръ. Третій братъ Данило жилъ въ вотчинахъ своихъ и братнихъ; но этотъ Данило былъ введенъ въ немилость в. князя и съ Остаф. Дашкевичемъ выѣхалъ изъ Москвы, а когда Дашкевичъ сдѣлался старостою каневскимъ и черкасскимъ, то кн. Хованскій остался при немъ на службѣ рыцарской. Узнавши о томъ, п. Немировичъ, воевода кievскій, перевелъ его въ Кіевъ. Младшій сынъ его Михайло былъ застрѣленъ татарами при одной битвѣ, Дан. Хованскій умеръ въ глубокой старости; сынъ его Денисъ остался въ Кіевѣ; когда воеводою кievскимъ сдѣлался Альбрехтъ Пронскій, то татары напали на Кіевъ и взяли въ полонъ множество народу; при погонѣ за ними и отбитьъ полона, Дениса Хованскаго подстрѣлили, и онъ потомъ, недѣлю спустя, умеръ въ Кіевѣ, „гдѣ я и самъ въ товариствѣ з онымъ Хованскимъ и з *иными сыны боярскими*, служачими королю его милости, въ той потребѣ былъ“. Денисъ оставилъ 4 сыновей: Богдана, Павла, Ивана и Дмитрія, прозыв. Грозу, которые были живы во время показанія; изъ нихъ Дмитро служилъ дому князей Острожскихъ¹⁾. Въ этомъ разсказѣ сомнительна долговѣчность разсказчика; прочіе факты могутъ быть приняты за вполне достовѣрные.

Московское правительство, во времена Грознаго, направляло само своихъ подданныхъ въ южно-русскіе предѣлы Литовскаго государства: извѣстны походы кн. Дм. Вишневецкаго и дьяка

¹⁾ Кіев. Ц. Арх., Кн. № 11, л. 291 и слѣд.

Ржевскаго; были указаны уже попытки Московскаго правительства укрѣпиться на нижнемъ теченіи Днѣпра.

Указаннымъ направлениемъ колонизаціи уже отчасти разрѣшается вопросъ: *Къ какому этнографическому типу принадлежало это, повидимому, сбродное украинное населеніе?* Что въ немъ должна быть примѣсь разныхъ инородческихъ элементовъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія; но было ли въ немъ одно центральное зерно, или это была новая смѣсь русскаго, польскаго и восточнаго племенного начала (какъ иногда думаютъ)? Ниже будутъ представлены несомнѣнныя данныя, взятая изъ люстрацій полов. XVI в.; но напередъ не мѣшаетъ справиться со взглядами на этотъ вопросъ самихъ тогдашнихъ современниковъ—поляковъ и русскихъ. Полякъ Папроцкій въ своемъ стихотвореніи: „*Raposzka*“ (изд. 1575) такъ изображаетъ достоинства населенія украинной Руси: „не думайте, что я лъщу *рускимъ*; я недавно еще живу между ними и не съ ними воспитывался; но я тотчасъ оцѣнилъ ихъ славныя дѣла, которыя заслуживаютъ вѣчной памяти въ потомствѣ. Не одинъ разъ въ году эти достойные люди преслѣдуютъ татаръ и подвергаются опасностямъ войны. Какъ мужественные львы, охраняютъ они все христіанство; почти каждый изъ нихъ можетъ назваться Гекторомъ. Не имѣя отъ васъ (авторъ обращается къ полякамъ) никакой помощи, они доставляютъ вамъ такое спокойствіе, какъ откармливаемымъ воламъ. А вы, считая себя выше ихъ, выпрашиваете себѣ въ этихъ областяхъ имѣнія. Неприлично мудрому человѣку домогаться чужаго; не годится богатому пренебрегать убогимъ. У Подolianъ не различишь, кто панъ, а кто слуга; нѣтъ у нихъ ни на грошъ гордости...; слава этого народа распространена всюду, и останется за ними во вѣки вѣчныя, хотя бы Польша и погибла. Что дѣлалъ Геркулесъ, который побивалъ гидръ и не щадилъ земныхъ боговъ, то на Руси счумѣетъ сдѣлать каждый. Самсонъ разорвалъ челюсти льву; подобные подвиги въ наше время русаку за обычай. Могущественный турокъ разинулъ на насъ пасть, и храбрые русаки не разъ совали въ нее руку. Устремился бы онъ

съ многочисленнымъ войскомъ на Польшу, но останавливаетъ его русская сила. Бросаются русскіе въ пропасть войны, пренебрегая опасностями“... и т. д.¹⁾). Итакъ, полякъ воспѣваетъ доблести украиннаго населенія, какъ русскаго, отличая его отъ поляковъ, именно, какъ націю, и изображая его достоинства, какъ національно-русскія. И это онъ говоритъ преимущественно о Подоліи, странѣ, гдѣ относительно скорѣе можно ожидать прилива польскихъ элементовъ. Гваньини, издавшій свое сочиненіе въ 1585 году, такъ говоритъ о національности населенія юго-западной Руси: „Волиняне суть люди храбрые и воинственные, они русскіе по языку, правамъ и религіи“. Но для насъ интереснѣе свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о населеніи собственно украинномъ: черкасскомъ и каневскомъ: „Удаляясь на полдень отъ Кіева (говоритъ онъ), встрѣчаемъ городъ Черкасы, расположенный на Днѣпрѣ; его жители называются черкасами и живутъ длинной линіею вдоль Днѣпра. Они русскіе и отличаются отъ тѣхъ, которые обитаютъ въ горахъ у Понта Эвксинскаго (т. е. отъ черкесовъ). Они люди воинственные и храбрые, часто ведутъ войну съ татарами перекопскими, живущими въ непосредственномъ ихъ сосѣдствѣ, вторгаются въ ихъ области и захватываютъ добычу. Выше Черкасъ на семь миль по Днѣпру встрѣчается гор. Каневъ, знаменитый воинственными людьми, живущими вокругъ него. Ниже черкасцевъ и каневцевъ нѣтъ никакихъ христіанскихъ поселеній, ибо степи, лишеныя поселеній и служащія жилищами только для звѣрей, простираются на 40 миль до Очакова—укрѣпленія и города“. Таковы взгляды польскихъ ученыхъ XVI в. о національности южно-русскаго населенія; такіе взгляды, конечно, обязательны и для нынѣшнихъ писателей польскихъ и непольскихъ, ибо для первыхъ, какъ современниковъ, дѣло это было ближе и извѣстнѣе.

Издаваемые нынѣ люстраціонные акты въ полной мѣрѣ подтверждаютъ древній взглядъ на украинное населеніе, какъ исклю-

¹⁾ Переводъ принадлежитъ г. Кулищу; см. „Ист. воссоедин. Руса“, I, стр. 108—109.

чительно русское. Нѣкоторая инородческая примѣсь, неизбежная во всякой націи, нисколько не измѣняетъ вѣрности этого вывода.

Представимъ этнографическій обзоръ южной Руси по повѣтамъ сначала Литовскаго, а потомъ Польскаго государства.

Этнографическій составъ населенія *Каневскаго и Черкаскаго повѣтовъ* представляется въ люстраціяхъ въ слѣд. частяхъ: панское населеніе обоихъ повѣтовъ—русское, какъ видно ясно изъ приведенныхъ выше именъ и фамилій пановъ и бояръ. Важнѣйшій изъ частныхъ владѣльцевъ Черкаскаго повѣта—кн. Путивльскій—выходецъ изъ Москвы. Другая княжеская фамилія—Домонтовъ—обрушвщая литовская. Но сюда проторгается уже польскій элементъ (въ незначительномъ числѣ), частію чрезъ женитьбу на русскихъ владѣльцахъ, частію путемъ службы (выше упомянуты Келбовскіе—выходцы изъ В. Польши). Среди слугъ большинство также русское; но здѣсь изрѣдка встрѣчаются также имена или польскія или ополяченныя: Валеньтый, Янъ Драбъ, Яночко, Себестіанъ Бугъ, Радко Яцковичъ, Щастный Драбъ. Между слугами находимъ также (опять въ меншинствѣ) и имена восточныя: Мишко Теребердеевичъ, Малыкъ Баша, Иванъ Турчинъ, и только. Если весь довольно многочисленный гарнизонъ гор. Черкасъ (до 214 чел.) причислить къ полякамъ (люстраціи не даютъ поименныхъ списковъ его), то это отнюдь не измѣняетъ дѣла; подвижное и временное населеніе вовсе не должно идти въ расчетъ. Численность его перевѣшивается количествомъ временнаго русскаго населенія—козацкаго (до 250), которое мы также не беремъ въ этнографическіе итоги. И въ Каневскомъ повѣтѣ драбы, повидимому, поляки, напр. Березовскій Енъ (Янъ?). Пушкаръ—нѣмцы: въ Каневѣ—„пушкаръ Симонъ—нѣмецъ изъ Королевца (Кенигсберга), въ Каневѣ жену и дѣтей имѣетъ“. И въ Черкасахъ былъ прежде пушкаръ—нѣмецъ—„давный немецъ жонатый Томасъ Козель“; но когда онъ самъ отказался отъ службы, мѣсто его занялъ „Ворона, родомъ изъ Минска“, очевидно, русскій. Но не эти единицы пришлаго населенія даютъ основной типъ повѣту. Главное

т. е. городское населеніе, мѣщане, и въ Каневѣ и въ Черкасахъ, почти все состоитъ изъ русскихъ. Исключенія изъ общаго числа русскихъ, въ лицѣ нѣсколькихъ единицъ, идутъ въ пользу людей восточнаго происхожденія; напр. въ Каневѣ: Солтанъ Черемшенинъ, Лосищевъ Чемеришенинъ, Чувашъ Черемшенинъ, Федко Мордвиновичъ, Есенякъ Черемшенинъ. Въ Каневѣ есть люди и волошскаго происхожденія: Степанецъ Волошенинъ, Игнатъ Волошенинъ.

Немногочисленное количество каневскихъ крестьянъ, 50, (въ Черкасахъ ихъ нѣтъ вовсе) состоитъ все изъ русскихъ. Вообще, въ Каневскомъ повѣтѣ на 223 русскихъ имени можно насчитать 7 польскихъ, 1 нѣмецкое и 8 инородческихъ. Въ Черкасскомъ на 255 русскихъ именъ приходится 7 польскихъ, 1 нѣмецкое и 3 инородческихъ. Въ обоихъ повѣтахъ упоминается нѣсколько православныхъ церквей и ни одной католической.

Въ *Житомирскомъ повѣтѣ* этнографическій составъ землевладѣльческаго класса отличается безпримѣсною чистотою русскаго происхожденія; то были: Вороны, Тыши, Горностан, Стрыбли и проч. Слугъ въ Житомирѣ въ 1552 г. было 7; всѣ они прихожіе, но откуда, не обозначено; имена ихъ, однако, указываютъ на несомнѣнно русскую національность большинства. Степанъ Чорный, Иванъ Микulichъ, Климъ Мишковичъ, Микита Занковичъ, Горайнъ, Перехуновичъ; и лишь одинъ носитъ татарское названіе: Кучукъ. Пушкарѣ—нѣмцы. Мѣщанъ въ г. Житомирѣ въ 1552 г. было 52 хозяина; изъ нихъ отмѣчается: Богданъ Петковичъ отчичъ, судя по имени и прозвищу—сербъ и „Ходоръ Турчинъ отчичъ“, если не турокъ, то прихожій изъ Турціи. Затѣмъ все остальное большинство „прихожихъ“, какъ выше указано изъ Бѣлоруссіи, Полѣсья и изъ Волыни не только по мѣсту происхожденія, но и по именамъ и прозваніямъ—русское, каковы напр.: Вакулиха, Евсей, Терешко, Пантелей, Гирка, Селивонъ, Кузма, Максимъ, Степанъ, Ходоръ, Супронъ, Щербачъ, Иванъ Малый. Прозвищъ указывается очень не много, за то весьма характерныя для опредѣленій этно-

графическихъ, каковы: Скочко, Слесаревъ, Стырта, Нелѣповичъ, Кошель, Колесникъ, Епанча.

Что касается до сельскаго населенія, перечисленнаго также поименно въ люстраціи 1552 года, то въ чисто-русскомъ составѣ его самыя тщательныя и придирчивыя поиски не могутъ открыть иноземной и инородческой примѣси. Для примѣра приведемъ всѣ имена крестьянъ п. Олизара Волчковича; то были: Павелъ Сергѣевичъ, Федько Вороновичъ, Остапъ прихожій, Савко прихожій, Степанъ прихожій, Романецъ прихожій, Занько Козаковичъ, Гринецъ, Новакъ, Малютко Степановичъ, Харитонъ Лихичевичъ, Васько Бѣликовичъ, Микита Толкачевичъ, Минко Нестеровичъ, Яковъ Голенищевичъ, Василь Сорока, Занько Городецкій, Игнатъ Капуста, Толбачъ, Максимовичъ, Терешко Горячка (Горачка). Изъ числа именъ крестьянъ прочихъ житомирскихъ владѣльцевъ обратимъ вниманіе на характерныя русскія уменьшительныя формы: Данецъ, Василецъ, Павенецъ, Иванецъ, Хилецъ, Лукьянецъ, Нетепецъ. Среди прочихъ именъ крестьянъ преобладаютъ такія типическія южно-русскія формы, какъ Остапъ, Опанасъ или Панасъ, Пашко, Ходотъ, Мефедко, Грынецъ, Евтухъ, Юшко.

Столь же характерны и немногочисленныя прозвища крестьянъ, приводимыя люстраціею: Толстый, Короткій, Ботвинье, Ласкунъ, Японча, Гирия. Чтобы довести точность этнографическихъ наблюденій до крайней степени, отмѣтимъ, что на всѣ имена крестьянъ всего повѣта встрѣчается одно не русской формаціи, именно Касперъ, и одно трудно опредѣлимое: Бендей—атаманъ селища Черняховскаго. Такой составъ житомирскаго населенія тѣмъ для насъ важнѣе, что этотъ повѣтъ—самый западный изъ повѣтовъ бывшей Кіевской земли. Естественно было бы ожидать, что здѣсь въ числѣ горожанъ и крестьянъ, пановъ и бояръ мы найдемъ наплывъ чужеземнаго, именно польскаго элемента.

Къ опредѣленію этнографическихъ признаковъ ведутъ также и факты, относящіеся къ вѣроисповѣданіямъ (весьма немногочисленные). Въ г. Житомирѣ было нѣкогда (въ XV в.) два католич.

востела Бож. Матери и св. Николая; но первый изъ нихъ, вѣроятно уже въ XV в., „запустѣлъ“, т. е., за неимѣніемъ прихожанъ, служба въ немъ прекратилась; второй въ пол. XVI в. уже вовсе не существовалъ, и селище Поповичи, принадлежавшее ему, обращено въ пользу замка ¹⁾). Очевидно, что во времена болѣе мирныя и благоденственныя католико-польское населеніе утвердилось было въ Украинѣ; но послѣ невзгодъ и опустошеній исчезло и не принимало участія въ усиліяхъ и трудахъ колонизаціи. Что касается до православныхъ црквей, то въ 1552 г. въ г. Житомирѣ ихъ было двѣ ²⁾).

Этнографическій составъ населенія *гор. Кіева* можетъ быть опредѣленъ довольно точно при помощи поименнаго списка жителей въ люстраціи 1552 г. Здѣсь изъ 450 домовъ, главная часть падаетъ на дома мѣщанъ, находящихся подъ город. прису-домъ (173) и замковымъ (150); меньшая—на дома мѣщанъ частновладѣльческихъ, незначительная (42) на жолнерскіе дома и самая малая на дома пановъ и духовенства. Что касается до пановъ и бояръ, то всѣ 14 фамилій ихъ несомнѣнно-рускія; это Горностан, Тыши, кн. Сенскіе, Дублянскіе, Сурины и Проскуры.

Напротивъ, жолнеры, какъ по имени, такъ и по прямому обозначенію, принадлежатъ къ польской національности: „ляха Стасевъ домъ, ляха Маржовъ домъ, Бартошъ ляхъ, Яна ляха домъ, ляха Терликовского домъ, Шимка ляха домъ“. Изъ всѣхъ 42 домовъ жолнерскихъ, съ полною вѣроятностью можно считать русскими только два дома („Носка—Кравца, Мартина Следовъ домъ“) и одинъ домъ литвина. Всѣ прочіе жолнеры, хотя и не называются ляхами, но носятъ несомнѣнно польскія имена и фамиліи (Лукашъ, Янъ, Сарафенъ, Якубъ, Дхаровскій и др.). Польское населеніе—есть гарнизонъ, оно не входитъ въ составъ коренныхъ гражданъ. Къ польской же или м. б. чешской національности принадлежатъ и два пушкаря: Станиславъ Масарчикъ, Якубъ зекгармистръ (часов-

¹⁾ Арх. Югоз. Рос., ч. VII, т. I, стр. 151 и 152.

²⁾ Ibid, I, стр. 146.

щикъ). Изъ остальныхъ пушкарей—1 русскій (Павелъ Русинъ), а другой нѣмецъ (Павелъ Немецъ). Всѣ коренные жители—мѣщане, за немногими исключеніями въ пользу восточныхъ элементовъ, носятъ русскія имена и фамиліи, не оставляющія никакого сомнѣнія въ ихъ національности; напр.: Данило Картавый, Митрошко, Оксюта, Шульгинъ, Семень Корытко, Толстоуховая, Данило Помело, Иванъ Носъ, Миколай Дуботолка, Дмитръ Панамаревичъ, Степанъ Пиво, Гаврило Игумень, Андрей Кривый, Овъдутя, Степанъ Рагулькинъ, Василь Товстый, Марья Воронцова, Каленикъ Плотниковичъ, Максимъ Кобаковичъ, Иванъ Кошковавъ, Сашко Колюбакинъ, Сисой Хромый, Тарасъ Чорный, Корытко Убогий и т. п. Въ прозвищахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо указывается ихъ происхождение; черниговецъ, полоцкій и, въ особенности, севрюкъ, москаль. Но между мѣщанами есть нѣсколько домовъ армянъ; слово „орменинъ“ не есть только прозвище, указывающее на бывшее когда-то армянское происхождение предковъ, а предикатъ, точно обозначающій національность. Хотя только 6 мѣщанскихъ домовъ обозначены этою прибавкою, но, вѣроятно, армянъ было нѣсколько больше и они скрываются уже подъ фамиліями русскими, ибо есть попъ армянскій и шпитали армянскіе. Так. обр., русское населеніе Кіева составляетъ почти 90%; остальные національности вмѣстѣ около 10%. Для этнографіи *Кіевскаго повѣта* люстраціонные акты представляютъ менѣе данныхъ; но зная, что этотъ повѣтъ простирался преимущественно на лѣвомъ берегу Днѣпра, мы не можемъ сомнѣваться въ исключительномъ господствѣ здѣсь русской національности. Впрочемъ, относительно нѣкоторыхъ селъ повѣта есть весьма цѣнныя этнографическія данныя; напр., въ замковомъ селѣ Петровцахъ (на Днѣпрѣ, въ двухъ миляхъ отъ замка) перечисляются всѣ арендаторы земельныхъ участковъ съ именами, не оставляющими никакого сомнѣнія въ національности тѣхъ, кому они принадлежатъ: кто можетъ заподозрить атамана Микиту Вареника въ иностранномъ происхожденіи? Кто можетъ усумниться въ Опанасѣ Семибоковѣ, Митькѣ Дынченкѣ и пр.? Точно также отли-

чаются полною этнографическою выразительностію имена крестьянъ села Лутавы на Деснѣ; подъ начальствомъ атамана Уласа, тамъ жили, между прочимъ: Мивита Мышченкоу, Каленикъ Созоновичъ, Мехедъ Кузминичъ, Никита Савостьяновичъ и др., съ подобными же чистокровными именами.

Къ выводу объ исключительномъ господствѣ русской національности въ Кіевѣ и въ Кіевскомъ повѣтѣ ведутъ также данныя о числѣ церквей и духовенства, разбѣянные въ люстраціи 1552 г. Въ самомъ Кіевѣ указывается 10 домовъ поповскихъ, съ поименованіемъ тѣхъ приходскихъ церквей, въ которыхъ они служили; то были церкви: Пречистенская, Никольская, Демидовская, Воскресенская, Никольская-Наберезская, Спасекая, Борисоглѣбская, Белицкая (sic), Рождественская и Опанасовская. 10 приходскихъ церквей должны были имѣть и соотвѣтствующее число прихожанъ. Сверхъ того, въ Кіевѣ тогда были кааедральная церковь (монастырь) Софійская и знаменитые монастыри Печерскій и Николая Пустынаго. Въ повѣтѣ упоминаются монастыри Воздвиженія Честнаго Креста, Николы Межигорскаго, Михаила Выдубицкаго и запустѣвшіе отъ нападеній татаръ: монастырь Гнилецкій и Зарубскій (въ послѣднемъ „одинъ чернецъ стережетъ для пожару“). Въ параллель къ этимъ указаніямъ, люстрація сообщаетъ, что во всемъ повѣтѣ была лишь одна католическая церковь (въ замкѣ); изъ предыдущаго видно, что прихожанами этой церкви могли быть единственно приплые жолнеры; а такъ какъ и въ прочихъ повѣтахъ Кіевщины не находимъ вовсе католическаго населенія, то кіевскій католическій епископъ не имѣлъ никакой другой паствы; кааедра его была въ полной мѣрѣ in partibus infidelium.

Изъ при-бужскихъ повѣтовъ люстраціонныя данныя представляютъ возможность опредѣлить этнографическій составъ населенія лишь *Винницкаго повѣта*, но за то съ полною достовѣрностію. Землевладѣльцы Винницкаго повѣта принадлежать къ древне-русскимъ мѣстнымъ фамиліямъ, повидимому, безъ исключенія. Они извѣстны здѣсь со времени в. кн. Свидригайла (Кмиты, Микулин-

скіе и др.). Между ними нельзя отмѣтить ни одной фамиліи иноземной. Нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, возвысились изъ мѣстныхъ жителей другихъ сословій; такъ между земьянами указанъ Ивашко Поповичъ. Выше мы отмѣтили попытку королей польскихъ внѣдрить здѣсь польское землевладѣніе и отпоръ, встрѣченный ими въ чинахъ литовскаго сейма. Лишь нѣкоторые изъ земьянъ суть пришлые, получившіе во временное пользованіе замковыя села; но они пришли изъ воеводствъ и повѣтовъ русскихъ; такъ замковое село Вонячинъ въ 1552 году держалъ знаменитый князь Дмитрій Вишневецкій; судя по этому примѣру, сюда, въ южныя украины шли тѣ изъ родовитыхъ людей русскихъ, которые по натурѣ своей были козаками, сами искали себѣ опасной дѣятельности въ пограничьяхъ, хотя это замѣчаніе относится менѣе къ Винницкому, чѣмъ къ другимъ украиннымъ повѣтамъ. Населеніе города Винницы состояло въ 1545 г. изъ 140 мѣщанскихъ и 112 крестьянскихъ домовъ, а въ 1552 г. изъ 359 мѣщанскихъ (со слугами) и 31 крестьянскихъ. Поименное перечисленіе хозяевъ въ люстраціи 1552 года даетъ слѣд. результаты: изъ 359 именъ лишь 9 могутъ быть не признаны за русскія, и при томъ съ нѣкоторой вѣроятностію; а именно, изъ этихъ девяти шесть могутъ быть отнесены къ польской національности, каковы: „Амброжей“ (Амвросій); ляхъ Станиславъ, Макаръ Ляшковъ зять, Вовчокъ Ляшковъ сынъ. Послѣднія изъ этихъ именъ могутъ быть, однако, прозвищами русскихъ людей; остальные нерусскія имена относятся къ сербской національности; таковы: Милецъ Сербинъ, Цветко Сербинъ. Всѣ остальные 350 именъ внѣ всякаго сомнѣнія принадлежатъ русской національности; не говоря уже о такихъ, которыя дополняются прямыми указаніями въ родѣ: „попадья“, „дьячиха“,—не можетъ быть сомнѣнія о національности такихъ людей, какъ Савка Киселенко. Остатъ Трубоворъ, Иванецъ Косой, Иванъ Безноско, Розмыслиха, Павелъ Гвоздинъ, Ониско Кривой, Левко Безкостый, Иванъ Русаковичъ, Дубинось и пр. Люстрація называетъ въ городѣ 5 поповъ и одного дьякона и не указываетъ духовныхъ лицъ никакого другого вѣроисповѣданія.

Сельское население не перечисляется поименно; но въ нѣкоторыхъ изъ селъ указывается „церковь и попъ“ (с. Овдеевцы, с. Микулинцы, с. Почапинцы) ¹⁾.

Что касается до этнографіи *Браславскаго повѣта*, то достаточно вспомнить давно извѣстный фактъ, именно челобитную „всей шляхты рыцарства воеводства Браславскаго“ кор. Стефану Баторію 1576 г. о томъ, что жители этого воеводства, получивъ отъ короля грамоты на польскомъ языкѣ, заявляютъ, что они считаютъ это нарушеніемъ акта уніи и желаютъ получать грамоты изъ королевской канцеляріи на русскомъ языкѣ ²⁾. Проникновеніе польскаго элемента въ Браславщину начинается послѣ Люблинской уніи, въ концѣ XVI в., когда начался переходъ при-бужскихъ земель въ руки волинскихъ магнатовъ, которые повели за собою своихъ сателлитовъ-посессоровъ и управляющихъ изъ поляковъ.

Дѣлая общій обзоръ этнографіи украинныхъ повѣтовъ Литовскаго государства, приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) *Русскіе* составляютъ не только преобладающей, но почти исключительный элементъ (болѣе 96%), именно въ составѣ землевладѣльческаго, городского и крестьянскаго классовъ. Они не составляютъ большинства лишь въ гарнизонахъ, которыми обладали, однако, не всѣ украинные замки. Русское население Украины составилось въ значительной части изъ пришлыхъ элементовъ (бѣлорусскаго и московскаго; въ при-бужскихъ повѣтахъ, вѣроятно волинскаго). Пришлые элементы, однако, претворялись постепенно въ особую этнографическую группу, замѣтно отличающуюся, напр., отъ кореннаго населенія Волыни. Это даетъ основаніе предположить, что далеко не все населеніе Украины сложилось изъ пришлыхъ людей, что въ основѣ его сохранилась древняя закваска туземнаго, кievскаго и сѣверскаго, племеннаго начала. Кіевское населеніе не все поголовно было сносно бурями татарскихъ

¹⁾ Арх. Югоз. Рос., ч. VII, т. I, № LXXIV.

²⁾ Ак. Зап. Рос., т. III, № 64.

опустошеній. *Стверщина* уцѣлѣла не только на Ворсклѣ, Сулѣ и Удою, но значительно распространилась и на правомъ берегу Днѣпра, какъ показываетъ большая примѣсь севрюковъ въ составѣ населенія города Кіева и легенда о происхожденіи населенія Канева и Черкасъ съ лѣваго берега Днѣпра, занесенная въ люстрацію.

Въ При-бужской украинѣ сохранились и мелкія древне-русскія этнографическія особи, каковы *Болуховы*, впрочемъ, въ значеніи не столько племенномъ, сколько сословномъ.

Языкъ люстраціонныхъ актовъ можетъ считаться образцомъ южно-русскаго говора пол. XVI в.; украинное населеніе признается типомъ русскаго племени въ отличіе отъ польскаго.

2) *Поляки*, за исключеніемъ замковыхъ гарнизоновъ, составляютъ еще едва замѣтную этнографическую примѣсь въ южно-русскомъ населеніи, именно около 2% (за исключеніемъ Черкаскаго гарнизона). Они нашли себѣ пріютъ лишь въ служиломъ классѣ и въ составѣ городского населенія одного города Винницы (6 чел.). Въ гор. Кіевѣ только драбскіе дома принадлежатъ полякамъ. Достойно замѣчанія, что древній—рюриковскій Кіевъ заключаетъ въ себѣ болѣе значительное польское населеніе; извѣстно, что въ немъ одни ворота именовались „людскими“. Слѣдуетъ заключить, что въ литовскую эпоху польскій элементъ въ населеніи этого города уменьшился; и это неудивительно послѣ того, какъ мы знаемъ судьбу Кіева до паденія княжества и опасное положеніе Украйны послѣ того. Все незначительное польское населеніе Украйны обязано своимъ внѣдреніемъ сюда исключительно искусственнымъ правительственнымъ и церковнымъ мѣрамъ, т. е. назначенію старостъ и набору жолнеровъ изъ поляковъ, а также присылкѣ лицъ католич. духовенства изъ уроженцевъ Польши.

3) *Литвины* вовсе не могутъ быть принимаемы въ расчетъ въ южно-русскаго этнографіи XVI в. Люстраціи указываютъ лишь 1 въ числѣ кіевскихъ жолнеровъ, двухъ — въ числѣ кіевскихъ мѣщанъ и 1 въ составѣ черкасскихъ землевладѣльцевъ.

4) *Сербы и волохи*, равно какъ и прочіе выходцы изъ Турціи, тѣснимые дома турками, эмигрировали, между прочимъ и въ южную Русь; впрочемъ, большая часть ихъ останавливалась въ предѣлахъ Польскаго Подолья, гдѣ можно найти ихъ въ составѣ и сельскаго и городского населенія. Изъ литовскихъ повѣтовъ они проникали не далѣе При-бужья и Житомира: среди городского населенія Винницы находимъ трехъ хозяевъ—сербовъ, а въ числѣ мѣщанъ Житомира—двухъ.

5) *Восточные инородцы*, татары и финны, занимаютъ бѣльшій процентъ (около 1%) въ составѣ южно-русскаго населенія, но процентъ далеко не столь значительный, какъ можно бы ожидать при постоянныхъ сношеніяхъ и ближайшемъ сосѣдствѣ южно-русскихъ повѣтовъ съ татарщиною: въ Каневскомъ повѣтѣ находимъ лишь двухъ въ составѣ служилаго класса и 6—въ числѣ городского населенія; въ Черкаскомъ — 3-хъ въ служиломъ классѣ и 5—въ городскомъ. Въ прочихъ повѣтахъ присутствіе ихъ не отмѣчается. Правда, въ числѣ владѣльцевъ Кіевскаго и южно-днѣпровскихъ повѣтовъ скрываются старинные татарскіе роды, но уже вполне обрусѣвшіе (кн. Глинскіе и др.). Достоинъ замѣчанія, что татарскій элементъ въ южной Руси носитъ больш. част. финскія наименованія: черемисовъ, мордвы, чувашей. Это наводитъ на мысль, что въ передовыхъ аванпостахъ татарщины, при движеніи ея къ западу, были выставлены отатарившіеся финны. Они, какъ племя, болѣе склонное къ осѣдлости и цивилизаціи, скорѣе татаръ примыкали къ русскимъ городамъ и постепенно ассимилировалась на Руси.

6) *Нѣмцы*—въ весьма незначительномъ числѣ (по 1—въ повѣтахъ Кіевскомъ, Каневскомъ, Житомирскомъ и Черкаскомъ) являются исключительно въ роли пушкарей, въ которой конкурируютъ съ ними лишь чехи и поляки.

7) Наконецъ *евреи* вовсе не упоминаются въ люстраціонныхъ актахъ. Какъ извѣстно, имъ было воспрещено жительство въ Кіевѣ, но ихъ нѣтъ въ составѣ городского населенія и прочихъ украинскихъ городовъ. Лишь въ служиломъ классѣ Черкасъ попадаетъ

еврейское имя, но, очевидно, уже не по національности, а по бывшему происхождению лица, которое его носить. Изъ этого мы въ правѣ были бы заключить, что на всемъ пространствѣ Литовской украины въ пол. XVI в. не было евреевъ вовсе. Но изъ другихъ источниковъ узнаемъ, что и въ Кіевѣ въ кон. XV в. были мытники изъ евреевъ ¹⁾ и именно изъ кіевскихъ „жидовъ“ ²⁾, на которыхъ жаловался в. кн. московскій в. кн. литовскому за грабительское притѣсненіе московскихъ каравановъ, идущихъ изъ Крыма; узнаемъ, что въ 30-хъ годахъ XVI в. въ Винницѣ былъ богатый жидъ Михель, покупавшій въ Валахін по 2000 воловъ и торговавшій сукномъ съ волохами ³⁾. Эти факты, противорѣчащіе, повидимому, показаніямъ люстрацій (но относящіеся только къ г. Киеву и Винницѣ), могутъ быть, по нашему мнѣнію, безъ труда примирены съ этими послѣдними. Факты, касающіеся гор. Кіева, всѣ относятся къ XV в., именно къ тому времени, когда, по уничтоженіи Кіевского княжества, в. кн. Казимиръ установилъ сборъ мыта въ свою пользу въ восточныхъ областяхъ государства: Кіевѣ, Брянскѣ и Путивлѣ, и отдалъ его на откупъ евреямъ ⁴⁾; центральнымъ пунктомъ дѣйствія откупной системы въ этой части территоріи сдѣланъ былъ Кіевъ, и откупщики получаютъ наименованіе „кіевской жидовы“. Это не община болѣе или менѣе многочисленная, а двѣ — три фамиліи, постоянно повторяющіяся во всѣхъ актахъ; онѣ могли явиться сюда именно ради откупа. Впрочемъ, мы можемъ допустить, что нѣсколько еврейскихъ фамилій могли быть и старожильцами въ Кіевѣ со временъ древне-русскихъ, когда въ Кіевѣ еврейское населеніе было довольно многочисленное, ибо не даромъ тогда (въ Рюриковскую эпоху) одни изъ городскихъ воротъ именовались „жидовскими“. Но съ XVI в. полное отсутствіе евреевъ въ Кіевѣ утверждается вполне тѣмъ, что въ тарифахъ

¹⁾ С. А. Бершадскій: Докум. и регесты къ ист. литов. евреевъ, т. I, №№ 10, 11, 18, 19, 22.

²⁾ Ibid. № 24, сл. № 44.

³⁾ Ibid. № 145.

⁴⁾ Ibid. № 10.

поголовнаго жидовскаго не встрѣчается ни Кіева, ни другихъ южно-русскихъ городовъ ¹⁾). Что касается до Винницы, то изолированный фактъ присутствія здѣсь еврея Михеля въ 1532 г. объясняется тѣмъ, что въ то время старостою винницкимъ былъ кн. Илья Кон. Острожскій, въ волынскихъ владѣніяхъ котораго (Острогѣ, Дубнѣ) былъ одинъ изъ главныхъ и центральныхъ пунктовъ еврейской колонизаціи. Острожскій покровительствовалъ евреямъ и чрезъ нихъ велъ свои обширныя экономическія операціи. Впослѣдствіи и въ Винницѣ присутствіе евреевъ не отмѣчается.

Этнографическій составъ населенія *Польскаго Подолья*, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Польши естественно терпитъ измѣненія, хотя и незначительныя, преимущественно въ составѣ землевладѣльческаго и городского классовъ.

Такъ въ *Барскомъ староствѣ* ²⁾, гор. Баръ (въ 1565 г.) состоитъ, какъ мы знаемъ, изъ трехъ городовъ: гор. Польскаго, гор. Русскаго и гор. Черемисскаго (Черемискаго), изъ которыхъ наибольшій—городъ Русскій. Но отнюдь не слѣдуетъ думать, судя по названіямъ, что въ первомъ живутъ только поляки, въ третьемъ—только татары. Что касается до польскаго города, то въ немъ перечисляется до 20 жидовскихъ домовъ и есть улица, спеціально именуемая „жидовскою“. Далѣе, среди христіанскаго населенія, можно съ полною достовѣрностію различить не мало русскихъ поселенцевъ,—напр. Иванко Руссеѣ, Орпинка, Прокопъ Соленикъ, Казачекъ, Солоха и др. Въ Черемисскомъ городѣ, по словамъ люстраціи, „между черемисами живутъ поляки и русъ“ (именно 45 домовъ). Русскій городъ былъ сначала сельскимъ поселеніемъ, но потомъ получилъ права, дарованныя польскимъ мѣщанамъ; въ немъ среди именъ, приведенныхъ въ люстраціи 1565 года, нельзя открыть ни одного ни еврейскаго, ни польскаго. Такимъ образомъ, и въ этомъ городѣ, который былъ со временъ Боны излюбленнымъ мѣстомъ поселенія для поляковъ, они занимаютъ значительное меньшинство, сравнительно съ русскими.

¹⁾ Сл. С. А. Бершадскій: „Литовскіе евреи“, стр. 346 и 348.

²⁾ См. № XI.

Составъ сельскаго земледѣльческаго класса въ Барскомъ повѣтѣ болѣе однородный, чѣмъ въ городѣ. Инородческая примѣсь къ господствующему русскому населенію едва замѣтна. Беремъ первое попавшееся село—Карачинцы Римовы; въ немъ въ 1565 г. жили слѣд. тяглые крестьяне: Брайко Михайловъ, Гаврило, Селиванъ, Войтко, Дмитръ Маневичъ, Гаврилко, Кость Трусевичъ, Иванъ Сербиновичъ, Гаврило Козминъ, Васько Хведоровичъ, Хведоръ Трусевичъ, Клишко Старый, Василь Сербиновичъ, Иванъ Хведоровичъ, Аврамъ, Михно Степановичъ, Иванко Игнатовъ, Іолхимъ Бубень, Борисъ Гиревичъ. На льготѣ сидѣли въ томъ же селѣ: Хведоръ, Микита, Андрушко Яцковичъ, Гавришъ. Въ качествѣ служекъ были: Тинець, Михно Чоботаръ и Манило ватаманъ. Есть слѣды южно-славянскаго и восточнаго этнографич. элемента (Сербиновичи); одинъ изъ жителей с. Новосельцы „Яцко Царь, что изъ Турціи пришелъ года два тому назадъ“—(стр. 248) Изъ именъ польскаго строя въ цѣломъ повѣтѣ можно отыскать между крестьянами лишь 12; напр. въ селѣ Крутибородинахъ „Бернатъ—мельникъ“; въ селѣ Нещуровичахъ—„Станиславъ ляхъ“, „Янко мазуръ“, „Андрей ляхъ“. На основаніи этихъ немногихъ именъ, такъ-же неосновательно говорить о польской колонизаціи въ Барскомъ староствѣ, какъ заключать о московской колонизаціи въ томъ-же краю на томъ основаніи, что въ селѣ Шелеховѣ жилъ крестьянинъ Хведоръ Московичъ. Этнографическій составъ сельскаго населенія можетъ быть представленъ въ слѣд. цифрахъ:

Села замковыя.	Русск.	Польск.	Инород.	Всѣхъ.
М. Іолтушковъ	44	3	1	48
С. Маниковцы	11	0	0	11
Сл. Селище	27	0	0	27
С. Биликовцы	23	1	0	24
С. Головчинцы	13	0	0	13
С. Лука Слободецкая	25	0	3	28
С. Ивановцы	41	1	0	42

	Русск.	Польск.	Игорел.	Всѣхъ.
С. Карачинцы Римовы	24	0	2	26
С. Карачинцы Подлѣсные	15	1	0	16
С. Щодрова	19	0	0	19
С. Сусловцы	13	0	0	13
Поговцы	14	1	0	15
Деражня Дворецкая	27	0	1	28
Деражня Калининская	47	0	0	47
Деражня — Лука	33	0	0	33
Новосельцы	21	1	1	23
Виселокъ Новосельскій	24	0	0	24
Крутибородинцы	13	1	0	14
Пекутинцы	20	0	0	20
Мукаровъ	41	0	0	41
Нещуровичи	13	3	0	16
<i>Села частныхъ владѣльцевъ.</i>				
Шершеневцы	10	0	0	10
Яковле	4	0	1 (?)	5
Верещачинцы	10	0	0	10
Голодюковцы	2	0	0	2
Глѣбовъ	15	0	0	15
Мук. ровъ Малый	2	0	0	2
Козировцы	5	0	0	5
Руха Паробоча	8	0	0	8
Куриловцы или Свиногородцы	15	0	0	15
Шелеховъ	15	0	0	15
Голозинцы	?	?	?	6
Подарнава	?	?	?	4
Сеняковцы	6	0	1	7
Яблонецка	?	?	?	7
Гермаки	?	?	?	9
ИТОГО	600	12	10	648

Вообще этнографія сельскаго и городскаго класса въ Барскомъ повѣтѣ можетъ быть выражена такъ:

	Русск.	Польск.	Игорел.	Всѣхъ.
Баръ Польскій	6	74	22 (ср.)	102
„ Русскій	123	0	1 (ср.)	124
„ Черемисскій	41	4	50 (ср.)	95
Сельскія поселенія	600	12	10	648
ИТОГО	770	90	83	967
% отношенія	80%	10%	9%	

Что касается до этнографического состава землевладельческого класса въ Барскомъ повѣтѣ (по скольку даютъ матеріала люстраціи), то этотъ классъ состоитъ, большею частію, изъ лицъ русской и, меньшею, польской національности. Къ первымъ можно отнести: Бадовскаго, погубшаго въ Валахія вмѣстѣ съ Вишневецкимъ, Андрея Быковскаго, Калимановъ, которыхъ люстрація называетъ плебеями и которые тѣмъ не менѣе владѣютъ двумя „пустынями“ — Кунатовцами и Гучинцами, Степана и Хведора Кудіевскихъ, Алексѣя Карачевскаго, Петра и Ивашка Юсковичей, тоже изъ рода плебеевъ, владѣльцевъ с. Ременной, Ничипора, Андроса, Харушка и Романа Шелеховцевъ, Василя Поповскаго, Уначевъ Гришка и Хведора, можетъ быть и нѣкоторыхъ другихъ. Съ полною вѣроятностію, судя по именамъ, нельзя отнести къ польской національности ни одной фамиліи: Василь, Несторъ, Ячко и Илья Голодовскіе, Мурза и Василь Берлинскіе, Райдко Морозовскій, Дмитръ и Юрій Козировскіе, Іолтухи, Богданъ Свиногородекій, Степанъ, Гринецъ Ячковичи и Иванъ Сенковичъ Голозинскіе, Германъ и Степанъ Ильяшевичи, Семакъ Кунатовскій, Кунашъ, Братчина Кунатовскій, Ивашко и потомки Хведора Козловскаго, Терликовская, Миколоай Карапчѣевскій; сомнительнымъ остается лишь Мацѣй Митковичъ. О присутствіи польскаго элемента мы заключаемъ только на основаніи слѣдующихъ словъ люстраціи 1565 г.: „Села землянскія, которыя, какъ шляхтичи польскіе, такъ и земяне или бояре русскіе держатъ на грунтѣ Барскаго староства, на пустыняхъ, пожалованныхъ имъ или издавна или вновь“ ¹⁾).

Переходя въ *Хмельницкій повѣтъ*, находимъ, что въ г. Хмельникѣ въ 1565 году насчитывается до 320 домовъ. Изъ нихъ 5 домовъ жидовскихъ; остальные домовладѣльцы: мѣщане, предмѣщане, урочники (оброчные), свободные (новые поселенцы) и 5 русскихъ поповъ, почти безъ исключенія могутъ быть отнесены къ русскому населенію, судя по именамъ ихъ; говоримъ—почти,

¹⁾ См. стр. 262.

потому что нѣкоторые характеризуются предикатами: „Волошинъ, Волошчичъ, Сербинъ“; но такихъ и есть только 4 имени; между предмѣщанами есть Степанъ Москаль. Прозвища всѣхъ остальныхъ типическія—русскія, съ оканч. на *овъ, инъ, ичъ, икъ, юта, енко*, или на *enie* (въ латинской транскрипціи, то есть въ русской на *еня*); напр. Илько Павловъ, Пронецъ Кречковъ, Филипъ Несторовъ, Данило Охримовъ, Мартинъ Савринъ, Карпъ Любчинъ, Гапонъ Копыловичъ, Михайло Хомичъ, Сенюта, Петро Пупенко, Иванъ Совеня. Нѣкоторые прозвища остаются, по старому обычаю, безъ прилагательн. окончанія: Дубленикъ, Балабанъ, Сидоръ Буря. О существованіи католическихъ церквей въ Хмельникѣ ничего не упоминается; наоборотъ, 5 поповъ русскихъ указываютъ на исключительное господство здѣсь греч. вѣроисповѣданія.

Составъ сельскаго населенія въ томъ-же повѣтѣ, по именнымъ указаніямъ люстраціи 1565 г., почти безъ исключенія—русскій. Для убѣжденія въ томъ достаточно лишь нѣсколькихъ примѣровъ; въ с. Винниковцахъ имена крестьянъ таковы: Клишко, Гавдѣй, Ивашко Олексинъ, Савка Малышъ, Супронъ, Сенко, Гришко, Ярмакъ, Трусъ, Андрушко, Харько, Яковъ Царенко, Гирька, Суссиха. И прочія села населены людьми, носящими, между прочимъ, такія имена и прозвища: Гречиха, Иванъ Горилка, Козакъ, Приведенъ, Мусей Москаль, Сокотуха, Чабанъ Проскурникъ, Козуленко, Кисель Литвинъ, Данило Пинчукъ, Клишко Пугачъ и т. д. Исключенія изъ этого представляютъ лишь нѣсколько именъ (преимущественно въ Улановской волости) польскаго склада: Францишко, Янъ Ляхъ, Макошъ Ляхъ, но такихъ наименованій, вмѣстѣ съ сомнительными, всего 7 на всѣ сотни именъ всѣхъ селъ королевскихъ и частновладѣльческихъ. Столь же мало исключеній и для другихъ народностей: Сербинъ, Волошъ (всего 4 имени на весь повѣтъ).

Этнографическій составъ крестьянскаго населенія можетъ быть выраженъ въ слѣд. цифрахъ по селамъ:

<i>Села замковыя.</i>					Русск.	Польск.	Игорел.	Войтъ.
Винниковцы					56	0	0	56
Дубова					22	0	1	23
Куликовъ					20	0	0	20
Трибуховцы					15	0	0	15
Ювче					28	1	1	30
Чудиновцы					16	0	0	16
Бухня					11	0	1	12
Зинноховцы					9	1	0	10
<i>Села частныхъ владѣльцевъ.</i>								
Летинка					48	0	0	48
Румановцы					4	0	0	4
Ивановцы					13	0	0	13
Кумановцы					6	0	0	6
Горбовцы					6	1 (?)	0	7
Кочановка					3	0	0	3
Кожуховъ или Медвѣдевъ					29	0	1 (?)	30
Угловъ					7	0	0	7
Черленевцы					9	0	0	9
Крутневъ					7	0	0	7
Куриловцы					12	0	0	12
Лисогорцы					40	0	0	40
Гуминцы или Ивашковцы					8	0	0	8
Медвѣдовка					3	0	0	3
Заселово					15	0	0	15
М. Улановъ					65	4	0	69
ИТОГО					452	7	4	463

Вообще этнографическій обликъ городского и сельскаго сословія въ Хмельницкомъ повѣтѣ можетъ быть выраженъ такъ:

	Русск.	Польск.	Игорел.	Войтъ.
Г. Хмельникъ	316	0	4	320
Сельскія поселенія	452	7	4	463
ИТОГО	768	7	8	783
°/о отношенія	98°/о	1°/о	1°/о	—

Что касается землевладельческаго класса, то здѣсь находимъ уже иное явленіе: значительное число лицъ, которымъ розданы прежнія королевскія имѣнія въ Хмельницкомъ староствѣ, принадлежатъ польской націи. И это весьма понятно: то была преднамѣренная и систематическая роздача русскихъ украинныхъ владѣній польскимъ владѣльцамъ, какъ о томъ прямо заявляютъ люстраторы 1565 г.; таковы были здѣсь Мелецкіе, Свамировскіе, Чеплеѣвскіе, Пеговскіе, Згерскіе и нѣкот. др. Впрочемъ, новое—польское землевладѣніе отнюдь не вполне вытѣснило прежніе русскіе боярскіе роды; повидимому, сюда проникли и новые русскіе бояре; такъ Куриловцами и Левковцами владѣютъ Вороницы, извѣстная кievская фамилія. Къ русскимъ же фамиліямъ мы должны причислить Василя Стрековича (влад. с. Лысогорець), Лаврина Бѣлокура (влад. с. Угловъ) Александра Коротко (влад. с. Горбовцовъ) и нѣкот. др.

Итакъ, въ Барскомъ и Хмельницкомъ повѣтахъ мы видимъ полное господство русскаго національнаго элемента, колонизирующаго Подолье (за исключеніемъ одной сотни польскихъ домовъ въ гор. Барѣ и нѣсколькихъ единицъ въ составѣ населенія другихъ городовъ и сель).

Нѣсколько иные результаты даетъ люстрація *Каменецкаго староства*: сюда польская національность успѣла проникнуть въ значительно болѣе степени, хотя и здѣсь, какъ увидимъ, составляетъ громадное меншинство. Выше было приведено мѣсто люстраціи, въ которомъ говорится, что гор. Каменецъ заключаетъ въ себѣ троякій народъ и троякіе обычаи права, именно: поляковъ, преимуществующихъ своимъ значеніемъ (правами), русскихъ и армянъ. Хотя поляки здѣсь *autoritate praeeminent*, но численностью едва ли. Въ люстраціи 1565 г. пропорціональное отношеніе между числомъ трехъ національностей въ Каменцѣ прямо не указано; но нѣкоторыя данныя для этого есть; напр. указаны отдѣльно шевцы польскіе, которыхъ 9, и шевцы русскіе, которыхъ 14. Въ остальныхъ случаяхъ указанія даются въ именахъ и прозваніяхъ мѣщанъ; такъ перечислено 14 суконниковъ; между ними: Богданъ

Русинъ, Кузма Писанчичъ, Сахно Русинъ, Хведоръ Тележичъ, Гречка, Андрей Поповичъ, Ромашко Сухорадъ, Гришко Ганковичъ, Миколаецъ,—имена, которыя не могутъ быть отнесены ни къ какой націи, кромѣ русской. Затѣмъ есть два имени сомнительныхъ, два, повидимому, несомнѣнно польскихъ и одно армянское. Изъ 56 пекарей, судя по именамъ, было 46 русскихъ и 8 поляковъ; остальные инородцы.

Въ другомъ гор. того-же староства—*Летичевъ* между 158 именами мѣщанъ съ увѣренностью можно найти только два польскихъ и одно воеточное. Напротивъ, въ 3-мъ город. поселеніи—*Смотричь* уже довольно значительная примѣсь польскаго населенія, именно 13 на 75 всѣхъ домовладѣльцевъ (мѣщанъ). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что „служками“ (6 чел.) были исключительно поляки и 1 чехъ. Главная же масса мѣщанъ несомнѣнно русская (Семко Поповичъ, Иванъ Гусахъ, Андрей Самохвалъ, Иванъ Ворогусъ, Сенько Подгорный и пр.).

Въ селахъ Каменецкаго староства огромное большинство, конечно, русское; но примѣсь польскаго элемента есть и здѣсь, а именно:

<i>Въ селахъ замковыхъ:</i>				
	Русск.	Польск.	Инород.	Всѣхъ.
Триховцахъ	38	0	—	38
Переворочѣ	18	0	—	18
Киптинцахъ и Голосковѣ	19	6	—	25
Ляковицѣ	24	2	—	26
Должкѣ	40	5	—	45
Новоселицѣ	20	5	1	26
Татарицѣ	8	5	—	13
Кобачовцахъ	8	2	1	11
Подгородѣ	9	4	—	13
Гричковѣ	11	—	1	12
Горбачовѣ	44	4	—	48
Голенищевѣ	27	—	1	28
<i>Въ селахъ частныхъ владѣльцевъ:</i>				
Печариѣ	?	?	?	10

	Русск.	Польск.	Ипород.	Всѣхъ.
Кудинкѣ	11	—	—	11
Городищѣ, или Ст. Триховцахъ	8	3	—	11
Черной и Окнинѣ	?	?	?	20
Лосковцахъ Напольныхъ	27	4	—	31
Лѣтовѣ Дворищѣ	21	1	—	22
Бѣлой	20	5	—	25
Чуковой Дубровѣ	11	2	—	13
Карачковцахъ	9	1	0	10
Криничищѣ	?	?	?	30
Трупчинѣ	8	—	—	8
Лисечѣ	11	1	0	12
Гусятинѣ	43	6	1	50
Криничищѣ (другомъ)	?	?	?	9
Кутковичахъ	?	?	?	29
Шаравкѣ	103	8	6	117
Перегиинѣ	27	0	0	27
Зулинцахъ	15	0	0	15
Зулинцѣ Маломъ	2	1	1	4
Черешневкѣ	?	?	?	8
Мордынѣ	14	0	0	14
Кердановцахъ (Летич.)	6	0	0	6
Немиричахъ	4	0	0	4
Ролинцахъ	5	1	0	6
Бриндзовѣ	8	0	0	8
Мартинковцахъ	7	0	0	7
Марковцахъ	3	0	0	3
Багриновцахъ	?	?	?	20
Рудѣ	7	0	0	7
Петничанахъ	23	2 (?)	0	25
Бахлинѣ	25	1	1	27
Брежанахъ	20	0	0	20
ИТОГО	704	69	13	912

Вообще, этнографическій составъ городского и сельскаго класса въ Каменецкомъ повѣтѣ (вмѣстѣ съ Летичевскимъ) представляетъ слѣд. картину:

	Русск.	Польск.	Инород.	Всѣхъ.
Г. Летичевъ	155	2	1	158
Г. Смотричъ	68	12	1	81
Сельскія поселенія	704	69	13	912
ИТОГО	927	83	25	1151
% отношенія	80%	7%	2%	—

Остальные 11% относятся къ лицамъ, о которыхъ въ люстраціяхъ нѣтъ этнографическихъ показаній.

Считаемъ необходимымъ сдѣлать здѣсь общее замѣчаніе о значеніи люстраціонныхъ цифръ для этнографіи. Для вывода абсолютныхъ итоговъ о числѣ населенія люстраціонные акты, какъ указано было выше ¹⁾, малопригодны; но для этнографіи значеніе ихъ безусловно важно, потому что нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что въ тѣхъ частяхъ территоріи, которыхъ люстраціи не касаются, національныя отношенія имѣли почему-либо иной видъ. Думаемъ, что процентныя отношенія, выведенныя изъ люстрацій, имѣютъ одинаковое значеніе для всего поселенія.

Переходя къ землевладѣльческому классу, находимъ, что въ этомъ повѣтѣ онъ большею частью польскій. Въ люстраціи 1565 г. перечисляются слѣдующія фамиліи: Срочицкіе, Вольскіе, Мармузовскіе, Ярмолинскіе, Добекъ, Псарскіе, Вильковскій, Скотницкій, Талафусъ, Островскій, Сверчъ, Черменскій, Претвичъ (Силезецъ), Гослицкіе, Надольскіе, Бѣлицкіе, Цюлковскіе, Буржинскіе, Цеплювскіе, Цеклинскіе, Собоцкіе, Корицкіе, Завержевскіе, Скорошовскій. Нужно замѣтить, что все это владѣльцы имѣній, отданныхъ въ

¹⁾ См. выше стр. 22.

держаніе частнымъ лицамъ отъ короны; неворонныхъ имѣній люстраціи вовсе не касались. Въ этихъ послѣднихъ, нужно предполагать, русское землевладѣніе исчезло далеко не вполнѣ. Корона же раздавала свои имущества почти исключительно полякамъ.

Детальное разсмотрѣніе этнографіи повѣтовъ Польскаго Подолья приводитъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ о національныхъ отношеніяхъ этого края.

Русскіе и поляки. Подолье населено русскимъ племенемъ лишь съ незначительною примѣсью польскаго элемента, именно въ составѣ землевладѣльческаго и городского классовъ; русское населеніе вообще составляетъ 89 %; а именно: въ городскомъ классѣ 80 %, сельскомъ 90 %; польскій же элементъ въ городскомъ классѣ составляетъ 10 %, а въ крестьянскомъ населеніи занимаетъ лишь 4 %.

Этотъ край тогдашніе люди, въ томъ числѣ сами поляки, считали типическою страной русскаго племени, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ словъ Папроцкаго. Такой же взглядъ на этнографію страны высказывается и въ люстраціонныхъ актахъ; напр., при описаніи с. Окнина люстраторъ 1565 г. говоритъ, что тамъ не можетъ быть поселенія, потому что нѣтъ воды, и прибавляетъ: „а люди въ Руси не садятся иначе, какъ при водѣ и при лѣсѣ“¹⁾. Какъ и здѣсь, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, терминъ Русь есть не географическій, а этнографическій терминъ.

Къ выводу объ исключительномъ господствѣ русской національности приводятъ статистическія данныя, относящіяся къ вѣроисповѣданіямъ, на этотъ разъ довольно полныя и обстоятельныя.

Въ тарифахъ 1530—42 гг.²⁾ перечисляются, отдѣльно отъ прочаго населенія, „попы“, по поводу взиманія съ нихъ особой подати. При этомъ, очевидно, надо имѣть въ виду не одно лицо

¹⁾ См. стр. 193.

²⁾ См. Źródła dziejowe XIX, стр. 50 и 51, 68—70. Сводъ нижеслѣдующихъ данныхъ принадлежитъ г. Яблоновскому.

священника, но цѣлый причтъ извѣстной церкви. Списокъ этотъ таковъ: въ Каменцѣ 12 поповъ, въ Межибожѣ 4 (Воскресенскій, Николаевскій, Пречистенскій, Михайловскій), въ Скалѣ 2, Язловцѣ 3; въ Летичевѣ, Хмельникѣ и Зиньковѣ присутствіе ихъ обозначено, но число не выставлено. Въ остальныхъ городскихъ и сельскихъ поселеніяхъ исчислено поименно 52 попа въ 1530 г. и сверхъ того 21—въ 1542 году; а всего (если считать въ трехъ упомянутыхъ городахъ по 1)—98 причтовъ и церквей.

Въ 1565 г. по такому-же поводу въ сельскихъ поселеніяхъ исчисляется 85 причтовъ, а въ 1566, сверхъ того, 31, а всего 116.

По тарифѣ 1565 г. въ городахъ показано: въ Каменцѣ 8 (1 протопопъ, и 7 поповъ), Хмельникѣ—3, (по люстр. 5) Летичевѣ—2, Смотричѣ—2, Червоногородѣ—1, Черномъ Островѣ—1, Филипковцахъ—1, Гусятинѣ—1, Кудринцахъ—1, Орининѣ—1, Гринковцахъ—1, Крыковѣ—1, Ступинцахъ—1, Давидковцахъ—1, Чемеровцахъ—1, Сатановѣ—1, Завальѣ—1, Ягельницѣ—2, Шаравкѣ—1.

Въ 1583 г. показывается въ Каменцѣ—5, Хмельникѣ—3, Барѣ—2, Скалѣ—3, Сатановѣ—2, Язловцѣ—2; въ прочихъ—31 мѣстечкахъ—по 1. Въ селахъ 204 изчислено 54 священника; а такъ какъ всѣхъ селъ тогда было 650 въ цѣломъ воеводствѣ, то по этой пропорціи количество причтовъ всего воеводства въ 1583 г. должно быть выше 160 ¹⁾).

Г. Яблоновскій ²⁾ пытается изъ этихъ цѣнныхъ данныхъ сдѣлать общіе статистическіе выводы о количествѣ православнаго духовенства на Подольѣ, сравнительно съ Волинью, и говорить: „На Подольѣ неожиданно оказывается число православнаго духовенства далеко превосходящимъ число волинскаго духовенства. Изъ того, что по алфавитному списку селъ 1583 г. на 204 села приходится 54 священника, получаемъ одного попа на 3,77 села. Еще больше: въ трехъ самыхъ западныхъ волостяхъ, за р. Збручемъ, въ 48

¹⁾ Źródła dziejowe XIX, стр. 50 и 51.

²⁾ Źródła dziejowe XIX, 50 и 51, 68—70.

селахъ находится 32 священника, т. е. 1 на 1,5 село. Вслѣдствіе этого мы имѣемъ право принять для Подолья норму: 1 попъ крайней мѣрѣ на 4 села“. Между тѣмъ, по его же исчисленію на Волини 1 попъ приходится на 5 сель; при этомъ онъ открываетъ, что на Волини наименьшее число духовенства приходится на имѣнія кн. Острожскихъ—„этихъ ревнителей православія“ (по его словамъ), а наибольшее на имѣнія католическихъ бискуповъ (въ Торчинѣ, Садовой 1 попъ на 3 села). Наконецъ относительно Подолья г. Яблоновскій дѣлаетъ такое общее замѣчаніе: „показаніе случайное, но выразительное, что въ религіозномъ отношеніи лучше было (для православныхъ) подѣ непосредственною властью Короны“ (т. е. Польши).

Принимая съ признательностію изданные имъ цифровые факты и не споря съ его выводами о числѣ православнаго духовенства на Подольѣ, мы отнюдь не можемъ согласиться съ послѣднимъ общимъ замѣчаніемъ г. Яблоновскаго: еслибы принять его толкованіе фактовъ, т. е. еслибы различіе въ числѣ духовенства зависѣло отъ доброй воли владѣльцевъ, то выходило бы, что латинскіе бискупы занимались пропагандою православія на Волини, а католическіе паны на Подольѣ были горячими ревнителями греческаго исповѣданія, между тѣмъ какъ православные князья Острожскіе были гонителями православія. Если выводъ г. Яблоновскаго о перевѣсѣ Подолья надъ Волинію въ числѣ православнаго духовенства вѣренъ, то, конечно, онъ нуждается въ иномъ объясненіи. Мы не беремся его сдѣлать, но, по общему смыслу явленій, можемъ безошибочно утверждать, что въ православной церкви содержаніе духовенства зависитъ болѣе отъ прихожанъ, чѣмъ отъ владѣльцевъ; что число духовенства опредѣляется состоятельностью и набожностію приходовъ (если нѣтъ прямого гоненія со стороны иновѣрныхъ владѣльцевъ), быть можетъ; вѣчная опасность украинскихъ жителей Подолья возвышала ихъ набожность, а легкая возможность пріобрѣсти состояніе и даже богатство въ столь обильной странѣ, особенно путемъ добычи отъ тѣхъ же татаръ, давала

возможность меньшему числу жителей содержать церковь и священника.

Изъ цифръ, изданныхъ г. Яблоновскимъ, а отчасти содержащихся въ люстраціяхъ, издаваемыхъ нами, можно сдѣлать другой выводъ, а именно слѣд.: число православнаго духовенства на Подольѣ постепенно но быстро уменьшалось во 2-й полов. XVI столѣтія, напр. въ 1530 г. было въ Каменцѣ 12 поповъ, въ 1565 г.—8, а въ 1583—5; въ Язловцѣ въ 1530 г. было 3 попа, въ 1583 г.—2.

Что касается до латинскаго духовенства, то тотъ же г. Яблоновскій, хотя и говоритъ, что „эту рубрику даже и приблизительно вычислить нельзя, потому что мы не имѣемъ абсолютно никакихъ данныхъ, которыя давали бы намъ хотя слабый намекъ“; однако, не смотря на то, онъ считаетъ возможнымъ предположить, что на Подольѣ было больше костеловъ католическихъ, чѣмъ на Волыни, и что можно признать, по крайней мѣрѣ, что ихъ было столько же, сколько городовъ и мѣстечекъ, а именно 40. Что касается до селъ, то онъ же полагаетъ, что „костелы и монастыри еще рѣдко тогда встрѣчаются по селамъ“. На основаніи источниковъ, доступныхъ и намъ, смѣло можемъ сказать, что по селамъ они нигдѣ не встрѣчаются; изъ городовъ же Подольской украины съ полною вѣроятностью можно предположить ихъ только въ Каменцѣ, Барѣ, Смотричѣ и немногихъ другихъ.

Так. обр., не можетъ быть рѣчи ни о какой равносильной борьбѣ господствующаго русскаго населенія городовъ и селъ украиннаго Подолья съ чужеродными примѣсами (за исключеніемъ Каменца, Бара и Смотрича). Польскій элементъ вѣдрилъ лишь въ землевладѣльческій классъ. Выше (при обзорѣ повѣтовъ въ отдѣльности) мы отказались отъ цифровыхъ этнографическихъ выводовъ относительно этого класса. Дѣйствительно, здѣсь открываются трудно разрѣшимые вопросы: 1) было ли польское панское населеніе Подолья кореннымъ польскимъ по происхожденію, или въ большинствѣ состояло изъ русскихъ, измѣнившихъ своей національности? 2) въ какой степени нужно признать вообще преобла-

даніе польскаго элемента въ пановомъ классѣ Подолья въ срединѣ XVI в.?

На оба эти вопроса пытается (хотя и мимоходомъ) дать отвѣтъ г. Яблоновскій въ своемъ почтенномъ трудѣ. „Въ той эпохѣ возрожденія Подолья, послѣ монгольской бури (говоритъ онъ), преобладали пришельцы: во первыхъ, *литвины*, а со времени присоединенія края въ Коронѣ—болѣе всего *шляхта червоно-русская*, очевидно, только *gente*—русская, а *natione* уже—поляки... Вотъ напр. старая кость русская Кирден (въ Ориинѣ) и Чурилы (въ Куриловичахъ), а также дома Корчаковъ и Сасовъ. Тутъ за ними Бучацкіе и Язловецкіе..., нѣкогда владѣвшіе широкими пустынями даже до моря... Рядомъ съ этою группою—*домы и роды щиро-польскіе*, но издавна окрѣпшіе на Руси: могущественные Одровонжи—„апостолы ея“ и начальники (владѣльцы Зинькова и Сатанова)... Затѣмъ—стражи Подольскихъ предѣловъ Ляндскоронскіе (влад. Харзовецъ, позднѣйшаго Збжезя), Сѣнявскіе (въ Межибожьѣ), Каменецкіе, Реи (въ Рову) и др.“ Так. об., обѣ послѣднія категоріи лицъ означаютъ поляковъ, только 1-я *gente* русская, а вторая и *gente* и *natione* польская. Прочія національныя примѣси въ Подольскомъ панствѣ означаются такъ: „можно подозрѣвать волошскую кровь въ Талафусахъ. Армянъ не видно, упомянутый въ спискѣ 1493 г. Серкизь, владѣлецъ Переворочья, былъ родоначальникъ неизвѣстно какаго рода... Ярмолинскіе какъ будто хорватскаго происхожденія“¹⁾. Итакъ, подольское панство происходитъ отъ червонорусскихъ дворянъ, изъ литвиновъ, изъ поляковъ и отчасти западныхъ и восточныхъ инородцевъ. Въ такомъ вопросѣ, въ которомъ преобладаютъ догадки и аналогіи, нужно быть не особенно точнымъ, что бы догадка имѣла какую нибудь вѣроятность. Не отрицая происхожденія одной части подольскаго дворянства изъ русской Галиціи, и именно въ западныхъ повѣтахъ Подолья (Червоногородскомъ и Каменецкомъ), мы полагаемъ, что

¹⁾ Яблоновскій, *Źród. dziej.*, т. XIX, стр. 120 и 121.

²⁾ *Ibid.* стр. 126.

одною изъ главныхъ колонизирующихъ силъ было волынское, кievское и браславское древне-русское боярство. Такъ люстраціями засвидѣтельствовано переселеніе одной вѣтви кievскихъ Вороничей въ Хмельницкій повѣтъ. Точно также видимъ здѣсь кievскихъ Немиръ и браславскихъ Коротко. Тарифы Подольской земли упоминаютъ въ числѣ владѣльцевъ кн. Вишневецкихъ и др. При ближайшемъ сосѣдствѣ Волини и Браславщины съ Подолемъ было бы вполне невѣроятно, еслибы землевладѣльцы этихъ странъ не переходили въ Подолье. Что касается до выходцевъ изъ Польши, то, не отрицая многочисленности этого элемента въ подольскомъ панствѣ, мы и здѣсь должны поступать съ большою осторожностію; нельзя, напр., сопоставлять Одровонжей мнимыхъ *апостоловъ* Руси, (которая, однако, была крещена въ IX и X ст.) съ Ляндскоронскими, фамиліею литовскаго происхожденія.

Итакъ, вопросъ о происхожденіи подольскаго дворянства остается пока открытымъ въ главной своей части. Несомнѣнно только одно, что въ XV и XVI вв. множество польскихъ выходцевъ получили земельные надѣлы на Подольѣ отъ польскаго правительства.

Однако, утверждать, что уже въ пол. XVI в. всѣ подольскіе землевладѣльцы были поляками, было бы весьма далеко отъ истины. Тотъ же писатель, который относитъ превращеніе русскихъ галичанъ на Подольѣ въ поляковъ къ весьма древнимъ временамъ, говоритъ, что „изъ родовъ русско-литовскихъ остались на виду развѣ Немиры (въ Бакотѣ) и Карачевскіе (владѣльцы Карачева); другіе упали“. Однако, въ другомъ мѣстѣ, онъ же прибавляетъ, „мѣстный русскій характеръ еще не утратился и среди низшаго гнѣздоваго земянства; оно еще, очевидно, придерживается православнаго исповѣданія, о чемъ свидѣлствуютъ греческія имена: Гарасимъ, Ивашко, Кузьма, Тымко въ фамиліяхъ Ходаковскихъ, Дьяковскихъ, Радзеіовскихъ, Васильковскихъ“¹⁾. Мы выше отмѣтили

¹⁾ Źródła dziejowe, XIX, стр. 126.

въ Барскомъ и Хмельницкомъ повѣтахъ гораздо бѣльшее число фамилій съ русскими именами и теперь остаемся при томъ мнѣніи, которое получено нами изъ детальнаго разсмотрѣнія этнографіи повѣтовъ Подолья, а именно: русскій элементъ преобладаетъ въ составѣ землевладѣльческаго класса Барскаго повѣта, конкурируетъ съ польскимъ въ Хмельницкомъ повѣтѣ и уступаетъ польскому въ Каменецкомъ и Летичевскомъ.

Татары. Мы видѣли, что въ литовскихъ украинскихъ повѣтахъ татарскій элементъ лишь отчасти проникаетъ въ землевладѣльческій и служилый классы; но тамъ нигдѣ нѣтъ сплошнаго татарскаго населенія, цѣлыхъ татарскихъ общинъ. Въ Польскомъ Подольѣ такое явленіе представляетъ 3-я община гор. Бара, т. н. Черемисская. Это первый опытъ въ южной Руси образованія служилыхъ татарскихъ дружинъ (въ послѣдствіи времени такъ распространенныхъ здѣсь, а въ Литвѣ извѣстныхъ со временъ Витовта). Правда, среди татарской общины Бара жили и поляки и русь, но главная сплоченная масса оставалась татарскою, что едва ли приносило пользу государству на границахъ съ татарщиною и при вѣчной борьбѣ съ нею. Здѣсь собственно татарскихъ домовъ было 50, т. е. около 250 душъ обоего пола. Въ остальныхъ городскихъ и сельскихъ поселеніяхъ примѣсь татарщины совершенно незамѣтна.

Армянская община въ гор. Каменцѣ, по недостатку данныхъ, не можетъ быть опредѣлена въ своей численности.

Евреи. Поименное перечисленіе жителей въ городахъ: Кіевѣ, Житомирѣ, Каневѣ, Черкасахъ и Винницѣ дало намъ основанія для положительнаго вывода, что евреевъ не было здѣсь ни единой души; а такъ какъ частно-владѣльческихъ мѣстечекъ въ повѣтахъ названныхъ городовъ еще не было, то мы въ правѣ были обобщить этотъ выводъ на всю Литовскую Украину. Не то въ повѣтахъ Польскаго Подолья. Для полов. XVI в. мы имѣемъ лишь фрагментарныя указанія въ люстраціяхъ; а именно въ 1565 г. было ев-

реевъ въ Хмельникѣ 5 домовъ; въ Барѣ Польскомъ 22 (въ Русскомъ Барѣ нѣтъ ни одного). Въ прочихъ городахъ и мѣстечкахъ присутствіе евреевъ не отмѣчено. Другіе результаты даетъ перепись 1578 года; тогда взято жидовскаго поголовнаго 531 зл.; но полагаютъ, что подъ именемъ головы жидовской надо разумѣть не буквально каждую особь, а семейство или хозяйство, и потому приведенную цифру надо помножить, по крайней мѣрѣ, на 5 для полученія полной суммы еврейскаго населенія Подолья¹⁾. Городами, наиболѣе излюбленными для евреевъ въ это время, оказываются здѣсь Межибожье, гдѣ было 230 головъ, Баръ—съ 100 головъ и Сатановъ—съ 80.

Заканчивая исторію южно-русскаго украиннаго населенія до Люблинской уніи, считаемъ себя въ правѣ сдѣлать слѣд. общіе выводы:

1) Династическое соединеніе Литвы съ Польшею не дало никакихъ благихъ результатовъ для защиты юго-восточныхъ окраинъ обоихъ государствъ. Татарскія опустошенія Украины конца XV в. и начала XVI напоминаютъ своею губительностію Батыевъ погромъ.

2) Вслѣдствіе этого и въ силу невниманія литовскаго правительства къ дѣлу защиты и заселенія страны, успѣхи колонизаціи въ XVI в. менѣе замѣтны, чѣмъ въ XIV и XV вв. Польское правительство удѣляетъ болѣе вниманія колонизаціи Подолья, но исключительно землевладѣльческой и только съ цѣлями политическими, т. е. для полонизаціи края. Оттого результаты этихъ усилій далеки отъ желаемой высоты.

3) Правительство строило и содержало украинныя замки очень небрежно; непосредственное его участіе въ заселеніи края ограничивалось назначеніемъ старостъ (б. ч. изъ чужеземцевъ) и польскихъ гарнизоновъ, хотя и не во всѣ украинныя замки.

¹⁾ Яблоновскій: *Źródła dziejowe*, XIX, стр. 67.

4) Городскія общины, имущества которыхъ были роздаваемы частнымъ владѣльцамъ, бѣднѣли и безлюдѣли болѣе и болѣе.

5) Землевладѣльцы, получивши имѣнія отъ государства, могли заботиться о заселеніи ихъ лишь подъ условіемъ прикрѣпленія крестьянъ, не имѣя, въ противномъ случаѣ, никакихъ выгодъ отъ заселенія.

6) Не смотря на такія неблагопріятныя условія для колонизаціи, заселеніе страны шло, хотя и медленнымъ путемъ, преимущественно собственными силами народа, чрезъ развитіе козачины.

7) Вся масса народа, населявшаго Украину, принадлежала въ громадномъ большинствѣ въ русскому племени; южно-русская этнографическая основа всасывала въ себя пришельцевъ изъ Бѣлоруссіи и Москвы, такъ что до Люблинской уніи и въ Литовской и въ Польской украинѣ инородческая примѣсь едва замѣтна.

М. Владимірскій-Будановъ.
